

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

152

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ

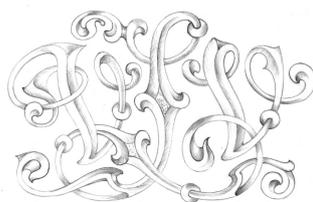
Материалы докладов и сообщений
VI международной научной конференции
8-10 октября 2010 года

Москва 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ

Материалы докладов и сообщений
VI международной научной конференции
8-10 октября 2010 года

Москва 2010

УДК 81'34
ББК 81
Ф777

Редакционная коллегия:

О.В. Антонова, М.Л. Каленчук (отв. ред.),
Р.Ф. Касаткина (отв. ред.), Д.М. Савинов,
Е.С. Скачедубова, В.В. Тимофеев (секретарь)

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 10-04-14070г)*

ISBN 5-88744-051-5

Институт русского языка им.
В.В. Виноградова РАН, 2010
Коллектив авторов

О.В. Антонова (Москва)

**ТВЕРДОСТЬ/МЯГКОСТЬ ЗАДНЕЯЗЫЧНОГО
СОГЛАСНОГО В КОНЦЕ ОСНОВЫ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФОРМЕ ИМ. П. ЕД. Ч. М. Р.
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Известно, что некоторые фонетические черты, присущие старомосковскому говору, в современном литературном языке утратили свою актуальность, другие же остались допустимыми наряду с новыми вариантами произношения. При этом исследования последнего времени [Антонова 2008а] показывают, что реальное распределение произносительных вариантов в эпоху распространения старомосковского говора не вполне соответствует тому, как это было описано в лингвистической литературе. В частности, удалось установить, что произношение возвратного постфикса в глагольных формах с мягким согласным, характерное для современного литературного языка, в начале-середине XX в. также было вполне обычным явлением в речи образованных людей (при том, что в качестве нормативного декларировалось только произношение с твердым согласным в этой позиции) [Антонова 2008б]. В этой связи представляется целесообразным проверить, каково было реальное распределение произносительных вариантов в начале XX в. на примере различных орфоэпических норм.

Произношение твердого заднеязычного согласного в конце основы прилагательных в форме Им. п. ед. ч. м. р. для старомосковского говора всеми исследователями признавалось безусловным. В.И. Чернышев отмечал: «Прилагательные имена, имеющие в письме окончание: *гий, кий, хий*, произносятся с окончаниями: *гый, кый, хый*: *дóлгый ... крѣпкий ... тѣхый*» [Чернышев 1915: 47], Д.Н. Ушаков подчеркивал, что согласно старомосковским орфоэпическим нормам «окончание прилагательных *-гий, -кий, -хий*, напр. *долгий, широкий, тихий*, произносятся *-гый, -кый, -хый*. Иначе сказать, произносятся так, как если бы было написано *-кой, -гой, -хой*. Поэтому одинаково произносятся окончания: *долгий путь* и *после долгой ходьбы, широкий ворот* и *у широкой рубахи, тихий ход* и *у тихой пристани*» [Ушаков 1995: 176]. Вероятно, эта норма не знала исключений – все лингвисты в начале XX века транскрибировали это окончание именно как [э̑]: *молодѣц[кэ̑]* (*молодѣцкий*), *вѣт[хэ̑]* (*вѣтхий*),

классичес[кэи] (*классический*) [Корш 1902: 51, 52], *з'э́мскъј* (*зёмский*), *в'э́тхъј* (*вётхий*), [Брандт 1892: 84], *ма́л'к'н'к'би* (*мáленький*), *ч'и́с'т'к'н'к'би* (*чи́стенький*) [Кошутин 1919: 35]; к тому же многократны указания на ошибочность произношения этого окончания как [иѣ]: Ф.Е. Корш помечает как неправильное произношение *ти́х[иѣ]*, *ди́к[иѣ]*, *стро́г[иѣ]* [Корш 1902: 63]; В.И. Чернышев говорит о том, что орфография этого окончания «не соответствует живому русскому *кой, гой, хой*» [Чернышев 1915: 25]. См. также высказывание В.А. Богородицкого: «Написания *высо́кй* упрю́гй тихй не соответствуют произношению (произносят «высо́кый»)» [Богородицкий 1887: 58] и его транскрипции: *рус'кы* (*ру́сский*), *жо́скъј* (*жё́сткий*), *т'э́рпкъј* (*те́рпкий*), *в'э́тхъј* (*вётхий*), *дал'о́къј* (*далё́кий*) [Там же: 107, 225, 229, 232, 235]. Анализ аудиозаписи лекции о московском произношении, прочитанной в 1940 г. Д.Н. Ушаковым, признанным специалистом в области русской орфоэпии, подтвердил изложенные выше данные: в его речи случаев колебания произношения на этом участке системы не зафиксировано.

Лишь однажды у В.И. Чернышева, для которого характерно отражение противоречивых тенденций в орфоэпии, имеется указание на возможное вариантное произношение подобных окончаний: «В немногих случаях письмо подчиняет себе произношение, требуя в нем отступления от существующих норм. Так, поэты при обыкновенных рифмах прилагательных на *кый, гий, хий* с словами на *ой* допускают изредка и такие случаи, где рифма не на *ой*, а на *ки, ги, хи*, которые уже приходится читать согласно с орфографией, а не с орфоэпией.

Например, у Пушкина: клики – великий:

... Пляски, *клики*

Его приветствуют. Она

Певцу присесть принуждена;

Поэт же скромный, но *великий*,

Ее здоровье первый пьет («Евгений Онегин», гл. V, строфа 33)» [Чернышев 1915: 27–28]. Однако необходимо отметить, что В.И. Чернышев, фиксируя подобное произношение «в соответствии с орфографией», не считает его ни правильным, ни распространенным.

С середины XX в. ученые отмечают значительные колебания на данном участке системы. В частности, Р.И. Аванесов писал:

«Прилагательные на **-кий, -гий, -хий** (в им. п. ед. ч. м. рода) в современном литературном языке могут произноситься как с мягким, так и с твердыми согласными [к], [г], [х] <...> Произношение с твердым согласным, соответствующее старым московским нормам, в настоящее время выходит из употребления» [ОС: 678]. Можно предположить, что в этот период старомосковская норма активно поддерживалась театральной орфоэпией: анализ записей спектаклей московского Малого драматического театра, сделанных в 50-е – 70-е гг. XX в. не выявил в речи артистов разных поколений ни одного (!) случая реализации этой формы с мягким согласным (на фоне колебаний в произношении на других участках системы можно отметить, что именно эта форма в речи театральных артистов выдерживалась наиболее последовательно).

Следует отметить, что в настоящее время старомосковский произносительный вариант этого окончания практически исчез из спонтанной речи литературно говорящих москвичей. Лишь у некоторых представителей старшего поколения «отягощенных знанием» лингвистов были зафиксированы единичные случаи проявления этих окончаний со свойственным старомосковскому говору твердым согласным. И хотя подобные факты произношения должны быть по-прежнему признаны нормативно допустимыми в литературном языке, анализ массивов теле- и радиоречи, а также наблюдения над спонтанной речью москвичей позволяют зафиксировать практически безысключительное преобладание в грамматической форме прилагательных Им. п. ед. ч. м. р. мягкого заднеязычного согласного в конце основы.

Е.М. Алтайская (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В АКЦЕНТИРОВАНИИ СОЧЕТАНИЙ СЛУЖЕБНЫХ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском литературном языке в некоторых случаях ударение падает на служебное слово, знаменательное слово при этом становится энклитикой (образуя со служебным единое фонетическое слово). Это наблюдается в произношении ряда сочетаний имен существительных, имен чис-

лительных, глагольных форм прошедшего времени со служебными частями речи – предлогами и частицами (например, *за руку, по двое, кто бы ни был, не дан*).

В результате проведенного ранее исследования удалось составить список знаменательных лексем-энклиноменов с учетом частотности переноса ударения на служебное слово, также был выявлен ряд лексических, грамматических, прагматических и социоязыковых факторов, определяющих акцентирование рассматриваемых сочетаний [Алтайская 2007].

На настоящем этапе исследования закономерности акцентирования рассматриваемых сочетаний и представление носителей языка о норме произношения изучались на материале живой звучащей речи, реализуемой в различных речевых ситуациях, записей художественных фильмов, теле- и радиопередач, а также данных проведенного эксперимента. В нем участвовали 100 носителей языка в возрасте от 16 до 85 лет. Участникам было предложено прочесть вслух специально составленный текст с 65 контекстами с анализируемыми сочетаниями: в нейтральной просодической позиции и в позиции семантического подчеркивания понятия, обозначенного знаменательным словом.

В итоге эксперимента были обнаружены такие закономерности:

1. Стремлению избежать переноса ударения, характерному «младшей» норме и молодым носителям языка противостоит важное для них представление о переносе ударения как литературном, рекомендуемом произношении (отсюда его сохранение в ряде сочетаний – т.е. реализация «старшей» нормы и даже «устаревших» вариантов).

2. Наиболее слабые возрастные различия наблюдаются в современном произношении сочетаний предлогов с числительными.

3. Семантическое подчеркивание чаще приводит к отсутствию переноса ударения в речи молодых носителей языка. Однако и для них частотно сохранение ударения на служебном слове с акцентным выделением сочетания – фонетического слова (характерное «старшей» норме).

В результате анализа материала были выявлены три основополагающие тенденции, взаимодействующие в современном произношении рассматриваемых сочетаний.

1. В одних ситуациях – «отказ от исключений, от идиоматики в акцентуации», чаще всего приводящий к постановке ударения только на знаменательных словах – наиболее активный процесс изменений в современной произносительной норме [Касаткина 2007].

2. В других же ситуациях – стремление к постановке ударения на служебное слово, являющееся альтернативным способом унификации акцентирования, обычно нарушающим кодифицированные нормы:

Они скоро на голове будут веселиться.

За один раз...

3. Сохранение ударения на служебном слове, обусловленное фразеологичностью семантики ряда сочетаний и лингвистической памятью носителей языка.

Взял задание на дом

Говорила ему, да все без толку

Выдали письма им на руки.

В современном произношении на уровне узуса был выявлен ряд интересных особенностей акцентирования, которые нельзя рассматривать в качестве нормативных, но, возможно, что зафиксированные факты демонстрируют нарождающиеся новые закономерности.

1. «Выравнивание парадигмы» – влияние форм-энклиноменов знаменательного слова приводит к превращению в энклиномены и других форм этого же слова, т.е. ведет к унификации парадигмы:

Чтобы не быть голословным...

Вы были, она не была.

Ты не была там? (формы *был, было, были* – энклитики, но форма *была* и инфинитив *быть*, согласно норме, не должны произноситься как энклитики).

2. Появление форм-энклиноменов у слова, в литературном произношении их не имеющего – по аналогии с энклиноменом той же части речи (часто обусловленное общностью семантики):

Можно за один раз (как *за два раза, за три дня*)

Приносит конфеты на вечер (как *на ночь*)

Снизилась на одну десятую (как *на два/ три пункта*).

3. Включение в разряд потенциальных энклиноменов другой части речи – местоимения (активнее всего участвуют в процессе местоимения-существительные).

дó сих пор

Ну можно решить все бéз него.

Наряду с акцентным выделением здесь частотно именно словесное ударение – в этом случае сочетание является одним фонетическим словом, а контекстные условия для акцентного выделения отсутствуют.

Не платить банкам нó их избыточным ресурсам.

А.Д. Андреева (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА КЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ

Фонетика русских односложных частиц представляет собой отдельную подсистему, являющую собой, с одной стороны, часть, а с другой – некую оппозицию общей звуковой системе современного русского литературного языка. Представляет интерес поведение безударных односложных частиц, иначе «клитических» [Бонно, Кодзасов 1998: 401]: *де, мол, вон, хоть, бы, не, вот, да, же, ведь, так, -то*.

Вокализм таких частиц имеет свои, особые закономерности, свойственные только этой произносительной системе. Закон Потемби трансформируется здесь до неузнаваемости, так что кажется, что среди клитических частиц он не действует, а руководят совсем другие законы, связанные со множеством факторов, но проявляющиеся относительно последовательно для всей фонетики частиц.

Клитические частицы по своему фонетическому поведению составляют две группы: одни содержат гласную фонему переднего ряда (*де, не, же, ведь*), а другие – непереднего (*мол, вон, хоть, вот, да, так, -то*).

Односложные частицы имеют, как правило, бинарную систему реализации гласной фонемы.

Довольно чёткое распределение произносительных вариантов обнаруживается у второй группы частиц, где фонема /o/ имеет в безударном положении варианты [o] и [ɔ], а не [a³] и [ɔ],

как предполагает формула Потебни: (*мол, вон, хоть, вот, -то*). Например, поведение гласного в частице *вот* противоположно закону Потебни: чем дальше от ударного слога, тем чаще произносится гласный полного образования: в I пред. слоге по данным эксперимента гласный в частице был произнесен без редукции в 68% случаев ([вот] *этой*), а во II и III предударных слогах этот процент увеличивается до 92% ([вот] *так зада́ча*). В других частицах этой группы фонема /a/ (*да, так*) реализуется, как правило, звуками [a³] и [э], и зависимость от положения по отношению к ударению также своеобразна.

Необходимо отметить, что выбором произносительного варианта руководят не только фонетические факторы: качество последующего гласного, просодические условия и т.п., – но и иные: социолингвистические и т.п. Например, для частицы *хоть* были показательны гендерные различия: женщины не редуцировали гласный в 5.5% случаев, тогда как мужчины всего в 0.5%. Как показали исследования, возраст носителя языка влиял на разницу в полученных результатах при произнесении частицы *вот*: информанты в возрасте 18–30 лет не редуцировали гласный в 18% случаев, информанты в возрасте 30–55 – в 22% случаев, а информанты старше 55 – в 28%.

Периферийными в этом слое русских слов, с одной стороны, являются наименее употребительные в современной речи частицы. Колебания в их произношении сводятся к минимуму. Среди них подгруппа модальных частиц «со значением субъективной передачи чужой речи, мысли, мнения и т.п. – *де, дескать, мол* и др.» [Лекант 2001: 237]: частица *мол* из 136 употреблений была произнесена с редукцией 8 раз, что составляет в среднем 6%, а *де* из 30 употреблений ни разу не была произнесена с редукцией. Но, являясь разговорной (*мол* [Ефремова 2001: 287; Ушаков 2001, Т. 1: 246]) или разговорно-сниженной (*де* [Ефремова 2001: 158]), в современной устной речи каждая из этих двух частиц употребляется редко и встречается носителям языка чаще в художественной литературе, то есть частицы *мол* и *де* стилистически ярко окрашены.

С другой стороны, для фонетической системы частиц периферийной является нейтральная частица *-то* в противовес модальным, эмоционально и экспрессивно окрашенным. Для этой частицы, служащей только для семантической конкрети-

зации высказывания, свойственна сильная редукция: из 392 употреблений в 100% случаев гласный был редуцирован. Частица *-то* всегда стоит в заударном положении и отчасти воспринимается как морфема: *кѣ-т[э] другой*.

Иными словами, две практически равные силы действуют в системе звукового оформления клитических частиц: стремление влиться в речевой поток путём наименьшего сопротивления, а именно – сильной редукции, а также, поскольку почти все исследуемые единицы в той или иной мере стилистически окрашены, являясь маркером модальности путём особого выделения из общих фонетических правил русской речи – произнесением без редукции.

Таким образом, вокализм является инструментом клитических частиц, необходимым для конкретизации функций этих единиц, семантика которых зачастую расплывчата, так что учёные порой искусственно разделяют ее на отдельные микроразличия, что подтверждается разным количеством таковых у разных авторов и в разных словарях.

Е.Л. Арзиани (Москва)

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ФОНЕМЫ /j/

Фонема /j/ в современном русском литературном языке может реализоваться различными способами. Основные реализации /j/ описаны в работах Р.И. Аванесова, М.В. Панова, Л.Л. Касаткина. Однако мнения лингвистов по вопросу позиционного распределения вариантов, представляющих /j/, а также влияния различных факторов на произношение звуков на месте /j/, не всегда совпадают.

С целью описания особенностей реализации /j/ в различных позициях в современном русском литературном языке, а также анализа условий и факторов, влияющих на реализацию /j/, было проведено специальное исследование.

В качестве материала для исследования был использован большой массив записей (около 180 часов телепрограмм). На базе этих записей были созданы отдельные звуковые файлы, содержащие анализируемые слова вместе с контекстами.

В данном исследовании был применён многофакторный орфоэпический анализ собранного материала. То есть в ходе исследования было проверено, зависит ли реализация /j/ от как можно более широкого спектра фонетических, лексических и социолингвистических факторов.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволил выявить факторы, влияющие на реализацию /j/:

Позиция по отношению к ударному слогу является одним из главных факторов, оказывающих влияние на реализацию /j/ в различных позициях. Такая зависимость прослеживается, например, в позиции после согласного перед гласным в заударной части слова. После безударного слога нуль звука на месте /j/ встречался чаще, чем после ударного. Так, слово *грудью* было произнесено с нулём звука на месте /j/ 2 раза из 29 (6,89%); а слово *площадью* было произнесено с нулём звука на месте /j/ 22 раза из 24 (91,66%).

Фразовая позиция оказывает влияние на реализацию /j/. Так, в позиции начала слова в безударном слоге в сильной фразовой позиции /j/, как правило, реализуется звуком [й], а в слабой фразовой позиции преобладает реализация нулём звука. Например: *«Телепортация» – это слово ввёл в обиход исследователь «неизвестного» Чарльз Гой Форт, чтобы описать [й]влёние переноса предметов из одного места в другое; До настоящего времени не сложилось единой точки зрения, которая могла бы объяснить данное [й]влёние.*

Количество согласных, стоящих перед /j/. Зависимость реализации фонемы /j/ от данного фактора была выявлена в позиции после согласного перед гласным. Фонема /j/ в позиции после группы согласных чаще реализовалась нулём звука. Если фонема /j/ находилась после одного согласного, то такое положение провоцировало сохранение [й]. Например, в слове *властью* фонема /j/ реализовалась нулём звука 29 раз из 31 (93,54%), а в слове *грязью* – 2 раза из 12 (16,66%).

Темп речи. Зависимость реализации /j/ от темпа речи прослеживается, например, в позиции конца слова. При быстром темпе речи чаще употребляется вариант с нулём звука на месте /j/. При медленном темпе речи звук [й] на месте /j/ сохраняется в большей степени, чем при быстром темпе речи.

Наличие / отсутствие паузы после слова. Данный фак-

тор оказывает влияние на реализацию /j/, например, в позиции конца слова. Отсутствие паузы после слова в большинстве случаев приводит к полной редукции фонемы /j/.

Частотная характеристика слова. Зависимость реализации фонемы /j/ от данного фактора была выявлена, например, в позиции после согласного перед гласным. Наиболее ярко тенденция к реализации фонемы /j/ нулём звука выражена у частотных слов, наименее – у редких и у слов со средней частотностью.

Степень подготовленности речи. Влияние данного фактора на реализацию фонемы /j/ было замечено, например, в позиции конца слова. В подготовленной речи /j/ реализуется звуком [й] чаще, чем в спонтанной.

Вид речи оказывает влияние на реализацию /j/, например, в позиции конца слова. При чтении количество словоупотреблений с [й] уступало количеству словоупотреблений с нулём звука, а при произнесении без опоры на письменный текст словоупотребления с нулём звука на месте /j/ встречались гораздо чаще, чем с [й].

Е.Л. Бархударова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ТИПОЛОГИИ ИНОСТРАННОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ РЕЧИ

Разработка курсов практической фонетики невозможна без описания типологии иностранного акцента. Акцент может исследоваться, во-первых, в ходе анализа интерферированной звучащей речи иностранца, во-вторых, – на основе сопоставления фонетической системы изучаемого языка с фонетической системой родного.

В рамках сопоставительного исследования звукового строя родного и изучаемого языков мало внимания обычно уделяется особенностям функционирования звуковых единиц. Описание функционирования звуковых единиц предполагает анализ закономерностей реализации фонем в звуках [Горшкова 1985: 56] и существующих в языке ограничений на употребление конкретных фонем в конкретных позициях. Последнее оказы-

важется важным для языков со звуковым строем преимущественно синтагматического характера [Панов 1977].

Большинство иноязычных систем отличается от русской тем, что наряду с позиционной меной звуков содержит более или менее значимые ограничения на позиционное употребление звуковых единиц. Так, например, в фонетической системе испанского языка шумные язычные щелевые <θ>, <s> и <x>, находясь в абсолютном начале слова, могут сочетаться только с гласными или глайдами. После начальных губных <p> и <β> допускаются гласные, глайды и сонорные, но не шумные.

Достаточно часто эти ограничения носят «скрытый» характер в родном языке, но ярко проявляются в интерферированной русской речи. В испанском акценте перед начальным сочетанием "[с]+согласный" последовательно фиксируется призвук [ʎ]: *[ʎ]слышал, *[ʎ]студент. Такой же призвук может произноситься перед начальными сочетаниями большинства глухих шумных (*[ʎ]птенец, *[ʎ]вторник).

Не менее частым оказывается «выпадение» первого шумного согласного во всех начальных сочетаниях глухих шумных, кроме сочетания «[с]+согласный». Оно особенно характерно для произношения носителями испанского языка многосложных слов: *[s]ихологический (психологический), *[s]есторонний (всесторонний).

Анализ функционирования звуковых единиц в родном языке в сопоставлении с русским позволяет разграничить одинаковые, на первый взгляд, явления в иностранном акценте. Так, в корейском, китайском и японском акцентах в абсолютном начале слова щелевой [з] заменяется аффрикатой [ʒ]: [ʒ]автракать. Однако если в китайском и корейском акцентах это объясняется отсутствием в родных языках фонемы <z>, то в японском акценте причиной является звуковое варьирование: в абсолютном начале слова и после [п] японская фонема <z> реализуется аффрикатой, в остальных позициях – фрикативным.

Поэтому в отличие от китайцев и корейцев для японцев такие противопоставления, как *веду – везу*, *рада – раза*, не составляют трудности; при обучении японцев русскому произношению не стоит задача постановки фонологического слуха на участке противопоставления звонких зубных смыч-

ных и щелевых. В то же время в абсолютном начале слова и после переднеязычных носовых японцев на месте щелевого [ʒ] последовательно произносит аффрикату, перенося позиционные закономерности родного языка на изучаемый.

Именно черты функционирования фонем родного языка лежат в основе появления в акценте «экзотических» звуков. Так, в испанском акценте регулярно встречаются межзубный звонкий [d̪] и губно-губной звонкий щелевой [β], которые являются позиционными модификациями испанских смычных фонем , <d>. В акценте китайцев на месте сочетаний гласных с носовыми согласными встречаются носовые гласные: *покл[õ]* (поклон)*.

Работа по устранению ошибок, связанных с планом функционирования фонем, отличается от работы над иными фонетическими ошибками, что определяет необходимость исследования особенностей функционирования фонем в иноязычных системах в сопоставлении с русской.

Д.Д.Беляев (Тула)

СХЕМЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Основная линия эволюции русского вокализма – уменьшение различительной силы (закон Бодуэна де Куртенэ – Панова). Сегодня нейтрализация гласных фонем завершает охват фонологического пространства (зоны верхнего подъёма). Вслед за ⟨и⟩ настала очередь фонемы ⟨у⟩. Качественная редукция [yː] пока ещё не стала регулярной (наиболее благоприятные условия: заударный слог между мягкими согласными). Но слушающий уже не может игнорировать её возможность.

Не образуя корреляций, гласные фонемы взаимодействуют друг с другом индивидуально. Во всех случаях нейтрализуются признаки огубленности и подъёма (до 2/1 степени). Но характер взаимодействия не является жёстко заданным. Он может варьироваться в зависимости от фонетической позиции и морфемного положения. Поэтому наряду с основными схемами нейтрализации (1–3) действуют дополнительные (4, 5). Каждая схема формирует 2/3 поля нейтрализации объёмом от 2 до 5 единиц.

Схема 1. В неприкрытом слоге (после # / [Г])

Ударный слог	⟨а⟩ → [á]	⟨о⟩ → [ó]	⟨э⟩ → [э/é]	⟨и⟩ → [í]
Безударные слоги	[a]	[a]	[и]	[и]

[áдр'ис – # адр'ис авáт'], [óз'иръ – зъ аз'óр ньí]; [пáгт – пýгт' íч'иск'иí], [íгр ы – # игр авóí].

Поля нейтрализации: [а] ← ⟨а·о⟩; [и] ← ⟨э·и⟩.

Схема 2. После твёрдых [С]

Ударный слог	⟨а⟩ → [á]	⟨о⟩ → [ó]	⟨э⟩ → [é]	⟨и⟩ → [í]	⟨у⟩ → [ý]
1-й предударный слог	[a]	[a]	[ы]	[ы]	[y]
Прочие предударные слоги	[ь]	[ь]	[ь] ([ы])	[ь] ([ы])	[y] ([ь])
Заударные слоги	[ь]	[ь]	[ь]	[ь]	[ь] ([y])

[мáл – мал á – мýл авáт], [служ áнкъ – манáш ьнкъ], [пóл'ь – пал'á – пýл'ивóí – во пýл'и];

[мáдýл' – мýдýл'jэр – мýдýл'ирóфкъ], [пýл' – ф пýл'й – пýл'ивóí], [гус ьн'ь – бáр ьн'ь];

но: [вы/ь хад'й] («наружу : внутрь»); [с ытаж á], [в ыз галóв'ji] (сильные морфемные границы);

[рýк'и – рук'á – ру/ьк авóцтвъ], [абраз ýит – тр'эб ь/ýит], [в'ид ýш'иí – маш'ьш'иí], [как'ýíу – нóв'ьíу].

Поля нейтрализации: [а] ← ⟨а·о⟩; [ы] ← ⟨э·и⟩; [ь] ← ⟨а·о·э·и·у⟩.

Схема 3. После мягких [С']

Ударный слог	⟨а⟩ → [á]	⟨о⟩ → [ó]	⟨э⟩ → [э]	⟨и⟩ → [í]	⟨у⟩ → [ý]
1-й предударный слог	[и]	[и]	[и]	[и]	[y]
Прочие предударные слоги	[и]	[и]	[и]	[и]	[y] ([и])
Заударные слоги	[и]	[и]	[и]	[и]	[и] ([y])

[а паі́яс ън – пьис а́ – по́(ѣ)ис], [м'ѹ́л – м'и́ла], [какѹ́й – с'и́нѹ́],

[јзз'д'ит' – јизд а́ – јизд аво́ј – по́(ѣ)ист], [м'ѹ́л – м'и́ла – м'и́л ават'],

[кл'ѹ́ч' – кл'ѹ́ч' ѱ – ф кл'ѹ́ч'ина́], [б'јѹ́ш'иј – ко́л'и́ш'иј], [какѹ́й – с'и́нѹ́], [б'јѹ́ – ка́(ѣ)ис'].

Поля нейтрализации: 1-й предударный слог <а·о·э·и>; прочие безударные слоги <а·о·э·и·у>.

Схема 4. После [ж], [ш], [ц]. Продукт противоречия между консонантизмом и вокализмом, возникшего в результате отвердения [ж'], [ш'], [ц']. Отражает переход 1-го предударного слога от **схемы 3** (устранение нижнего и среднего подъёмов) к **схеме 2** (устранение среднего подъёма). Прочие безударные слоги переход завершили.

Ударный слог	<а> → [а́]	<о> → [о́]	<э> → [э́]	<и> → [и́]
1-й предударный слог	[а] ([ы])	[ы] ([а])	[ы]	[ы]

[шар – шар ы́]; [ји́ж ѹв ы́ – нъж ѹв о́ј], [шѹ́с'т' – шы́ст о́ј], [цы́рк – цы́рк а́ч'].

Но: 1) [жыл'эт'], [льшыл'ѳ], [двѹ́ цы́т'и́], [рж ын о́ј] <а> (следы прежнего состояния);

2) [кынцан'эт'], [мъжар'дѹ́м], [шак'и́ръвьт'], разг. [тънц'аф ш'и́цъ] <о> (ростки нового состояния).

Поля нейтрализации: [а] ← <а·о>; [ы] ← <а·о·э·и>.

Схема 5. В грамматических аффиксах после [С]/[С']. Продукт противоречия между фонетической и морфологической системами, ориентированный на сужение полей нейтрализации.

Ударный слог	<а> → [а́ а́]	<о> → [о́ о́]	<э> → [э́ э́]	<и> → [и́ и́]
Заударные слоги ([С] +)	[ы]	[ы] ([ы])	[ы]	[ы] ([ы])
Заударные слоги ([С'] +)	[ы]	[ы] ([и])	[и]	[и]

Морфемные условия: все окончания; суффикс компаратива, суффиксы деепричастий; постфикс императива мн. ч., возвратный постфикс.

Позиционные условия: 1) последний/предпоследний звук; 2) не между мягкими согласными. Т. е.: [-Г#], [-ГГ#], [-ГС#], [-СГС'#].

([С] +): [стран^а – каш^ы], [служ^а – слыш^ь]; [стран^о – каш^ы], [акак^{ом} – анов^{ьм}] <а·о>;

но: [ж^{от}/л'иж^{ьт} – скаж^{ьт}, слож^{ьт}] (неразличение 1 и 2 спр.) <о·и>!

[душ^а – каш^ы], [св'иж^ь – краш^ь]; [душ^ь – каш^ы], [зъп'ир^ьш^ьс' – зда^ьфш^ьс'] <э·и>;

но: м. р. ед. ч. [как^о – нов^ь] (отталкивание от форм ж. р.) (неразличение 1 и 2 спр.) <о·и>!

([С'] +): [пл'ич^ь – пол^ь], [нъч'ил^ьс' – дал^ьс']; [пл'ич^ь – пол^ь], [ч' – с'ин^ь]; <а·о>;

[нъпл'ич^ь – напол^ь], [нав^ьз'ь – грóмч' – и]; [как^ь – с'ин^ь]; <э·и>;

но: [рас'т^ь – т^ь], [рас'т^ь – т^ь] – т^ь(ж)т^ь, нóс^ьт^ь] (неразличение 1 и 2 спр.) <о·и>!

Поля нейтрализации: [(С +)ь] ← <а·о·и>, [ы] ← <о·э·и>; [(С' +)ь] ← <а·о>, [и] ← <о·э·и>.

Смешение окончаний 3 л. мн. ч. ([слыш^{ьт}/-^{ьт}], [кол^{ьт}/-^{ьт}]) имеет нефонетическую природу.

Н.В. Богданова (Санкт-Петербург)

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ФОРМЫ – ПОРЧА ЯЗЫКА ИЛИ ФАКТ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ?

Редуцированные формы (РФ) сверхчастотных слов русской речи знакомы сегодня любому говорящему и читающему на русском языке – настолько основательно они заняли свое место в нашей речи (*здрасьть / отдел кадров уже закрыт? ага / сёння же пятница*) и в письменных текстах (*Ай не буду, дяинька, ай не буду!* [Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]). Общее впечатление о них таково, что они лежат целиком в лоне устной речи, отражают разговорную специфику в письменных текстах и свидетельствуют о снижении культуры речи, свойственном

современному социуму. Думается, однако, что на эти факты можно взглянуть и под другим углом зрения.

Так, одним из путей пополнения русского лексикона является, вне всякого сомнения, лексикализация РФ, появившихся именно вследствие действия закона экономии: *ишь* ← *вишь* ← *видишь*, *-с* ← *сударь* и мн. др. Некоторые из таких форм попали в словари буквально на наших глазах: *Черт-те что*¹.

В пользу начавшегося процесса лексикализации и современных РФ говорит, например, тот факт, что история их письменной фиксации насчитывает уже более 150 лет, ср.: *И отчего у те болезнь?* [Ф.М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)]. РФ некоторых слов (*тысяча*, *сейчас* и под.) насчитывают в Национальном корпусе русского языка тысячи употреблений. Можно выделить даже ряд особенностей функционирования РФ в письменных текстах, свидетельствующих об их освоении языком именно в усеченном виде, ср.:

- *Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу!* [М. Горький. На дне (1902)] - форма *вашество* уже содержит в своем составе местоимение *ваше*, однако в данном контексте присоединяет его еще раз;

- *Сам Жора написал где-то к тридцати годам десять рассказов. И с тех пор переиздал их десять тысяч раз, по-разному komponуя и подчас переименовая (так, «Жизнь» превратилась в «Жись»)* [В. Топоров: Большая жратва Жоры Жирняго (2008)] - РФ явно приобретает некое самостоятельное значение, отличное от значения полной, контекстуальным антонимом которой она здесь выступает.

В ряде случаев примеры отражают различные этапы процесса становления письменного облика того или иного слова/выражения, который иногда растягивается на целое столетие, ср.:

- *Все это от него, от мужа-варвара, да от злодейки Опарихи жись такая* [Ф.М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)] - XIX в., фиксация выпадения согласного в конце слова;

- *Она всю жись и так одна прожила* [В. Шукшин. В профиль и анфас (1970)] - XX в., добавляется фиксация глухого согласного в финали;

¹ Ушаков Д.Н., Крючков С.Е. Орфографический словарь. М., 2007. С.248.

• так, «Жизнь» превратилась в «Жысь» [В. Топоров: Большая жратва Жоры Жирняго (2008)] - XXI в., фиксация качества гласного после твердого Ж.

Редуцированная форма наречия *очень* прошла в ходе своего становления этап графического сокращения:

• Сюжет получился не *оч. плохой*, люди говорят, что *нравится* [В. Катанян. Лоскутное одеяло (1999)];

• *Вот вы, чесслово, оч странные люди* [Слово редактора // Твой курс (приложение к «Аргументам и фактам»), 2004].

Об освоении РФ русской лексической системой свидетельствуют и выявленные процессы «орфографизации» этих форм:

1) использование Ь как знака мягкости: *здрастЬ; сла-тЬ Господи*;

2) использование Ь как показателя грамматической формы: *слушЬ – как отрезь, услышь; спок ночь*;

3) мена «смягчающих» и «несмягчающих» гласных букв: *сЁдня* (вместо *с{ег}Одня*);

4) слитное написание исходной (подвергшейся редукции) формы или словосочетания: *чесслово; всамделе*.

Материалы звучащей речи и, в частности, Звукового корпуса русского языка позволяют сделать еще ряд наблюдений над функционированием РФ. Так, оказалось, что такие формы встречаются не только в беглой разговорной речи, но и в официально-деловом стиле общения¹, не только в слабой, но и в сильной фразовой позиции, ср.:

• *просто не горит // а чек ты в сумку не хошь положить?*

• *а-а вот мы / живем / на Смолячкова / ничо не знаем;*

• *м-м хорошо / давай // ты во скоко будешь дома?*

Думается, что пришло время изменить взгляд на русские РФ лишь как на свидетельства снижения общей культуры речи и признать их фактом эволюции языка, собрать максимально полный их корпус и даже создать специальный словарь РФ, который может стать неоценимым помощником как преподавателя русской фонетики, так и лингвиста-

¹ Касаткина Р.Ф. Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8-10 октября 2007 г. М., 2007. С. 99-102.

исследователя. Без знакомства с такими формами не только аудирование русской речи, но и чтение русскоязычных текстов может оказаться затруднительным.

Е.М. Болычева (Москва)

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ

Комический эффект анекдотов обычно основывается на описании ситуации – *референциальных* анекдотов большинство. Однако встречаются шутки иного типа. Опирающиеся на языковые особенности, *лингвистические* анекдоты специфичны: они редки и принципиально непереводимы на иностранный язык.

В лингвистических анекдотах могут актуализироваться любые особенности языковой системы, в том числе и фонетические. *Фонетические* анекдоты строятся либо на феномене звуковой игры, либо на использовании фонетических терминов. Последняя возможность относится к ряду гипотетических, однако подобные анекдоты все-таки существуют.

Из-за единичности шуток, обыгрывающих научные термины, звуковая игра статистически оказывается основным механизмом создания комического эффекта в фонетических лингвистических анекдотах. При этом звуковая игра может быть построена на актуализации различных приемов, среди которых значимы следующие:

1. Поиск межъязыковых созвучий. Обнаруженные пары различаются с точки зрения точности звуковых соответствий.

Иногда фонетическая схожесть русского и иноязычного слова представляется в силу имеющегося акцента полной (мнимая межъязыковая омофония).

Однако идентичность звучания преследуется не всегда, достаточно значим сам факт найденного сближения (своеобразная межъязыковая паронимия).

2. Поиск полных созвучий – омофонов. Случаи фонетического совпадения слова и словосочетания или двух словосочетаний обыгрываются в анекдоте как парадокс.

Успешность восприятия анекдота зависит от графики: буквенные расхождения затрудняют понимание при безупречности фонетических совпадений.

В некоторых анекдотах фонетические совпадения сопрягаются с морфологическими и морфемными переосмыслениями.

Тождества, обыгрываемые в анекдотах, могут оказаться и не русскими, но оцениваются они как омофоны лишь при наличии акцента.

3. Поиск неполных созвучий – паронимов. Найденные созвучия могут обыгрываться по-разному.

В одних анекдотах появляются оба слова – паронимичная пара.

В других анекдотах созвучное слово замещает ожидаемое, которое всплывает в уме, но не произносится. Маленькая фонетическая замена в афоризме – и скучное становится шуткой.

Бывает и так, что ожидаемое, но произнесенное слово является несуществующим – это окказионализм, созданный по стандартной словообразовательной модели и восстанавливаемый про себя через пароним.

4. Игра с членимостью речевого потока. Намеренное смещение границ фонетического слова приводит к разным ситуациям:

- выливается в соиздание парадоксальных омофонических единиц;

- приводит к созданию омофона из половины слова;

- заставляет мириться с неполным фонетическим тождеством, т.е. с паронимией, впрочем как-то компенсированной (буквенным совпадением, фактом обценности лексики).

5. Игра с ИК и границами фразы. Данный прием используется редко, хотя механизм создания комического эффекта прост: лексическое наполнение фразы предполагает возможность членения ее на отдельные предложения, произносимые с разной интонацией.

6. Графические нарушения. Замена букв рассчитана на прочтение с ожидаемым искажением. Интересно, что игра ведется по своим законам, не всегда поддерживаемым правилами чтения, однако сбоев не бывает.

Графические нарушения предполагают алгоритм движения от буквы к звуку. Существует и обратный путь, когда

насаждается парадоксальное с точки зрения обыденного сознания движение – от звука к букве.

7. Имитация дефектов речи или акцента. В классификации учитываются те случаи, когда только акцент или шепелявость позволяют обыграть языковое явление на уровне комического каламбура. Происходит это далеко не во всех анекдотах, воспроизводящих фонетику реплик персонажа.

8. Имитация разговорности. Данный пункт может быть выделен лишь условно. Количество *ты чё, ваще, ща*, как особый примет разговорности не поддается исчислению, однако этот прием не используется как фактор, влияющий на механизм создания каламбура, – за исключением одного единственного анекдота.

Намеченная классификация фонетических анекдотов основана на принципе значимости фонетической реалии для достижения комического эффекта. Наверное, перечень остается неполным, т.к. не учитывает каких-то анекдотов: их пока не рассказали автору.

А.В. Венцов (Санкт-Петербург)

ФИЗИОЛОГИЯ РЕЧЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСОДИЧЕСКОЕ АННОТИРОВАНИЕ КОРПУСОВ¹

Исследователи многих стран все большее внимание уделяют изучению разговорной (спонтанной) речи. Орфографические транскрипции соответствующих записей образуют корпуса устной речи (www.guscoproga.ru). Иногда орфографическая транскрипция дополняется маркерами просодической (акцентной) аннотации [Рассказы..., 2009].

К великому сожалению, нередко случаи, когда показателями акцентного выделения считаются **любые** изменения частоты основного тона в речевом сигнале. Даже в тех случаях, когда они по самой своей природе таковыми быть не могут.

Дело в том, что частота основного тона является функцией нескольких переменных: степени натяжения голосовых связок

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00244-а.

(vocal ligament), тонуса образующих голосовые складки мышц (vocalis muscle) и разности внутрилегочного (подсвязочного) и внутриротового (надсвязочного) давлений воздуха.

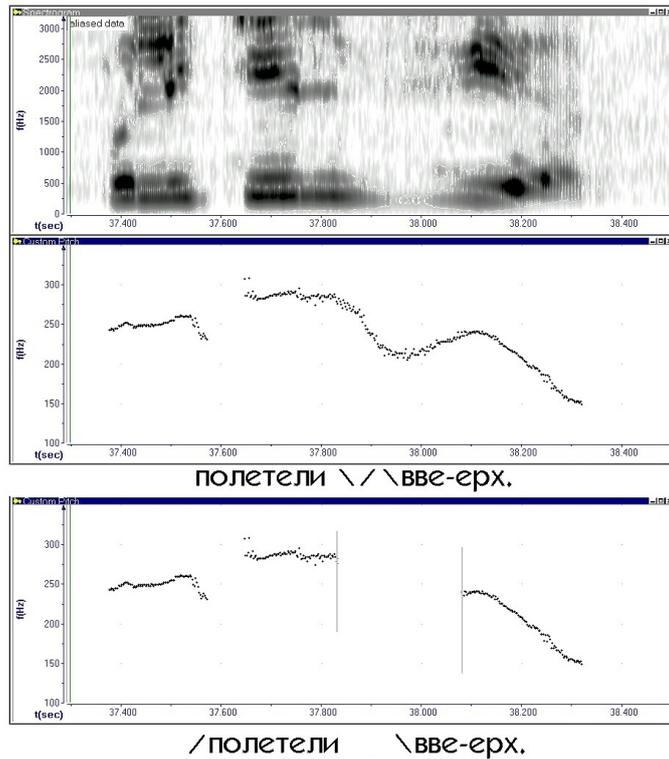
При нейтральном произнесении фразы внутрилегочное давление возрастает в ее начале и постепенно снижается к концу [Арутюнян 1966], чем определяется монотонное понижение (деклинация) частоты основного тона. В этих условиях характерные для такого произнесения изменения частоты основного тона могут создаваться только за счет управляемого изменения натяжения голосовых связок и тонуса голосовых мышц. Кстати, на этом допущении основана модель интонации, описывающая соответствующие изменения частоты основного тона как инерционную реакцию системы на импульсное изменение управляющего сигнала [Ohman 1967; Fujisaki 1981].

В то же время, произнесение любых согласных сопровождается образованием большей или меньшей преграды в речевом тракте и, как следствие, повышением внутриротового давления. Последнее автоматически приводит к понижению частоты основного тона, поскольку изменение периода колебаний голосовых связок линейно зависит от величины изменения внутриротового давления [Ventsov 1967].

Таким образом, изменения частоты основного тона, отражающие просодическую структуру конкретного высказывания, можно наблюдать **только** на участках гласных и носовых сонантов, произнесение которых не сопровождается заметным повышением внутриротового давления. Соответственно, исходя из этого должны строиться и правила акцентной разметки.

Приведенный ниже рисунок иллюстрирует, как формальная интерпретация контура изменения частоты основного тона приводит к появлению замысловатого акцента (нисходяще-восходяще-нисходящего), реализуемого в одном слого.

Если же при интерпретации интонационных изменений исключить движения тона на согласном, получится картина, характерная для конечной интонационной единицы [Кривнова, Венцов 1971]: повышение частоты основного тона на ударном слоге первого слова и значительное понижение на ударном слоге последнего.

А.В. Венцов, Е.И. Риешакainen (Санкт-Петербург)

СТЯЖЕНИЯ ЗВУКОВ НА СТЫКЕ СЛОВОФОРМ В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ¹

Компьютерные эксперименты по сегментации «беспособных» письменных текстов [Kassevitch et al. 2000] показали, что преобразование непрерывного речевого сигнала в последовательность дискретных лексических единиц могло

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00244-а.

бы осуществляться через соотнесение входного речевого потока с единицами перцептивного словаря. При этом первичное описание входного потока должно производиться в тех «символах», в которых описаны единицы словаря.

К обработке естественной речи, в частности, спонтанной, подобная процедура может быть применена только при условии, что в нашем распоряжении имеется соответствующий перцептивный словарь.

Для получения такого словаря была поставлена задача создания частотного словаря словоформ русского языка в их акустической реализации носителями языка. На сегодняшний день произведено фонетическое транскрибирование спонтанных диалогов (ток-шоу «Культурная революция»; около 15 минут) и составлен «двуязычный» (орфографически-транскрипционный) словарь для 1812 словоупотреблений.

Под стяжением в литературе по русской фонетике понимается ассимиляция по качеству двух соседних звуков с редукцией одного из них. Чаще всего рассматриваются стяжения гласных внутри слова, что приводит к уменьшению количества слогов в словах, т.е. к изменению ритмической структуры слов (см., например, [PPP 1973: 64–72]). Считается, что данное явление не характерно для русского литературного языка, а в разговорной речи оно может возникать только в определённых условиях [Земская 2006: 206–207]. Стяжения же, возникающие на стыке словоформ, как правило, считаются «спорадическими» [PPP 1973: 65] и подробно не рассматриваются. В [Бондарко и др. 1988: 135] данное явление лишь вскользь упоминается в качестве причины возникновения омофонии в спонтанной речи.

В нашем материале стяжения встречаются достаточно часто. Это:

1) стяжения согласных: *в_одном_магазине* [adno+mQgaz'n'i+]¹, *иметь_дело* [im'i+d'E+lQ] и др.; всего 15 реализаций;

¹ Помимо общепринятых символов, используются следующие обозначения: [S] для /s/, [C] для /c/, [Q] для /ы/, [E] для /e/ после мягкого согласного, [y] для /u/ в той же позиции, [&] для /a/ в той же позиции, [*] для сомнительного гласного; знак “+” маркирует ударность гласного. Стяжение выделено жирным шрифтом.

2) стяжения одинаковых гласных: *что он* [Sto+n], *масками и костюмчиками* [ma+sk*m'ikast'y+mCikm*] и др.; 15 реализаций;

3) стяжения разных по качеству гласных: *если они* [jEsl'&n'i+], *дети это* [d'E+t'E+te], *ему абсолютно* [imo+psal'y+tnQ] и др.; 29 реализаций.

При моделировании процесса восприятия речи наибольшую сложность представляют стяжения третьего типа.

Подобные «составные» словоформы, по-видимому, не могут являться единицами перцептивного словаря. Если допустить обратное, то объём словаря неизмеримо возрастает, так как его единицами могут оказаться практически любые сочетания словоформ. Следовательно, необходимо искать и исследовать возможные алгоритмы сегментации речевого потока и идентификации составляющих его лексических единиц с учётом возможного появления в акустическом сигнале таких «составных» словоформ.

Дело осложняется тем, что при анализе динамических спектрограмм «стяжённых» гласных не всегда удастся обнаружить потенциальную границу их составляющих. Но даже в тех случаях, когда такую границу обнаружить можно и разделение составной словоформы по этой границе даёт удовлетворительный результат при прослушивании, остаются две проблемы: разработка принципов автоматического определения такой границы в речевом сигнале и идентификация лексических единиц в тех сочетаниях, где граница не обнаруживается.

К сожалению, на сегодняшний день нет убедительных данных о свойствах слуховой системы человека, позволяющих получить маркеры сегментации на основании анализа динамики спектральных изменений в сигнале. Трудно что-либо сказать в этом плане и о технических системах автоматического распознавания речи, поскольку детали алгоритмов в литературе обычно не описываются.

Возможно, более продуктивным окажется поиск правил фонотактики, обеспечивающих надежное членение речевого сигнала и идентификацию лексических единиц, поскольку мы постоянно сталкиваемся с ситуацией, когда даже скрупулезный анализ динамических спектрограмм не обеспечивает постановку маркера границы.

А.В. Венцов, Н.А. Слепокурова (Санкт-Петербург)

**ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИ
АННОТИРОВАННОГО КОРПУСА РУССКОЙ
СПОНТАННОЙ РЕЧИ¹**

Создание функциональной модели восприятия речи человеком предполагает в качестве первого этапа разработку алгоритмов преобразования непрерывного речевого сигнала в дискретную последовательность адекватных лексических единиц. При этом алгоритм должен решать проблему «восстановления» редуцированных словоформ, особенно часто появляющихся в спонтанной речи.

Считается, что процесс такого преобразования включает операцию сегментации непрерывного речевого потока и идентификацию выделенных сегментов с лексическими единицами языка, которая требует обращения к внутреннему перцептивному словарю носителя языка [Kassevitch et al. 2000]. Использование этого словаря может обеспечивать и распознавание редуцированных словоформ.

Таким образом, возникает необходимость располагать информацией о содержимом перцептивного словаря, с одной стороны, и иметь четкое представление обо всех особенностях акустической реализации словоформ русского языка, с другой. Решить эту проблему можно только на основе анализа звучания словоформ русского языка в корпусе спонтанной устной речи и формирования на базе такого корпуса частотного словаря реализаций, отражающего статистику возможных вариантов. Последнее потребует создания для каждого звучащего текста корпуса двух параллельных описаний: орфографического и транскрипционного, предназначенного для отражения реальной звуковой картины. Следует отметить, что на сегодняшний день в доступных отечественных и зарубежных корпусах устной речи содержатся лишь орфографические описания звучащих текстов, фрагментарно дополняемые фонетической транскрипцией, полученной путем автоматического транскрибирования соответствующих орфографических описаний.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00244-а.

Алфавит используемых при слуховой транскрипции символов должен быть приспособлен к задачам последующей компьютерной обработки. Для этой цели плохо подходит система символов IPA, поэтому для решения наших задач был специально сформирован упрощенный алфавит, частично совпадающий с системой X-SAMPA, разработанной именно для компьютерного описания фонетических параметров речевого сигнала.

Наш корпус состоит из оцифрованных спонтанных диалогических текстов общей длительностью звучания около 2-х часов, сегментированных на паузы и отрезки непрерывного «говорения», снабженные орфографическим описанием.

Для одного из текстов этого корпуса длительностью около 15 минут к орфографическому описанию отрезков «говорения» было добавлено их транскрипционное описание с использованием принятой системы символов. Транскрибирование производилось опытными экспертами на слух с одновременным использованием динамических спектрограмм, синхронизированных на экране компьютера с анализируемым участком звукового файла. Чтобы избежать возможного влияния лексики на решения экспертов, идентификация сегментов речевого сигнала осуществлялась на интервалах, не превышавших длительности слога.

Ударность гласных определялась путем субъективного сопоставления степени выделенности слогов в последовательных парах цепочки слогов, образующих анализируемый отрезок речевого сигнала: 1-го со 2-м, 2-го с 3-м, 3-го с 4-м, и так далее. Решение об ударности принималось в том случае, если очередной слог оказывался более выделенным, чем предшествующий и последующий.

В результате был получен файл-описатель проанализированного фрагмента звучащего текста, содержащий одновременно орфографическую и транскрипционную записи каждого отрезка речи между паузами. Это позволило создать пилотный «двухязычный» (орфографически-транскрипционный) частотный словарь для 2209 словоупотреблений, содержащихся в исследованном тексте. Полученный словарь подтвердил надежность принятой системы транскрибирования для решения поставленной задачи и впервые дал возможность статистической оценки редукции словоформ в спонтанной речи.

Л.А. Вербицкая (Санкт-Петербург)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проблема языковой нормы была и остается одной из актуальных проблем современной лингвистики. Проблема нормы возникает практически только в тех случаях, когда языковая система дает не одну, а две или несколько возможностей реализации одной и той же языковой сущности.

Языковая норма, как известно (см. Э. Кисериу, Л. Щерба, Л. Вербицкая)¹ зависит от языковой системы, ею определяется и изменяется в пределах, ею допустимых. Изменения языковой нормы могут произойти и в результате изменений, происшедших в системе.

Вместе с тем определенное влияние на языковые процессы могут оказывать факторы экстралингвистические, внешние по отношению к языку. Так, изменения в политическом устройстве общества, экономических и социальных отношениях могут приводить к значительным изменениям в соотношении вариантов языковой нормы.

При этом важно еще раз подчеркнуть, что побеждают и становятся нормативными те варианты, которые системе не противоречат. Таким образом, норма – категория внутриязыковая, и задача лингвиста заключается в том, чтобы объективно изучить языковые закономерности и понять, почему одна из предложенных системой возможностей оказывается предпочтительной, ведущей.

Результаты такого исследования, представленные в словарях, справочниках и разного рода пособиях, и является нормой кодифицированной, предписывающей.

Произносительная норма определяется фонологической системой языка, включающего в себя не только инвентарь фонем, но и определенные отношения между ними, дистри-

¹ *Кисериу Э.* Синхрония, диахрония и история. // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып.3; *Щерба Л.В.* О нормах образцового русского произношения // Избранные работы по русскому языку. М., 1957; *Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно! М., 2008.

буцию фонем в речи, их функциональную нагрузку, сочетаемость и чередования.

Перечень основных черт русской орфоэпии и орфофонии, полученный в результате многолетнего экспериментально-фонетического исследования речи представлены в монографии «Давайте говорить правильно!» (Издательство «Высшая школа» 2001, 2003, 2008 г.)¹

В последнее десятилетие лингвистов не может не беспокоить пренебрежение произносительными нормами, отсутствие культуры речи, проникновение просторечных пластов в речь носителей русского языка.

Произношением управляют, как мне кажется, два закона: аналогии и экономии. Именно действие закона аналогии привело к замене безударного / ы / в речи москвичей на / а / соответствующей степени редукции после *ш* и *ж*: *жара*, *шагать* / *žara* / и / *šagat'* /, как в словах *трава* / *trava* /, *дрова* / *drava* / вместо старомосковского / *žыга* /, / *šыgat'* /.

Действие же закона экономии проявляется в упрощении групп согласных в конце слов, произнесение *шесть* как / *šes'* /, а не / *šes't'* /, *жизнь* как / *žыs'* /, а не / *žыз'n'* /, произнесение / *i* /, а не / *ji* / в словах типа *Япония* как / *ipon'ija* /, а не / *ji'pon'ija* /, *язык* как / *izыk* /, а не / *jiзыk* /. Кстати сказать, такое произношение в спонтанной речи считается нормативным.

Говоря же об определенных тенденциях развития нормы, нельзя не предполагать дальнейшее развитие противопоставления твердых согласных – мягким, вместе с тем расширение употребления твердых губных в позиции абсолютного конца слова (например, *семь* как / *s'em* / а не / *s'em'* /, *восемь* как / *vos'im* /, а не / *vos'im'* /), устранение ассимилятивной мягкости даже в сочетаниях двух переднеязычных и процесс делабиализации / *u* /.

Вместе с тем необходимо пропагандировать нормативное произношение, обучать культуре речи. Норма – это идеал, к которому должны стремиться все говорящие. От успешной реализации этого стремления зависит не только чистота русской речи, возможность точного понимания смысла высказывания, но и будущее развитие звуковой системы языка.

¹ *Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно! М., 2001; М., 2003; М., 2008.

И.А. Вещикова (Москва)

**ОРФОЭПИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ
В ПРАКТИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВАХ
И СПРАВОЧНИКАХ**

Исконной и одновременно главенствующей задачей орфоэпии является установление норм и выработка рекомендаций, определяющих литературное произношение. Следовательно, всякое орфоэпическое описание, если оно претендует на полноту, должно включать представление каждого речевого фрагмента в системе двух координат – собственно фонетической и нормативной. Установление первой, показывающей положение какого-либо произносительного варианта относительно других фонетических явлений, обычно не вызывает сколько-нибудь серьезных затруднений. Что касается второй, то здесь ситуация оказывается гораздо более сложной. О том, насколько это непростой процесс, свидетельствуют, по крайней мере, три момента: не столь уж редкие расхождения между рекомендациями орфоэпических источников; сам факт отсутствия информации о некоторых категориях случаев, хотя авторы абсолютного большинства лексикографических работ провозглашают необходимость «отразить столько вариантов нормы, сколько их реально существует в языке на данной стадии его развития, по возможности точнее их квалифицировав»¹; сложность применения на практике некоторых содержащихся в них рекомендаций.

Учитывая предъявляемые к орфоэпии требования, надо признать, что ответом на вопросы: *как правильно? что уместно? что запрещено?* не исчерпывается ее содержание. На ее долю также выпадает необходимость анализа и осмысления того, как внедрить добытые наукой сведения и по возможности оптимально их представить в практических руководствах и справочниках. В распоряжении орфоэпии есть две возможности для выполнения возложенной на нее общественной функции – регламентировать и утверждать правила оформления

¹ Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; Под ред. Р.И. Аванесова. 6-е изд., стереотипное. – М., 1997. С. 3.

фонетической составляющей слова – «авторитетный пример» и «научная рекомендация»¹. Первый путь – ориентация на произношение образцовых носителей литературного языка – действителен, когда речь идет о непрофессиональной среде; второй – использование в качестве практического инструмента словарей и учебников – обязателен для педагогов-словесников, теле- и радиожурналистов, актеров и режиссеров, т.е. лиц, чья сфера деятельности связана с языком, ведь именно их речевое поведение воспринимается средним носителем языка как авторитетный пример. При этом вне зависимости от механизма «трансляции» орфоэпических данных первоисточником сведений о них всегда выступает кодификация. Важно, что такую точку зрения разделяют и практики, призванные «проводить» и «исполнять» научные предписания: «Для того, чтобы воспитать речевое чутье, речевую культуру, необходима прежде всего ориентация на авторитетного арбитра. На эту роль претендуют часто ведущие актеры театра, принадлежащие к старшему поколению... Но ориентация на речь исключительно старшего поколения при всем уважении к «старикам» театра, неверна так же, как неверно было бы следовать радикальной молодежи, склонной порой внедрять произношение, не приемлемое в строгой разновидности произносительного стиля. Авторитетными арбитрами в театре должны стать словари-справочники современного русского языка, что не позволит режиссерам и актерам решать спорные вопросы в произношении субъективно, произвольно»².

Роль научных предписаний (кодификации) становится особенно существенной в условиях современной орфоэпической ситуации, когда разного рода инновации и массовые ошибки проникают в сферы, обладающие культурной и общественно-коммуникативной значимостью. Поэтому принципиально важным является вопрос, касающийся рассмотрения способов реализации научного знания в сугубо прикладных источниках. Опыт преподавания практической орфоэпии говорит о том, что, если соотнести состояние современной общественно-языковой ситуации, научные цели орфоэпии и принятую ею

¹ См.: *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

² *Промптова И.Ю.* Речевая культура театра. М., 1989. С. 52–53.

установку фиксировать весь спектр собственно произносительных и акцентологических вариантов, наиболее эффективным по-прежнему остается алгоритм описания орфоэпических норм, при котором информация распределяется между Словарем и Правилами. Вместе с тем некоторые вопросы, относящиеся к содержательным возможностям части Правила и приемам подачи материала (и в части Правила, и в Словнике), требуют тех или иных уточнений. При этом категории случаев, которые нуждаются в коррекции, довольно разнородны. В их числе и произносительные варианты, представляющие стилистическое измерение; и отдельные правила чтения (например, слова с буквенным сочетанием *чн* и др.); и некоторые частные орфоэпические подсистемы (например, мужские и женские отчества и др.). Видоизменение способа предъявления ряда орфоэпических фактов и внесение новых сведений представляется не только законным, но и полезным, ибо от четкости, ясности и доступности характеристики того, какие варианты актуальны и находятся в пределах нормы, а какие и когда должны иметь ограничения в своем употреблении, зависит уровень орфоэпической культуры общества. Обсуждение круга вопросов, относящихся к специфике передачи научного знания на практике, как раз и составляет содержание доклада.

Н.А. Волкова (Череповец)

АФФРИКАТЫ В КУРСКИХ ГОВОРАХ

1. Диалектные исследования обычно строятся на изучении живой речи и орфографических данных локальных письменных памятников. Для суждения о произношении звуков в прошлом показательна деловая письменность.

2. Диалектный узус существует в ряде вариантов, среди которых обязательно присутствуют соответствующие литературной норме. Варьирование не безгранично, оно имеет свои пределы: выход за рамки диалектных норм повлечёт бы за собой затруднения в процессе коммуникации, но этого, как известно, не происходит.

3. В курских говорах наблюдаются неодинаковые результаты исторического развития /ч/ и /ц/ [Орлова 1959]. Сегодня

в консонантной системе этого региона аффрикаты /ч/ и /ц/ репрезентированы звуками [ч], [ш'], [ц], [с]. Аффриката [ч] представлена в изучаемых говорах:

а) произношением [ч], совпадающим по артикуляции с аналогичным звуком литературного языка, который употребляется на всей территории курских говоров (преимущественно в речи молодых и грамотных людей):

ч'асть, ч'ит'в'ёр'х, кун'ауч'ит' кр'ич'ат', как'ушыч'ка, кын'чаим рыб'оту, чар'яту'ш'ик'и, кон'ч'ила, укл'юч'ал;

б) произношением [ш'] в соответствии с [ч] литературного языка. Этот звук обращает на себя внимание необычностью трансформации аффрикаты, утратой затвора: *уш'ильс'я, на нъш', ш'ан, ябл'ш'кь, п'ес'н'и кр'иш'ат', к в'еш'иру, я пл'аш'у, с кат'ом'ш'к'ей, з'имл'ан'ш'ку, с атл'иш'ием, враш'и, мош'и н'ет, нь пл'иш'о, уш'ит'ил'н'ищ'ь, был ураш'ом (Судж.), вруш'нюю, за п'ал'ш'ку (за трудовень), волну ав'еш'ью, нь р'еш'ку, д'ош'кь, ун'уш'ик'и, туш'а (туча), п'еш', харш'и. Следует отметить, что континуант [ш'] употребляется только на месте [ч], имеет повсеместное распространение и репрезентирует речь пожилых, малограмотных диалектоносителей.*

Письменные памятники курской локализации не содержат отклонений от традиционной орфографии в обозначении звука [ч]: фиксация изменения [ч] > [ш'] была невозможна при наличии графемы *ш*, обозначающей твердый шипящий. В связи с этим трудно судить о качестве аффрикаты, обозначенной графемой *ч*. Даже искушенный в орфографической записи живой курской речи XIX века М.Г. Халанский затруднялся найти для нее универсальную графему [Халанский, 1904].

4. Современное звучание аффрикаты /ц/ во всех курских говорах в абсолютном большинстве случаев совпадает с литературным языком и звучит как твердый, с наличием затвора, звук [ц]: *м'ес'ищ'ь, на мас'л'ин'ищу, н'ем'ищ, цып'ам'и, у ц'эркаў, ат'эц, цыла, круп'эц, в'ыганцы.*

В беседах с информантами и при прослушивании магнитофонных записей из южных и юго-западных районов Курской области (Суджанского, Обоянского, Солнцевского, Льговского, Глушковского) нами отмечен репрезентант аффрикаты /ц/ с утратой затвора: *н'емсы, тиан'ису, ат'эс, купс'ов, сан'а (цена), з'ямл'ис'ей, в'ул'ис'ь, кан'эс, о'всы, л'ис'о, с'эркву, п'ал'ес, ру-*

кав'ісы, у бал'н'ісы, брат'ис, с'ёрсь. Это явление «соканья», и оно характеризует только речь старшего поколения.

Неодинаковое звучание аффрикаты /ц/ нашло отражение в курских памятниках. В челобитной от 6 февраля 1639 года «...в Куреск к писсу к Степану Унтовскому и твои гсдрвь пицець Степан Унтовской...» [ПЮВН 1993]. В текстах народных песен, записанных М.Г.Халанским с живого голоса в XIX веке находим: *канес, вулиса, кузьнисы, кузьнесы, сарь, ттиса, швясы, атес, маё серса.*

5. Проекция в прошлое показывает, что современные курские говоры характеризуются определенной устойчивостью черт, актуализирующих современную консонантную систему.

6. Изменение [ч] > [ш'] свойственно всему курскому ареалу, изменение [ц] в [с] – южным и юго-западным говорам.

7. Трансформированные в [ш'] и [с] аффрикаты находятся в осознаваемой говорящими оппозиции к литературной норме. Очевидная «непрестижность» произношения «вымывает» эту исконную для курских говоров диалектную черту из речи молодого поколения курян.

*С.А. Воробьева, Е.В. Маркасова,
С.Б. Степанова (Санкт-Петербург)*

ВОСПРИЯТИЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРЯЩЕГО: ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АНАЛИЗ И АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВА *КОНЕЧНО*¹

Слово *конечно* давно привлекает внимание исследователей [Баранов, Кобозева 1984; Баранов, Плунгян 1993; Киселева 1994; Шмелева 1995; Шаронов 2009 и др.]. Слово *конечно* в повседневном общении способно выражать разнообразные оттенки интенций говорящего, причем независимо от

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Разработка информационной среды для мониторинга устной русской речи», № 09-04-12115в.

того, является ли оно вводным словом, дискурсивным словом, или словом-предложением (коммуникативом).

Основным источником материала является Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), создаваемый в СПбГУ и частично включенный в НКРЯ [Богданова и др.2009]. Слово *конечно* зафиксировано в ОРД 355 раз, то есть встречается не так часто, как *вообще* (689), но чаще, чем *блин* (305), *короче* (197), *наверное* (182), *в общем* (176) [Sherstinova 2009].

Для описания функций слова *конечно* были просмотрены все существующие расшифровки ОРД (34 часа звучания), затем примеры были разделены на три группы: 1) вводное слово, 2) слово-предложение с утвердительным значением, 3) слово с семантикой, не дифференцируемой на уровне читательского восприятия, т.е. без прослушивания. Затем материал анализировался по дикторам: выявлялись дикторы, склонные и не склонные к использованию этого слова в общении. Анализ материала показал, что среди информантов выделяется группа тех, кто очень часто включает в свою речь это слово, и группа тех, кто избегает слова *конечно* в повседневном общении.

Следующим этапом работы было прослушивание звуковых файлов, содержащих слово *конечно*, и попытка выявления формальных характеристик, способствующих распознаванию разных интенций говорящего слушающим.

В ходе обработки материала мы пытались с помощью перцептивного эксперимента решить вопрос о том, распознаются ли слушателем интенции говорящего непременно на основании контекста, или следует считать, что изъятое из ситуации, вырванное из контекста слово *конечно* может быть достаточным для распознавания слушателем интенции говорящего. На первый взгляд, этот вопрос это задача, не требующая специального исследования. Каждому филологу известен эксперимент К.С. Станиславского о способах произношения одного и того же слова. Однако в случае со словом *конечно* задача не является тривиальной, поскольку степень его десемантизации и, соответственно, наша способность распознавать его значение обусловлены коммуникативной ситуацией в большой степени.

Информантам была дана возможность прослушать вырезанные из звучащих реплик слова *конечно* и в произвольной форме

описать все, что, на их взгляд, можно «услышать»: вводное слово или ответ «да» // эмоции говорящего // ирония-сарказм-нейтральное произношение и пр. Информанты получили инструкцию по заполнению анкеты, заканчивающуюся словами: «Не стесняйтесь в эпитетах, подробностях и самых смелых предположениях!»

Суждения участников опроса были разнообразны. Некоторые участники эксперимента создавали «рассказы» об одном слове. Например: «Естественно. На заднем плане кто-то квакает. Можно предположить, что Иван–дурак обещает жениться... и т.д.». Систематизация результатов опроса позволила нам предположить, что наиболее однозначную реакцию вызывал стимул *конечно* в значении «да» в нейтральном варианте произношения. Так, все участники опроса примерно одинаково оценили стимулы 5, 15, 16, 18. Все эмоционально окрашенные варианты произношения *конечно* оценивались неодинаково. Например, реакции на стимул 1 свидетельствуют о том, что для участников эксперимента очевидна эмоциональность *конечно*, но интенцию говорящего они интерпретируют по-разному: «недовольство = как вы сами не догадались?»; «человек позирует явно»; «издевка, сарказм»; «с сарказмом передача косвенной речи».

Акустический анализ слов *конечно*, предъявленных в перцептивном эксперименте, показал, что в случае реализации вводных слов или согласия с чьим-то мнением, не окрашенного особой эмоцией (примеры 7, 6, 11 – информанты пишут о нейтральном согласии, о заискивающей интонации, о неуверенности говорящего), слово произносится тихо, интенсивность его ниже соседних слов, его ритмика соответствует обычной ритмике трехсложного слова со вторым ударным (длительность ударного слога чуть длиннее или равна предударному – что при разных гласных в слогах является нормой), значение частоты основного тона зависит от фразовой позиции (падение, если *конечно* реализовано в конце фразы, подъем – если в начале). При реализации *конечно* в случае проявления сильной эмоции (информанты определяют её как сарказм, твердую уверенность, ярость, раздраженность (например, стимул 2) наблюдается высокое значение ЧОТ на начальном слоге (300 гц при средней ЧОТ у данного инфор-

манта 220гц), резкий контраст между п/у слогом и ударным по интенсивности, длительности (в пользу предупредного), аффрицированный, сильный взрыв у [к].

Ж.В. Ганиев (Москва)

О ПРОВЕДЕНИИ ОРФОЭПИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

1. В соблюдении орфоэпических правил нуждаются в основном лица публичных профессий. Если кто, кроме москвичей, желает придерживаться московских правил (имеется в виду всё произношение) – и для этого у них есть условия на местах, – дай им Бог возможность осуществить это в инодиалектной среде.

2. В.А. Богородицкий и Л.В. Щерба как фонетисты на рубежах XIX и XX вв. описали своё родное произношение – русский говор Казани (средневожский субстандарт) и говор петербургский (в устах «среднего интеллигента», как писал Щерба). В этих случаях, как и везде при полном описании, важно отгородиться от просторечия, с одной стороны, и от школярского (семинаристского) произношения – с другой. Оба учёных, их ученики, носители указанных говоров никогда не испытывали чувства провинциальной ущемлённости, более того, подробно описали отличия каждого из говоров от московского. Они не признавали за последним монопольного права на роль единственного стандарта. Не секрет, что обращение москвичей свысока с регионалами порождает у последних чувство отторжения.

Во 2-ой половине прошлого века и в настоящее время появляются описания региональных стандартов в произношении, где за основу берётся речь местного радио и телевидения, говор местной интеллигенции. Пока мы не проведём силами специалистов в университетских городах всеобщий унифицированный эксперимент, кодификация вариантов литературного произношения на территории распространения русского языка затруднена. (Вместе с данными тезисами предлагается программа эксперимента объёмом около 40 стр.)

3. Прежде чем приступить к эмпирической части, к методике эксперимента, важно выяснить методологические

(включая гипотезы) и методические комплексы вопросов. Методология лингвистическая постигается на основе философии науки и социологии. Что касается метода и методики, о них подробно, на основе опыта, рассказано в гл. V диссертации Ж.В. Ганиева «Вариативность в русском произношении: перманентная борьба вокруг нормы (прошлое, современность)» (МГПУ, 2009).

4. Особый интерес представляет унифицированный подбор респондентов с учётом возрастного страта, пола и места рождения. Представительная выборка определяется с помощью статистических методов, применение которых обильно представлено в работах по биологии и психологии. Об использовании статистики в выборке см. также в публикациях ИРЯ им. Виноградова РАН.

5. Основой произносительной практики является расслоение её на ряд кодов, среди которых есть противостоящие (на них обращал внимание Л.В. Щерба). Как называть кодовые варианты произношения, должна решать научная общественность под эгидой отдела фонетики ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. По крайней мере набор «терминов» в «стилях» произношения, оставленные в наследство Щербой, давно обнаружил отсутствие креативных возможностей.

6. Подсознательный выбор варианта в произношении в принципе предсказуем. Пока можно констатировать сложность вероятностных отношений, существующих между детерминирующей социальной стратификацией респондентов, дискурсом и произносительными различиями. Критерии нормативности должны утверждаться в результате обсуждения уровня произношения научной общественностью.

Причинно-следственная связь, обусловленная одновременным действием многих причин и проявляющаяся отчётливо только в массе, является корреляционной. Значимость фактора определяется с помощью дисперсионного анализа; тесноту связей каждого признака со всеми другими признаками данной системы указывает факторный анализ.

7. Основной постулат экспериментатора – поиски метода неразрушающего контроля. Ценность эксперимента определяется степенью соответствия полученной модели произносительной реальности. М.В. Панов советовал начинающим

орфоэпистам проводить слуховой анализ втроём и решать, что отразить в транскрипции, большинством голосов.

150 тем классической орфоэпии – это потенциальные факторы (варианты), 2-3 десятка текстообразующих факторов – это реализующие факторы (о них см. в теоретической части «Большого орфоэпического словаря русского языка ИРЯ РАН; М.Л. Каленчук, Л.Л. и Р.Ф. Касаткины), а также в конце «Программы орфоэпического эксперимента» Ж.В. Ганиева (под ред. Е.Ф. Кирова; М.: МГПУ, 2010).

Такой эксперимент (естественно, без оповещения респондента относительно истинных целей процедуры) занимает 50 минут, транскрибирование речи одного респондента может отнять 15–20 часов. Некоторые темы можно верифицировать с помощью экспериментально-фонетической аппаратуры (если она есть в распоряжении подготовленных орфоэпистов).

С. Гжибовский (Польша)

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ В ПОЛЬСКОМ «ЗЕРКАЛЕ»

0. Фонетические явления языка рассматриваются как изнутри, т. е. с точки зрения его носителя, так и извне – со стороны фонетических универсалий или с точки зрения общей фонетики. Можно также отметить наблюдения над фонетикой какого-либо языка как иностранного для определённой иноязычной аудитории, т. е. контрастивные или сопоставительные исследования, рассматривающие его как объект обучения или преподавания. Сопоставительный анализ представляет явления сравниваемых языков в рамках сходств/различий или эквивалентности. Оба подхода дают определённое представление о явлениях исследуемого иностранного языка на фоне родного и иногда позволяют делать наблюдения, которые не заметны при одностороннем внутреннем анализе.

Сопоставительный анализ фонетики русского и польского языков позволяет сделать ряд таких наблюдений над русской фонетикой. Они вытекают из комплексного сопоставления систем обоих языков, из сравнения отдельных её участков, а также из наблюдений над реализацией или даже восприятием

определённых звуковых цепочек русской речи поляками. Ниже представлены три примера таких наблюдений.

1. «Польский взгляд» на русскую фонетику позволяет отметить наличие носового среднеязычного глайда [ɲ] также и в русской речи и при этом в сходном фонетическом контексте – перед щелевым согласным. В польской речи он отмечается давно и появляется как аллофоническая реализация палатального [ɲ] перед щелевым [s] (ср. *koński* – [k'ɔɲsk'i]) или носового глайда [N], постулируемого для выяснения феномена „носовых гласных” перед щелевыми палатальными согласными (напр. *geś* – [geɲś]). Наблюдения над русской речью позволяют усматривать появление аналогичного глайда как реализацию [ɲ'] лишь перед мягким альвеолярным [ʃ:] и только после гласных переднего ряда (напр. *жéница* – [ʒ'eɲs'ɲə], *зачíнишк* – [zəɕ'iɲs'ik]), после других гласных и в других условиях такой глайд не замечен (напр. в словах: *гóнишк*, *бáнишк* или *иу́ньский*). Этот вывод является эффектом наблюдений над русской речью поляков, которые склонны «вокализовать» носовые согласные в любом закрытом слоге, приводя к «французскому прононсу», но в данных примерах это не воспринимается как недочёт.

2. Польское «зеркало» позволяет подтвердить яркий дифтонгоидный характер русского ударного гласного [o] в некоторых вариантах русской речи. Во время опытов графической передачи русских звучаний при помощи польской графики информантами, не знающими русского языка, он зачастую отождествляется с польской цепочкой [wɔ] (т. е. передаётся при помощи записи *lo*). Свидетельствуют об этом записи таких слов как *сон* (запись: **slon*), не имеющих созвучного польского аналога, и таких как *мода* (**mloda*), имеющих два возможных аналога (*moda* и *mloda*), и даже таких *мост* (**mlost*), имеющих один аналог (*most*). Во всех случаях доминирующим типом записи было *lo*. Такое же восприятие можно отметить и после мягких согласных, где звучание рус. *сёстры* было передано при помощи записи **silostry*.

Подтверждением соотносительности русского гласного [o] и польской цепочки [wɔ] были также записи русскими студентами звучаний польских слов *moda* і *mloda* – оба слова были отождествлены с рус. *мода*.

3. Одним из наиболее трудных фонетических явлений русской речи для польской аудитории является ударение, прежде всего его лексико-морфологический аспект (место ударения в слове). Но есть различия между обоими языками и в физической реализации безударности, которая проявляется в известном яканье, оканье и даже ёканье, но также в своеобразной ритмизации русской речи поляков, например, в отсутствии сильной редукции заударных слогов, что производит эффект передвижки на них ударения. Это позволяет предполагать, что физическая сторона ударности русской речи сильно связана с перепадом (сильным контрастом) ударной части слова (ударный слог вместе с первым предударным) и заударной. Ударная часть слова (т. е. нарастание физических параметров ударения) также предоставляет полякам целый ряд трудностей при попытках овладения русским произношением и приводит к ряду орфофонических недочётов. Одним из них является стремление к редукции первого предударного слога, т. е. к ритмической структуре 1131 (вопреки формуле 1231А. Потевни) и к произношению в нём редуцированного [ə] перед любым ударным гласным – *нога́* [*nɔg'a], *ноги́* [*nɔg'i], *ногий* [*nɔg'oi]. Однако если предударный гласный находился в закрытом слоге, например, в словах *порва́ть* [*rɔv'at'], *контáкт* [*kɔnt'akt], то это не воспринималось как орфофоническое искажение, что позволяет предполагать возможность по крайней мере факультативного проявления II-ой ступени редукции в таком фонетическом контексте и в нормативной русской речи.

Т.М. Григорьева (Красноярск)

**«МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО»: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Изменение нормы – неизбежный фактор языкового развития, однако этот постулат не стал достоянием общественного сознания не только в среде рядовых носителей русского языка, но и зачастую филологически образованных, расценивающих норму как некую догму. Два события последнего десятилетия неопровержимо свидетельствуют об этом.

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 года № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка российской Федерации» стал причиной кампании в защиту русского языка. Из 4-х рекомендованных министерством словарей по принципу случайной выборки были извлечены слова, отражающие закономерное состояние нормы *уже* и *еще* правильно, и это поучило оценку реформы русского языка.

Указанная в словаре вариантность была воспринята как некая свобода языкового употребления, а рекомендованные варианты нормы были поставлены в один ряд с явлениями ненормативными. Это нашло отражение в многочисленных публикациях не слишком сведущих, но очень смелых журналистов и блогеров; послужило основанием для создания пародий: *В уходящем году в четвертом квартале подписан документ о новых нормах русского языка*. Или: пародийный текст песни, исполненной детским хором (программа «Оливье-шоу» 2009 г.), наряду с указанными в словаре как допустимыми *договор-договор, йогурт-йогурт*, включены *Алкоголь, магазин, шОфер, документ, процент, на пляжУ, ложИ, не можИ, хочем*. Словоформа *по средАм* в тексте этой песни вызвала особенный смех аудитории, и это значит, что младший вариант нормы *по средАм* вытеснил старший естественным путем без общественного одобрения/порицания. При этом в стороне от взгляда журналистов остались такие рекомендации того же ряда, как *кЕта – кетА, бОндарь – бондАрь, бАржа – баржА* и др.

Особенный гнев общества вызвала рекомендация о возможности употребления слова *кофе* как существительного ср. рода, хотя эта же рекомендация уже включена в Словарь А.А. Зализняка 1980 г. (2-е изд.) и с пометой *доп.* в 1-е изд. Орфоэпического словаря (1983 г.), равно как и во все последующие его издания.

Десятилетием раньше отсутствие лингвистической компетентности российского общества продемонстрировало другое событие – публикация проекта нового свода правил русской орфографии и пунктуации, разработанного орфографической комиссией при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в период с 1990 по 2000 годы. В среде журналистов,

писателей и рядовых носителей языка это вызвало крайнее негодование, продиктованное стремлением защитить русский язык. Хотя предложенные проектом орфографические изменения с комментарием включали 23 пункта, рассуждения касались в основном предложения убрать как исключения из правил слова *брошюра*, *парают*. В большинстве выступлений внесенные в свод изменения были интерпретированы как реформа языка, хотя понятия *язык* и *орфография* далеко не тождественны, поскольку имеют разное происхождение и развиваются по разным законам: письмо в целом и орфография в частности являются лишь формой фиксации звучащей речи. Тем не менее учитель-словесник одной из московских школ в радиопрограмме «Диалоги о культуре» в связи с новым сводом правил уверенно заявляет, что «изучать русский язык скоро предстоит по новой орфографии, что процесс реформы грамматики будет завершен, и это изменит наш язык».

Выражение *реформа русского языка*, которое, в сущности, не имеет права на существование, стало ключевым и в обсуждении нового свода правил правописания, и в дискуссиях о вариантности нормы. Это ставит перед лингвистами серьезную задачу формирования лингвистической компетентности носителей языка вообще и в особенности журналистов, которые, как очевидно, не имеют адекватного представления ни о законах эволюции языковой нормы, ни о соотношении понятий *язык* и *письмо*, и таким образом оградить язык и его «письменный костюм» от необоснованных нападок, а общество – от тотальной дезинформации.

И.Г. Добродомов, Л.А. Щербакова (Москва)

ДВА ОБЛИКА ОДНОГО ПОГРАНИЧНОГО СИГНАЛА В РУССКОЙ ФОНОЛОГИИ

Заключительный раздел «Учение о разграничительной, или делимитативной, функции звука» классических «Основ фонологии» (1939) Н.С. Трубецкого посвящен описанию разного рода пограничных сигналов, с помощью которых разграничиваются значимые единицы языка, и рассматривает интересный пример из русского языка:

«В русском языке (так же как в немецком и английском) противоположение палатального и велярного *k* является афонематическим: перед *e, i* звук *k* произносится как палатальный, а во всех прочих положениях – как велярный. Это правило, однако, недействительно за пределами слова. Если одно слово оканчивается на *k*, а другое рядом стоящее начинается с *e* или *i*, то *k* остается велярным, а гласные *i, e* оказываются соответственно сдвинутыми назад ($e > E, i > u$), например: «к этому» произносится *kEtəmũ* (но «кета» произносится *k'etá*); «мог это» произносится *moKEtə*, «к избам» произносится *kuizbəm* (но «кис бы» произносится *kizby*), «друг и приятель» произносится *dru'ku gr'jájət'íl'* (но «руки приятеля» – *ruk'í gr'jájət'íl'ə*). Таким образом, сочетания *kE, ku* в русском языке являются групповыми сигналами, указывающими на наличие границы слов между фонемой *k* и следующими за ней гласными *e, i*. Перед *e* внутри морфемы в русском языке возможны только палатализованные согласные, в результате чего в этом положении корреляция по палатализации нейтрализуется, но если перед *e* пролегает морфологическая граница, то предшествующий согласный может не смягчиться; ср. «с этим», «из этого», «в этом», «под этим», «от этого» (произносятся *set'ím, izetəwə, vetəm, pədəfím, átətəvə*), где отсутствие палатализации перед *e* является афонематическим групповым сигналом морфологической границы».¹

Невнятную критику этих наблюдений Н.С. Трубецкого высказал А.А. Реформатский, но его неконструктивная критика, кажется, осталась без последствий: «В качестве групповых пограничных сигналов в русском Трубецкой указывает на сочетания [кэ-] [кы-] (*к этому, к избам*). То же и в случаях: *с этим, из этого, под этим, от этого* без палатализации [с, з, д, т]. Здесь Трубецкой опять-таки несколько эмпирико-статистически подходит к вопросу. Ведь в последних примерах *с, без, под, от* – отдельные слова, законом для которых является сохранение твердости конечной согласной; значит, это не «групповые сигналы». Что же касается предлога *к*, то перед *э* в русском *к* здесь не палатализованное, и не просто заднеязычное, а заднеязычное средненебное: *к этому, к Эмме*».²

¹ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 2000, с. 294–295.

² Реформатский А.А. Н.С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 2000, с. 337.

М.В. Панов с энтузиазмом принял и стал развивать соображения Н.С. Трубецкого о пограничных сигналах, названных у М.В. Панова почему-то диэремами, получивших в фонематической транскрипции условное обозначение # и помещавшихся на место пограничного сигнала: <к#э́тому>,¹ при фонетической транскрипции [кэ́тму], где этому # ничего не соответствовало. Это вступало в противоречие с тезисом: «Диэрема – предельно суперсегментная единица».²

Исследователи пограничных сигналов-диэрем не обратили внимания на то, что еще в XIX веке между конечным согласным предлога и начальным гласным следующего слова обнаруживается какой-то звук.

«Мне кажется вернымъ что мы *слухомъ* различаемъ “съ Анной (с'Анной) и санной”, “съ ума и сума”, “изъ усть и изу́стный”, “разъ огреть и разогреть”. Есть ли это глухой звукъ? И да, и нѣтъ. Да, въ смысле того минимума гласности, без котораго “согласная эксплозивная на конце немогла бы быть произнесена; неть – в смысле глухого, образующаго слогъ».³

Спустя полвека был определен характер этого оставшегося для А.А. Потебни загадочным звукопредставления (так Поливанов называл фонему) как гортанного взрывного гласного (франц. *coup de glotte*, нем. *stimmbanderverschluss*, араб. *гамза*), проявляющегося в медленном произношении:

«Это звукопредставление, в конце концов, оказывается нечуждым даже русскому языку, по крайней мере произношению уроженцев Прибалтики, примером чего может служить мой собственный (Е.П.) индивидуальный говор. Именно, м.б. под влиянием немецкого языка, на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормативно употребляю [ʔ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т.п.), гортанный смычный [ʔ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; по-

¹ Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 170.

² Панов М.В. Указ. соч., с. 169.

³ Потебня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Киев, 1876 // Записки имп. Академии наук. Приложения к XXXIII. СПб., 1879. Прилож. с. 824; с. 61 отдельного оттиска.

лучаются, таким образом, своего рода «г а м з и р о в а н н ы е» согласные: [kʰac:u] = «к отцу», [atʰac:a] = «от отца» и т.д. В таких же случаях, как «в ад», «в атаманы», этот *coup de glotte* [ʰ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʰ] я часто пропускаю) предшествующее *v* предлога (или «префикса»): [fʰat, fʰatamanɯ]».¹

Здесь привязывание появления гортанного смычного к Прибалтике и к влиянию немецкого языка едва ли существенно, зато чрезвычайно важна связь его с медленным произношением, что коррелирует с «тщательным произношением» и наименованием этого звука «легкой задержкой» в комментариях А.М. Сухотина к книге Э. Сепира «Язык» применительно к появлению твердого приступа в русском языке: «В русской речи <...> он фонемой не является, но все же иногда может попадаться <...> при чрезмерно тщательном произношении *от этого*, когда между *t* и *э* слышится легкая задержка».²

У А.А. Реформатского в примечаниях к русскому переводу французского «Словаря лингвистических терминов» появление в русском языке гортанного смычного привязывается к «искусственному» произношению с использованием одного из примеров Е.Д. Поливанова: «В русском произношении гортанный приступ может возникать лишь при искусственном отделении предлога, заканчивающегося согласным, от существительного <и не только – *И.Д., Л.Щ.*>, начинающегося гласным: *к/отцу*».³

Со старательным произношением гортанная смычка увязывается и в дальнейшем: ее «можно услышать, если постараться различить произношение словосочетаний *письмо о*

¹ Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 90; ср. с. 108–109 с отличиями: «Нечто похожее на кавказские «смычно-гортанные» согласные представляют собою в моем индивидуальном (русском, но под влияние нем. языка) произношении сочетания «согласный + *coup de glotte* [ʰ]» - в таких случаях, как *к отцу* [kʰac:u], *от отца* [atʰc:a], *в ад* [vʰat, fʰat], *в атаманы* [fʰatamanɯ]».

² Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.-Л., 1934, с. 185–186.

³ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с. 80, прим. ред. 2

Тане и письмо от Ани. Во втором случае после [t] ясно слышен гортанный смычный».¹

Разная трактовка явлений на стыке консонантного исхода предложения и следующего за ним слова с вокалическим началом у А.А. Потебни с его последователями с одной стороны и у Н.С. Трубецкого и М.В. Панова – с другой объясняется тем, что у них была опора на разный материал: первая группа исследователей делала свои наблюдения над идеальным (полным, искусственным, старательным, замедленным, тщательным, акцентированным, отчетливым) стилем произношения, а Трубецкой и Панов описывали разговорный стиль, свойственный спокойной беседе людей без акцентирования каких бы то ни было речевых элементов.

Именно последний стиль произношения (разговорный) и является объектом исследования наших фонетистов и предметом пропаганды пуристов-орфоэпистов при игнорировании полного стиля.

Бестелесной дизреме # бытового (разговорного) стиля произношения в идеальном (полном) стиле произношения соответствует физически выраженная звуковая единица гортанная смычка¹, исчезновение которой в бытовом стиле оставило следы в облике соседних фонем и в своеобразии их сочетаемости.

Гортанная смычка в полном стиле произношения выступала как единичный фонематический пограничный сигнал, а исчезая в разговорном стиле, порождала групповой афонематический пограничный сигнал. Эта двойственность облика пограничного сигнала между предложением и вокалическим началом следующего слова должна учитываться при оценке смелой попытки М.В. Панова ввести дизрему # в один ряд с фонемами.

Начатое Н.С. Трубецким изучение в русском языке пограничных сигналов заслуживает дальнейшего изучения: оглушение звонких шумных согласных в конце слова, чего коснулся и Е.Д. Поливанов², также связано с пограничными сигналами, но это тема особой работы.

¹ Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику. М., 1995, с. 24.

² Поливанов Е.Д. Введение в востоковедение для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 100–101.

К.И. Долотин (Москва)

**АНАЛИЗ ИНВАРИАНТНЫХ СПЕКТРАЛЬНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК КВАЗИСЕГМЕНТНОЙ
СТРУКТУРЫ РЕЧЕВОГО СИГНАЛА
(на материале русского и китайского языков)**

Проблемам теории речевой коммуникации, методическим проблемам исследования речевого мышления, прикладным проблемам речевого общения к настоящему времени посвящено много трудов [Тарасов 1992, Сорокин, Тарасов, Шахнарович 1979 и др.]. В данной работе для исследования центральных механизмов речеобразования применяется метод спектрального анализа квазисегментной структуры речевого сигнала, порождаемого в рамках заданного когнитивного процесса (чтение текста без подготовки, пересказ его смыслового содержания). В эксперименте участвовали двое мужчин (русский и китаец) и две женщины (русская и китаянка). Возраст дикторов был в диапазоне 27 – 60 лет, образование высшее, филологи. Им предлагалось прочитать на родном языке один и тот же текст – отрывок из романа Ж.Санд «Мельник из Анжибо» (Ж. Санд. Избр. соч. М., 1950. Т.2. С.5) – без предварительной подготовки, а затем через 10 минут пересказать своими словами его смысловое содержание на родном языке. Длительность текстов, озвученных дикторами, была в пределах от 45 до 70 секунд.

Объектом анализа служили четыре временных ряда, алгоритмически выделенные из формантной структуры речевого сигнала посредством математической экспликации квазидифференциальных резонансных признаков речевого тракта (*первый уровень обобщения*). Пятый временной ряд был выделен из речевого сигнала посредством множественного кросскорреляционного анализа первых четырех рядов (*второй уровень обобщения*). В первом приближении можно допустить, что сигналы *первого уровня обобщения* отражают центральный процесс речеобразования (управление параметрами речевого тракта: его поперечным сечением и мышечным напряжением), а сигналы *второго уровня* отражают механизм эмоционального регулирования второй сигнальной системы в процессе порождения речи.

В эксперименте первый и второй временные ряды (VAR 1 и VAR 2) были представлены дискретными значениями отношений текущих значений частоты первой форманты ко второй и значениями отношений их ширины соответственно. Третий и четвертый временные ряды (VAR 3 и VAR 4) были представлены дискретными значениями комбинированных отношений текущих значений частоты второй и третьей формант и значениями отношений их ширины соответственно. Пятый временной ряд VAR 5 отражает динамику временной длительности нарушения взаимодействия совместно работающих нейронных систем. Данные системы управляют параметрами речевого тракта в процессе речеобразования в рамках эмоционального процесса, обусловленного когнитивным намерением диктора (читать текст, пересказать своими словами его смысловое содержание). В результате анализа кроспектров сигналов первого и второго уровней обобщения (соответственно) было обнаружено, что когнитивные намерения дикторов статистически значимо связаны с мозговой активностью в частотном диапазоне дельта-2 и тета-1 ритмов. Например, для русских дикторов независимо от их пола обнаруживается значимое различие средних величин частоты и амплитуды дельта-2 ритма: 3,925 Гц – 0,366 отн. ед. при пересказе своими словами смыслового содержания текста и 3,163 Гц – 0,862 отн. ед. при его прочтении без подготовки. У китайских дикторов наблюдалось значимое различие только для амплитуды дельта-2 ритма, которое инвариантно по отношению к их полу: 0,631 отн. ед. при пересказе смыслового содержания текста и 0,379 отн. ед. – при его прочтении.

Статистическая оценка языковой специфики (русский и китайский язык) дельта-2 и тета-1 активности в механизме речеобразования проводилась на суммарных выборках числовых данных, инвариантных по отношению к полу диктора. Было обнаружено значимое различие средних величин частот дельта-2 и тета-1 ритмов у русских и китайских дикторов при пересказе ими смыслового содержания текста на родном языке (например, частоты дельта-2 ритма равны 3,929 Гц и 2,536 Гц, частоты тета-1 ритма – 5,362 Гц и 4,6 Гц соответственно). Значимое различие средних величин амплитуды частот мозговых ритмов при чтении текста русскими и китайскими дикторами в

первом приближении также можно связать с спецификой мозговой активности процесса речеобразования на конкретном языке: 0,862 отн. ед. и 0,379 отн. ед. для дельта-2 ритма, 0,17 отн. ед. и 0,337 отн. ед. для тета-1 ритма (соответственно).

С.В. Дьяченко (Москва)

**СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО
СЛОГА ПОСЛЕ ОТВЕРДЕВШИХ СОГЛАСНЫХ
В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ С АРХАИЧЕСКИМ
ТИПОМ ВОКАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ГОВОРА
С. ВЕРЕТЬЕ ОСТРОГОЖСКОГО Р-НА
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛ.).**

1. Архаические типы предударного вокализма, обнаруженные в говорах с семью фонемами под ударением, наблюдаются как после твёрдых, так и после мягких согласных. После твёрдых согласных противопоставляются звуки [а] || [э], они находятся в отношениях дополнительного распределения: [а] произносится перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёма /и/, /у/, /ѣ/, /о/; [э] – перед гласными среднего и нижнего подъёма /е/, /о/, /а/. После мягких согласных противопоставляются звуки [а] || [и] (при обоянском подтипе архаического яканья) либо [а] || [е] (при задонском подтипе), которые также находятся в отношениях дополнительного распределения: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма произносится [а], а перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма – [и] или [е].

2. Возникает вопрос, как система архаического вокализма реализуется после отвердевших шипящих, которые в прошлом были мягкими?

3. Говор с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл. обследовался диалектологами четырежды: в 1953, 1954 гг. (собраны рукописные материалы), а затем в 2002 и 2009 гг. (произведены аудиозаписи). Согласно ДАРЯ, говор характеризуется архаическим аканьем и архаическим обоянским яканьем [ДАРЯ 1986: Карты 1, 8]. Это подтверждается анализом современных аудиозаписей.

4. Гласные фонемы неверхнего подъёма в позиции первого предударного слога после отвердевших согласных представлены звуком [а] перед ударными гласными /и/, /у/, /ѣ/, /о/:

– ж[ан'и́]х, ши[ан'и́]ца, двади[ат'и́], уц[ап'и́]лась, ц[апы́], ц[алу́]ють;

– ж[ал'и́]тки, ж[ан'и́], чиж[ал'ѣ]й, чиж[алó], ш[астó]го, ш[астó]м.

Этот звук среднего ряда нижнего подъёма имеет следующие формантные характеристики (данные усреднены): F1=700–850 Гц и F2=1450–1550 Гц. Такие же характеристики имеет гласный [а] после всех твёрдых согласных в данном говоре; [а] после мягких согласных такой же по подъёму, но более передний по ряду: F2=1850–1950 Гц.

5. Гласные фонемы неверхнего подъёма после отвердевших согласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма реализуются в звуке [ы] (F1=400–550 Гц; F2=1900–2000 Гц): ж[ына́], лош[ыд'ѣ]й, ц[ыпó]м, ц[ыпó]к, но чаще в этой позиции произносится звук [э], иногда он приобретает огубленность (в транскрипции обозначим это как [э°]). Это звук образуется в диапазоне F1=550–700 Гц; F2=1500–1650 Гц:

– лош[эд'ѣ]й, лош[эд'и́]й, ж[эр'ó]бная, ж[э°лтó]к, арж[энó]й (Им.п., м.р.);

– ж[эна́]той, на лош[эд'а́]х, круж[эва́], ц[э°пл'а́]ють, нишиц[этá], шиц[экá].

6. Таким образом, в говоре наблюдается процесс преобразования системы предударных гласных после отвердевших согласных. После отвердения звуков [ж], [ш], [ц] гласные, следующие за ними, сдвинулись из зоны переднего ряда в зону среднего ряда. Что касается звука [а], который произносится перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, то на этом его изменение завершилось (он совпал с [а] после всех твёрдых согласных). Звук [и], произносившийся перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма, изменялся в два этапа: 1) передвинувшись в зону среднего ряда, он совпал с [ы], 2) в связи с влиянием вокалической системы после твёрдых согласных звук [ы] понизился по подъёму, совпав с [э]. В аудиоматериалах встречаются примеры, отражающие первый этап, и примеры, отражающие второй этап, но преобладают последние.

Е.Ф. Журавлёва, Т.Б. Журавлёва (Греция)

**ПРИНЦИПЫ И ОСНОВЫ НАПИСАНИЯ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
ПО ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ**

Роль фонетики-фонологии в преподавании и изучении иностранного языка трудно переоценить. Об этом писали многие отечественные лингвисты: Е.Д. Поливанов, С.И. Бернштейн, Л.В. Щерба, А.А. Реформатский и др. Причём в их исследованиях особое внимание уделяется учёту родного языка.

Приведём лишь некоторые высказывания. Л.В. Щерба в 1947 году писал:

«...единственный путь, который в какой-то мере может гарантировать обучающихся... активному владению тем или иным иностранным языком от опасностей смешанного двуязычия – это путь сознательного отталкивания от родного языка...» (5: 57). Позже к этой теме обратился А.А. Реформатский: «Для овладения чужим надо прежде всего оттолкнуться от своего» (4: 68). Из современных фонетистов на это указывают Е.А. Брызгунова, Л.В. Бондарко, А.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Е.Л. Бархударова и др.

Известно, что «сознательное описание фонетики чужого языка невозможно без сопоставления его звукового строя со звуковым строем родного языка» (1: 494).

В преподавании русской фонетики греческим студентам на факультете Балканистики Западно-Македонского университета и в институте Балканских и русского языков (Греция) используем сопоставительный метод. «...возможность сопоставить артикуляционные и акустические свойства родного и изучаемого иностранного языка обогащает методические приёмы и позволяет использовать в педагогическом процессе сознательный анализ звуковых свойств родного и иностранного (2: 3). При написании практической части учебного пособия по фонетике греческой аудитории используем следующие принципы:

- отталкиваемся от основ фонетики родного – греческого языка,
- выявляем общие и различительные особенности фонетических явлений сопоставляемых (сравниваемых) языков,

- акцентируем внимание на фонетических явлениях русского языка, отсутствующих в греческой фонетике.

К числу фонетических явлений, различающих фонетику двух языков, относятся (3:102):

В области сегментных единиц:

Согласные:

а) категория твёрдости-мягкости и её фонологическая функция в системе русского языка, палатализованные (не палатальные!) и непалатализованные согласные, их артикуляционная характеристика и употребление в слове;

б) наличие шипящих Ш, Ж и аффрикаты Ч, их артикуляция и дистрибуция в фонетической системе русского языка;

в) согласный Й русского языка и его отличие от гласного И: написание и употребление в различных морфемах; произношение и различение на слух звуков [и], [й];

г) отсутствие регрессивной ассимиляции по звонкости свистящего С перед губно-зубным звонким В и сонорным М, поскольку в русском языке позиция С перед указанными согласными является сильной: в русском имеем: [св']ет и [сф']ера; во[с' м']и и во[з' м']и. В греческом же позиция С перед В, М является слабой, наблюдается регрессивная ассимиляция по звонкости свистящего С перед губно-зубным звонким В и сонорным М, в результате чего происходит нейтрализация звонкого и глухого в одном звонком звуке З: σβήνω [zvíno] 'гасить, тушить', κόσμος [kósmos] 'космос'.

Гласные:

а) йогированные гласные буквы русского языка, особенности их соответствия в произношении и отражении на письме, связь с палатализованными согласными;

б) наличие специфического гласного Ы, его артикуляционные признаки и употребление в речи.

в) качественная редукция безударных гласных среднего подъёма Е, О, приводящая к нейтрализации [А, О > А], [Е, И > И].

Сочетания ТСЯ, ТЬСЯ, их употребление, орфография и произношение.

В области суперсегментных единиц:

Ударение

Подвижность и разноместность словесного русского ударения и действие закона трёхслоговости в греческом языке.

Интонация

Выделение основныхИК русского языка и отличие во-просительного предложения русского языка от греческого.

Из указанных фонетических явлений наибольшую труд-ность для греческих студентов представляет различие па-латализованных и непалатализованных согласных в устной и письменной речи и произношение шипящих согласных.

М.Р. Ильина (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

Известно, что имена существительные допускают большую вариантность в акцентуации. Это зависит от многих факторов – как от лингвистических, так и от социолингвистических.

В настоящей работе внимание сфокусировано на пробле-ме акцентуации в профессиональной лексике, а именно, в медицинской. Известно, что профессиональная лексика в своей акцентуации отличается от непрофессиональной. На-пример, моряки произносят *компа́с*, в то время как в обычной речи нормой считается вариант *ко́мпас*; или в медицинской терминологической речи принято ударение *рентгенограф́ия*, в то время как в обычной произносят *рентгеногра́фия*. Раз-ные словари отмечают такую профессиональную акцентуа-цию, но приводят противоречивую информацию.

Для выяснения вопроса акцентуации в профессиональной лексике была выбрана медицинская терминология и проведён специальный орфоэпический эксперимент, в котором участ-вовали 20 врачей московских больниц. Все информанты имеют высшее медицинское образование и большой стаж работы по специальности. Для исследования был составлен опросник, содержащий 31 фразу, каждая из которых содер-жала медицинский термин. Информантам предлагалось са-мим поставить ударение в необходимых словах. Всего было получено 620 ответов информантов.

В результате эксперимента выяснилось, что полученные ответы отличаются от рекомендаций словарей. Сама профес-сиональная лексика допускает вариативность. Например, слово

алкоголь заимствовано из двух разных языков с двумя разными ударениями – **нем.** *Áлкоголь* и **фр.** *алкогóль*. Позднее это колебание ударения исчезает и побеждает французский вариант, а немецкое *алкоголь* остаётся только в профессиональной медицинской речи. Во фразе *В среднем, у обычного здорового человека алкоголь выводится из организма со скоростью 14 гр в час* в 20 % случаев был выбран вариант *Áлкоголь*, но словари запрещают такое произношение. В словаре И.Л. Резниченко вариант *Áлкоголь* стоит с пометой устар. Колебания в ударении таких слов можно объяснить степенью освоенности их русским языком и разными заимствованиями. Так, слово *алкоголь* является широкоупотребительным и не воспринимается как профессионализм даже медработниками.

В исследовании были использованы группы слов, имеющие одинаковые вторые части. Например, *эпилепсия, апоплексия, нарколепсия; невралгия, нефропатия; рентгенография, флюорография, пиелография, цистография, энцефалография; фобия, офидофобия, гидрофобия, бронтофобия, кардиофобия, клаустрофобия, охлофобия*. Все эти слова заимствованы из греческого или латинского языков.

Приведённые выше слова – сложные, состоят из нескольких слогов. Можно предположить, что носитель языка будет стремиться произносить такие слова так, чтобы ему это было ритмически удобно, то есть с ударением в середине слова, но только в том случае, когда слово уже известно говорящему. В противном случае респондент станет вспоминать правила и нормы постановки ударения изменятся – оно будет употребляться вне законов, действующих в акцентной системе русского языка, но по законам аналогии. В опросник были включены такие слова как *флюорография* (освоенное слово) и *пиелография* (неосвоенное слово). В словарях эти слова с ударением на последнем слоге стоят с пометой *мед.* Результаты эксперимента показали, что вариант *пиелография́* произнесли 100 % информантов. Вариант *флюорогра́фия* ритмически более удобен, так произнесли 10 % опрошенных. 10 % – это немного, но необходимо учитывать, что опрос проводился среди медработников, и такой результат подтверждает действие закона степени освоенности слова. Причины, вызывающие колебание места ударения в слове, выступают в тес-

ной связи друг с другом, и иногда бывает сложно выявить только одну причину для какого-либо конкретного слова.

Таким образом, проанализировав результаты проведённого исследования, можно сказать, что акцентуация медицинской терминологии отличается от общей акцентуации и не всегда соответствует рекомендациям, данным в различных словарях. Большую роль в постановке ударения играет ритмический рисунок слова, особенно в сложных словах; фактор освоенности – чем больше слово живёт в языке, тем больше оно подчиняется его системе; историческое развитие слова; действие аналогии. Все эти причины выступают не независимо одна от другой, а взаимодействуют друг с другом.

Проблема терминологической акцентуации существует не только в медицинской, но и в любых других областях и нуждается в дальнейшем изучении.

И.И. Исаев (Москва)

ФОРМАНТНАЯ КАРТИНА ГЛАСНЫХ В АЛЬБОМЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ

0.0. Гласный звук представляет собой аккорд: он образуется сразу в нескольких частотах. Частоты, участвующие в создании звука, называются формантами (обозначаются буквой «F»). Для узнавания гласных важны две первые форманты, которые соответствуют подъёму (F1) и ряду (F2) гласного.

1.0. Гласный является диффузным звуком, то есть образуется не в конкретной точке, а в некоторой зоне, которая задана артикуляционной традицией языка/диалекта. Такое артикуляционное поле гласного может иметь разную площадь в разных системах.

1.2. Фонетическую систему гласных в методических целях удобно изображать в виде треугольника или трапеции. Этот прием позволяет выполнять функциональное описание системы гласных, опираясь на дифференциальные признаки. Однако такое схематическое изображение скрывает важное качество гласного – его диффузность. Для изучения диалектных различий в области вокализма принципиально важно «видеть» *зону артикуляции*.

2.0. Если расположить частоты F1 на оси X по вертикали, а частоты F2 на оси Y по горизонтали, то мы получим пространство артикуляционного тракта в привычных координатах треугольника гласных. Опытным путем было установлено, что цена деления шкалы в 50 Гц достаточна для дистрибуции гласных.

2.1. На динамической спектрограмме гласного (в программе акустического анализа звука PRAAT, например) определяются частоты F1 и F2, которые заносятся в формантную сетку.

2.1.1. Фонетический контекст гласного определяет его место в зоне. Переднеязычные согласные, например, сдвигают его вперед, носовые согласные отодвигают в заднюю часть зоны.

2.1.2. Интонация фонетического отрывка может сильно менять гласный. Резкое движение основного тона тянет за собой формантную структуру гласного. Иллюстрация гласного в фонетических работах должна сопровождаться четырьмя параметрами: осциллограмма, динамическая спектрограмма (сонограмма), частота основного тона и огибающая интенсивности.

2.1.3. При определении состава и качества частей полифтонга следует опираться на эти параметры. Неоднородность гласного на картинке не является доказательной сама по себе. Только такая неоднородность гласного, которая подтверждена ровной интонацией и одинаковой громкостью звука может быть доказательной.

2.1.4. Размещение на формантной сетке монофтонгов и дифтонгов (полифтонгов) имеет особенности. Мгновенный срез для получения формант должен выполняться в зоне пика интенсивности гласного. Для монофтонга это один пик, расположенный как правило с средней части гласного; для дифтонга это два пика, соответствующие частям гласного. Если условно разделить гласный на три равные части, то первая и третья будут обременены коартикуляционными процессами, а ширина формант и расстояние между ними будут зависеть в значительной мере от фонетического контекста. Положение дифтонга на формантной сетке нельзя отметить точкой. Дифтонг, как правило, имеет скольжение по диагонали. Изображение дифтонгов целесообразно вынести в отдельную формантную сетку.

2.2. Даваемые на слух характеристики гласных «открытый», «закрытый», «сдвинутый вперед», «сдвинутый вверх»

и т.д. могут иметь исчислимые параметры. Применение метода формантной сетки дает возможность изменить позицию наблюдателя и позволяет переместиться на место диалектоносителя в оценке качества звука. Во время выполнения работы по описанию диалектной системы часто оказывалось, что, например, гласный в позиции второго предударного слога после твердых согласных, который оценивался мною как [y] (*тупоры́*), является для говора гласным зоны [o].

2.2.1. Фонетическая транскрипция диалектной речи передает не объективную фонетическую картину, а представления диалектолога о диалектной фонетике, зажатые в перцептивный эталон его собственного языка.

3.0. В 1967 году С.С. Высотский предложил 20 схем, иллюстрирующих особенности устройства северного и средне-русского окающего диалектного вокализма. Сейчас появилась возможность создать альбом русских диалектных систем, схемы в которых составлены на материале объективных физических данных. Такая работа даст диалектологии обширный фактический материал, который может быть картографирован и интерпретирован.

М.Л. Каленчук (Москва)

ФОНЕТИКА И ГРАММАТИКА

Существуют две противоположные точки зрения на вопрос о соотношении фонетики и грамматики. Одни лингвисты считают фонетику самодостаточной системой, развивающейся по своим внутренним законам; другие утверждают, что «все существенные изменения в фонетике современного русского литературного языка ... можно рассматривать как следствие грамматических процессов» (М.Я. Гловинская, Н.Е. Ильина, С.М. Кузьмина, М.В. Панов). Последний подход был сформулирован почти полвека назад, и развитие звуковой системы последних десятилетий дает возможность его проверить.

Влияние грамматики на фонетику в первую очередь определяется направлением грамматического развития в сторону агглютинативности в семантике и структуре производного слова. В фонетике это должно отражаться в усилении роли

пограничных сигналов. Проанализируем на современном материале указанные направления развития. Пограничный сигнал будет действовать в тех случаях, когда закономерности реализации фонем внутри значимых единиц и на их стыках различны, что позволяет маркировать морфемный шов. Так, например, в начале XX в. произносили *и[з']мена* и *[з']меня*; *ра[з']дельвать* и *[з']десь*. Затем в середине XX в. стали произносить *и[з]мена*, но *[з']меня*; *ра[з]дельвать*, но *[з']десь* – проявился пограничный сигнал. В конце XX в. сандхиальные и несандхиальные закономерности вновь нейтрализовались – *и[з]мена* и *[з]меня*; *ра[з]дельвать* и *[з]десь*. Другой пример: произносили *бру[ш'ш']атый*, но *ра[ш'ч']истить*, сейчас чаще произносят *бру[ш'ш']атый* и *ра[ш'ш']истить*. Подобные факты говорят о тенденции к выравниванию фонетических закономерностей внутри морфем и на их стыках. Это можно объяснить либо тем, что в языке перестала действовать тенденция к нарастанию агглютинативности, либо тем, что происшедшие изменения в фонетике не вызваны грамматической причиной.

Если для ситуации середины XX в. можно было утверждать, что роль пограничных сигналов в языке увеличивается, то можно ли сказать, что сейчас значение делимитативных средств не так велико? Нет, на смену старым пограничным сигналам приходят новые, продолжающееся разрушение позиционных чередований согласных сделало возможным в сандхи пока на уровне узуса сочетания согласных, ранее невозможные в середине значимых единиц (*бе[с ш]апки*, *ра[зж]евать*, *го[сч']инóвник*, *[с ч']аем*, *бе[сч']исленный* и пр.).

Если бы грамматический фактор – стремление к агглютинативности – вызывал к жизни изменения, происходящие на фонетической сцене, сохранялось бы достигнутое распределение вариантов: внутри морфем одни, на стыках морфем другие. Но языковая система, пройдя этот этап, унифицировала сандхиальные и несандхиальные закономерности, что доказывает, что причина происшедших событий не грамматическая.

Л.Э. Калнынь (Москва)

**О ВЛИЯНИИ УРОВНЯ АРТИКУЛЯЦИОННОГО
КОНТРАСТА В ПРЕДЕЛАХ ЗВУКОВОЙ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ НА ФОНЕТИЧЕСКИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ**

1. Различие в уровне артикуляционного контраста между элементами звуковой последовательности стало синтагматически значимым фактором в связи с падением/утратой редуцированных гласных. Отмена правила, согласно которому словоформа состояла из открытых слогов, унифицированных по высоте тона (высокий ~ низкий), и возникшая допустимость закрытых слогов провоцировали появление ранее отсутствующих звуковых последовательностей. Это – не разделенные слоговой границей передний гласный и велярный / лабиовеляризованный согласный, а также согласный и последующая пауза (конец слова). Артикуляционный контраст в таких последовательностях мог корректироваться путем включения в артикуляцию первого сегмента антиципации элементов артикуляции второго.

В докладе эта проблема рассматривается в применении к изменению по ряду гласного **e* и по твердости / мягкости согласных.

2. В языках Северной Славии (лужицких, польском, белорусском, русском) антиципация велярной/лабиовелярной артикуляции следующего после континуанта **e* согласного обусловила передвижение гласного *e* в непоследний ряд и его лабиализацию. В контексте *t'-t'* гласный *e* сохранялся. Особенность изменения состоит в том, что в разных языках корпус согласных, обуславливающих *e > o* не был одинаковым. В лужицких, белорусском, русском языках это были твердые согласные любой локализации.

В польском языке изменение гласного **e* происходит только перед переднеязычными согласными, а перед губными и заднеязычными лабиализация **e* не происходила (*cios, plotę, piórko*, но *ciepły, niebo, piekło*). В сегментах типа *t'ep, t'ek* имел место высокий уровень артикуляционного контраста между палатализованным/палатальным согласным перед гласным *e*, с одной стороны, и следующим лабиовеляризованным согласным, с другой.

Такой контраст способствовал сохранению традиционной (актуальной в условиях открытого слога) ориентации артикуляции гласного *e* на предшествующий согласный высокого тона (палатальный, мягкий) и препятствовал изменению *e > o*. В сегменте типа *t'et*, где вторым согласным был переднеязычный, уровень его лабиовеляризованности был ниже в сравнении с *p, k*. Соответственно, артикуляционный контраст по тону между первым и вторым согласным был менее выражен, чем в сегментах *t'ep, t'ek*. Поэтому ослаблялась связь гласного с предшествующим палатализованным согласным и включалась антиципация согласного при выборе гласного, т.е. происходило изменение *e > o*. В польском аналогах правилам изменения *e > o* составляет рефлексация гласного **ě*. Этот гласный, реконструируемый как *ä* (передний пониженного подъема), также сохранил переднее образование перед губными и заднеязычными согласными и изменился в *a* перед переднеязычными (*biały, kwiat, miasto, dziad* и *bieg, chleb, niemy, miech*). Дифференцированное включение в фонетическую программу слова согласных разного уровня лабиовеляризованности означает, что в польском языке/диалектах ко времени изменения *e > o* сохранялись элементы синтагматических связей, характерных для фонетической программы слова периода до падения редуцированных, когда превалировала связь по высоте тона гласного и предшествующего ему согласного в пределах слога.

Разный уровень артикуляционного контраста между рядом стоящими звуками, второй из которых имеет низкий тон, определяет и синтагматику согласных. Так в русском языке в сочетаниях согласных, образовавшихся после утраты переднего редуцированного гласного, позиционная по происхождению мягкость (повышенный тон) согласных сохраняется перед следующими твердыми губными и заднеязычными согласными, а перед переднеязычными согласными утрачивается (*письмо, дерьмо, резьба, редька, верх, но верный, грязный, холодный* и др.). Высокий уровень контраста между согласными в сравнении с ситуацией до падения редуцированных, когда они были разделены гласным (*t'ьp* и *t'p, t'ьk* и *t'k*), препятствует ассимиляции первого согласного второму и стабилизирует состояние, при котором согласный и следующий гласный, будучи взаимосвязаны, находились в пределах одного открытого слога. Ан-

тиципация согласных низкого тона способствует сохранению архаического состояния. И, напротив, антиципация переднеязычного согласного (*t't*) способствовала утрате мягкости согласного, поскольку уровень контраста по тону между первым и вторым согласным был ниже, чем в сочетаниях, имевших губные и заднеязычные согласные.

3. В белорусском и русском языках/диалектах пауза, т.е. ноль звука (конец слова), по своим синтагматическим свойствам совпадает с сегментом низкого тона. В ситуации контраста между согласным перед *e* и паузой возникает антиципация паузы, что вызывает изменение *e* в *o*. Распространенное утверждение, что в этом случае имеет место результат морфологической аналогии, лишено основания. В пользу фонетического происхождения изменения *e* > *o* на конце слова говорят следующие обстоятельства:

1) последовательность изменения – в русском языке/диалектах *e* > *o* под ударением на конце слова почти не знает исключений; если существуют варианты одного слова с ударной и безударной флексией, то под ударением выступает именно *o* (*s'in'e* и *s'in'o*, *s'pan'je* и *s'pan'jo*; в русских говорах в форме 2 pl *praes* при ударении на флексии на месте *e* произносится *o* – *n'es'it'o*, *s'id'it'o*). Изменение *e* > *o* в окающих русских говорах происходит и в безударных слогах, но реализуется в этой позиции непоследовательно.

2) в юго-западных белорусских говорах при отсутствии изменения *e* > *o* перед согласным оно отсутствует и перед паузой (*da'l'eko*, *b'erdo* и *kas'je*, *pl'a'če*). Хотя препятствий для морфологической аналогии это не создает, тем не менее она не реализуется;

3) в польском языке/диалектах пауза (конец слова) действует на гласный *e* так же, как губные и заднеязычные согласные – изменения *e* > *o* не происходит. Здесь также отсутствует на конце слова гласный *o* морфологического происхождения, хотя казалось бы препятствий для этого нет.

В совокупности эти явления свидетельствуют в пользу того, что изменение *e* > *o* на конце слова там, где оно было, являлось фонетически закономерным явлением.

4. После падения конечного гласного **ь* перед паузой (конец слова) оказались согласные, позиционная мягкость кото-

рых имела альтернативу – утратиться или стать стабильным компонентом артикуляции согласного. Решение зависело от того, на каком уровне артикуляционного контраста находились согласный и следующая пауза. Для переднеязычных согласных контраст с паузой, как сегментом не высокого тона, не препятствовал сохранению мягкости – согласный как бы дистанцировался от паузы. Что касается губных согласных, то они после падения *ь утратили позиционную мягкость – она не могла сохраниться в контексте сочетания лабиовеляризованности согласного с паузой, имеющей низкий тон. Поэтому в большей части языков/диалектов, имеющих корреляцию палатализованности, мягкие губные согласные в конце слова отсутствуют. Исключение – русские говоры юго-восточной части территории ДАРЯ и некоторые серболужицкие.

Т.В. Карасёва (Воронеж)

ФОНЕТИКА ГОВОРА СЕЛА СТАРАЯ ТОЙДА АННИНСКОГО Р-НА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛ.

Среди фонетических особенностей говора села, обследованного в ходе диалектологической экспедиции кафедры славянской филологии Воронежского госуниверситета в июле 2004 г., можно отметить следующие:

1) сильное яканье: *берягла́, би́рягу́, бра́хать, вясно́ю, гяк-та́р, лебяду́, няха́й, одява́ла, озяра́, перяго́н, приляпа́я, пи́ано́, чижа́ло; дера́вня́нный, жа́ни́х, поча́му-то, пи́ани́ца, пля́тнёв-ка, разля́еши́шь, ча́рни́ла, об ша́сти́;*

2) ударный [o] на месте [a] в корнях личных форм некоторых глаголов на *-ить*: *во́рють, до́рють, ко́тятся, наво́рют, посдо́ют, свбо́ришь*; ударный [a] на месте [o]: *ла́вя, ла́вять, нала́вим*;

3) [ʔo] на месте [e]: *далёк* ‘зачем’, *кобёл* ‘кобель’, *лёс* ‘лес’, *недалёко, тёмно, хрёст, чёлнок; по дёну* ‘по дню’, *полотён; годён; заведёно, загублённый, захоронёны, развалённый, со-временный*; ударное [e] на месте [ʔo]: *ве́дра* ‘ве́дра’; *ждем, живём, загне́шь, кладе́м, начне́шь, пере́йдем, по́йде́т, пере-мне́м, поме́рли, попаде́шь, потре́шь, пре́шь, толке́м*;

4) лабиализация [ы]: *бува́л, бува́я, со́лнушко*;

5) фонема /в/ реализуется губно-зубным звуком: *годóф, индюкóф, кóзоф; ф ста́ду, ф стрóйку, ф тéсту;*

6) [γ] позиционно чередуется с [х]: *иура́ли, мно́уо, рóуи; дéнех, предлáх, твóрох;* особое произношение слов: *идé* ‘где’, *тада́* ‘тогда’, *хрэ́ст* ‘крест’, *хрэ́стный* ‘крёстный’;

7) сочетание *чт* произносится как [шт]: *пои́ти;*

8) долгие твёрдые шипящие: *бабниши́шы, барши́шына, вы-таши́шить, гу́шиша, дожжы́, неиму́шиый, за пастби́ишу, уго́ишаем, чи́шие, ши́шалчок;*

9) протеза: *востры́й, охоботье* ‘старые вещи, хоботье’; эпентеза: *бе́рдро* ‘бе́рдо’, *ндравиться́, пашено́, пелемени́, приба́гутка, шуману́ть;* эпитеза (как реализация тенденции к открытости слога): *тама́;*

10) афереза: *горóд* ‘огород’, *зно́б* ‘озно́б’; диереза: *бра́хло, замеши́ваешь, котё́нчик, перку́веркали, прали́зовать, пробать́, переми́шивают, просё́нок, раската́ешь, реге́н* ‘рентген’, *Роже́ство, серху́* ‘сверху’, *скворода́, центе́р;* синкопа: *те́р* ‘те́рн’;

11) метатеза: *боло́мки* ‘обломки, обрезки дров’, *бе́дро* ‘бе́рдо’;

12) ассимиляция гласных: *баргамо́т* ‘бергамот’, *никуды́, суды́, туды́* (по аналогии с ними – *кады́, тады́*); ассимиляция согласных: *абво́кат, чи́жало, итра́ховка;* диссимиляция: *антире́сный, бурмаки́* ‘вилы, бармаки’; диссимиляция по звонкости/глухости: *чудо́к* ‘чуток’; диссимиляция по способу образования ([х] на месте [к] в некоторых словах перед [т]): *хто́, хрестóвик* (наряду с *крестовик*);

13) смягчение согласных: *прости́на́*; прогрессивное смягчение заднеязычных: *крючкё́м, кусочкима́, лоши́ыначкя́, сколькя́, тройкею́;* отвердение согласных: *вытягыва́ть, выш-ня́к, гурбо́ю, на кры́лце, прости́на́;*

14) особенности в фонемном составе некоторых слов: *драж-нить, издражнить* (но: *дразнье́* ‘прозвище’), *ковре́га, племен-ница́, побойник, поздра́вкаться, скро́зь* ‘сквозь’, *Тигла́* ‘Чигла’;

15) иное ударение некоторых слов и словоформ: *за́им* ‘заём’, *кура́* (наряду с *ку́ра*), *све́кла, хворóст* (наряду с *хво́рост*); *бу́рьяны́, воро́та, капо́ты, кисте́ты, сарафа́ны;* в *бу́рьяне́, нету́ до́жжа, на сбо́рах* ‘на сборках’, *шо́фера; нерóдный, силóсный, ясе́новый; бы́ло, поло́жить; вы́иый, при́иый; впе́реди, до сме́рти* (нареч.), *досы́та, изда́вна́, неда́вно́, по-прóстому, холо́дно́;*

16) второе полногласие: *волок* ‘волк’, *толостый* ‘толстый’, *холост* ‘холст’, *шерест* ‘шерсть’.

Хотя село Старая Тойда Аннинского района было основано в Петровский период выходцами из Ярославского, Костромского и Пошехонского уездов, фонетика его говора обладает многими чертами южнорусского наречия.

Л.А. Карев (Франция)

О ВЫБОРЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ НОРМЫ ДЛЯ РУССКОЙ ОПЕРНОЙ И КАМЕРНОЙ ВОКАЛЬНОЙ МУЗЫКИ XIX В.

Современная ситуация в дикции российских академических певцов отражает общую тенденцию орфоэпии русского языка: многие ещё относительно недавно признанные правила переходят в категорию устаревших и не являются обязательными. Но, одновременно с этим, в сфере классической музыки наблюдается всё более и более усиленное стремление к аутентичному исполнению произведений прошлого: возрождение старинных стилей, использование исторических инструментов и также, возвращение к архаическим фонетическим нормам в большинстве европейских вокальных школ. С этой точки зрения, изучение орфоэпии русских академических певцов XIX-го в. позволит сформировать фундамент аутентичного исполнения определённого репертуара русской вокальной музыки, которое не может игнорировать исторические фонетические нормы.

Первым положением в данном вопросе являются специфические характеристики вокальной дикции, которые по многим аспектам отличаются от общих правил разговорного языка. В-первых, собственно музыкальные особенности: ритм, интонация, продолжительность гласных, использование крайних регистров голоса и, во-вторых, особенности европейской классической школы пения: поиск «округленного» звучания гласных, максимальное сближение их акустического спектра, что достигается благодаря особым позициям и движениям голосовых органов, зачастую отклоняющимся от разговорных норм, в русском языке – изменённая редукция гласных... У некоторых певцов это приводит к искажённой дикции, неразборчивому произ-

ношению. Вместе с тем, пример многих выдающихся певцов XX-го в. показывает, что вокальная техника вполне совместима с отчётливой дикцией и нормативным произношением. Исследование записей является одним из методов выявления собственных русской вокальной традиции фонетических норм.

Музыкальная специфика должна быть сопоставлена с историческими сведениями о русском нормативном сценическом произношении XIX-го в. Вокальное искусство, благодаря оперной сцене, попадает в сферу влияния театральной дикции и, соответственно, должно рассматриваться в свете работ театроведов. Многие специалисты по сценической речи не только указывают на господство старомосковской нормы, но и подробно останавливаются на узких вопросах произношения.

Наконец, важнейшей установкой в этом исследовании является изучение устаревших фонетических и грамматических правил, свойственных русской поэзии XIX-го в., которая благодаря романсам и операм лежит в основе русского певческого репертуара. Несоблюдение этих правил или их «перевод» на современный язык, не только нарушает музыку стиха, но и подчас мешает пониманию его содержания. Существующие на сегодняшний день работы, посвящённые орфоэпии в русском пении, были составлены с опорой на господствующую в момент их написания норму литературного языка.

Сравнительный анализ орфоэпии поэтических текстов первой половины XIX в. и современных требований к вокальной дикции, придание такого рода исследованию исторического направления, является необходимым в свете международных тенденций музыкального исполнительского искусства.

Л.Л. Касаткин (Москва)

ОРФОЭПЕМА КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ОРФОЭПИИ

1. Понятие орфоэпии менялось и уточнялось в отечественной науке. К орфоэпии следует относить лишь такие произносительные нормы и место ударения в слове, которые допускают вариантность в литературном языке.

2. Основная единица орфоэпии – орфоэпема. Её представляют варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения.

Такая вариативность может быть в одной и той же словоформе, например: *ржаной* – *рж[а³]ной* и *рж[ы³]ной*, *расседелать* – *ра[с']седлать* и *ра[с]седлать*, *биржа* и *баржѐ*. В слове может быть и несколько орфоэпем, например:

– *группа* – в формах с сочетанием *пп* перед *а, о, у, ы*: *группа...* – *гру[пп]а* и *гру[п]а*, в форме *группе* – *гру[п']е* и допустимо *гру[п'п']е*;

– *отрасль* – *отра[с']ль* и *отра[с]ль*, мн. ч. *отрасли*, *отраслям* и допустимо младшее *отрасля́м*;

– *внимательный* – [в]н^има^тельный и допустимо старшее [в']н^има^тельный; *внима[т'ил']ный*, *внима[т'д']ный* и *внима[т']ный*; *внима^тельн[ы]й* и *внима^тельн[э]й*;

– *метеорологический* – *мет[из]рологический*, *мет[еа]рологический*, *мет[и]рологический* и *мет[е]рологический*; *метеоролог[ч'с]кий* и допустимо *метеоролог[ч'и^с]кий*; *метеорологичес[к'и^с]й* и допустимо устарелое *метеорологичес[кэ]й*.

Орфоэпему могут образовывать варианты, представленные в одной и той же позиции в разных словах или словоформах. Так, в словах *аллергия*, *торги* произносится только [р], но этот звук представляет орфоэпему «[р]/[р'] в позиции перед [г']», так как в других словах возможно произношение [р'] наряду с [р]: *киргиз*, *Сергей*. В сочетании *стл* в слове *счастливы́й* на месте *т* нуль звука, а в слове *растли́ть* смычный согласный всегда произносится; это варианты орфоэпемы, которая в некоторых словах может быть представлена обоими вариантами: *костля́вый*, *постла́ть*, *хвастли́вый*. В слове *водонепроница́емый* дополнительное ударение обязательно, в слове *водопа́д* оно всегда отсутствует, оба эти варианта произношения первой основы *вод(о)-* сложных слов представляют соответствующую орфоэпему, которая в некоторых словах может реализовываться обоими вариантами: *водозащитный* и допустимо *вдоозащитный*, *вдооизмерительный* и допустимо *водоизмерительный* и т.п.

3. Употребительность вариантов может быть равная или не одинаковая, возможна прикреплённость их к разным фонетическим и фразовым позициям, употребляемость в разных сферах речи, что может отражаться в орфоэпических словарях.

4. Орфоэпемы различаются по количеству составляющих её вариантов. Варианты ударения почти всегда двучленны, трёхчленные – редкие исключения. Произносительные варианты чаще всего двучленные, но число членов может доходить до семи-восьми.

5. Орфоэпемы различаются по функциональной нагрузке вариантов – количеству слов (словоформ), в которых наблюдается тот или иной вариант орфоэпемы.

6. Варианты орфоэпем могут обозначаться и не обозначаться на письме.

Варианты орфоэпемы в одном и том же слове (словоформе) обозначаются на письме в тех случаях, когда представляемые ими разные фонемы (или гиперфонемы) выступают в позициях их различения, и средства русской графики дают такую возможность; например: *желчь* – *жёлчь*, *ноль* – *нуль*, *воробушек* – *воробьишек*, *галóши* – *калóши*, *матра́с* – *матра́ц*, *изю́бр* – *изю́брь*, *плóхонький* – *плóхенький*, *междугоро́дный* – *междугоро́дний*, *аутога́мия* – *автога́мия*; *бриллиáнт* – *брилья́нт*, *ви́хорь* – *вихрь*, *то́ждество* – *то́жество*, *плю́совый* – *плюсово́й*.

Гораздо чаще варианты орфоэпемы в одном и том же слове (словоформе) одинаково обозначаются на письме. Таковы случаи, когда мена звуков происходит в сигнификативно слабых позициях фонем или не может быть показана средствами русской графики; например: *делá* – $d[и^e]lá$ и $d[e^u]lá$, *забы́вать* – $z[э]бы́вать$, $z[э^u]бы́вать$ и $z[ы^o]бы́вать$; *му́зыку* – $múz[ы]ку$, $múz[э^y]ку$ и $múz[у]ку$; *ме́сяца* – $mé[s^i^e]ца$, $mé[s^i^e]ца$ и $mé[s^i^e]ца$; *те́тя* [t^o т'а], [t^o т'а] или [t^o т'а], *прия́тель* – $pri[já]тель$, в беглой речи возможно $pri[iá]тель$ и $pri[á]тель$.

Орфоэпемы, образованные вариантами произношения, представленными в разных словах, всегда одинаково передаются на письме: *не́что* – $né[ч']то$ и *ни́что* – $ни[ш]то$, *отли́чник* – $otlí[ч']ник$ и *двое́чник* – $dvóe[ш]ник$, *мо́щный* – $mó[ш']ный$ и *помо́щник* – $помó[ш]ник$, *из города* – $и[з]-гóрода$ и *близ города* – $бли[з']-гóрода$, *постель* – $пос[т'э]ль$ и *пастель* – $пас[тэ]ль$, *клие́нт* – $кли[jé]нт$ и *пацие́нт* – $паци[é]нт$.

7. Орфоэпемы есть не во всех словах; например, в словах (и в их формах) *нарód*, *обсыпнóй*, *выгрузить*, *иногдá* нет орфоэпем. Подобные слова не должны включаться в орфоэпические словари.

Р.Ф. Касаткина (Москва)

О СИЛЕ ПРОМИНЕНТНОСТИ

Согласно Дэвиду Кристалу, просодическая проминентность (*prominence*), или акцентная выделенность (АВ), определяется степенью контраста того или иного фонетического объекта по отношению к соседним объектам [Crystal 1987]. Этот контраст обычно создается просодическими средствами, но может затрагивать и сегментные реализации.

Благодаря работам Т.М. Николаевой многое известно о ф у н к ц и о н а л ь н о й стороне АВ в русском языке. Что же касается плана выражения, то сведения об этом недостаточно полны. *Тон*, *энергия* и *темп* – три составляющих, которыми создаётся проминентность. Они могут действовать либо изолированно, либо сочетаться в разных комбинациях. Являясь просодическими по своей природе, они неразрывно связаны с сегментными реализациями.

Силовые (энергетические) и темпоральные составляющие – это квантитативные характеристики, градуальные по своей природе. Тональные акценты, различающиеся конфигурационно, по степени проминентности могут быть соотнесены с некоторой шкалой, на которой максимальной выразительностью характеризуются акценты, оформляющие вопросы, т. е., согласно Р. Лэдду, интонационные сущности, связанные с семантикой неизвестности, сомнения, неуверенности [Ladd 1996]. Такими же выразительными предстают акценты, оформляющие контрастные отношения. Эти контуры в русской фразовой интонации характеризуются самым большим тональным интервалом, они самые яркие и перцептивно значимые. Их сопряженность с сегментными реализациями выражается в том, что фонетическая компрессия под этими акцентами наименее вероятна. В противоположность этому, минимальной степенью проминентности характеризуется так называемое фразовое ударение в повество-

вании (ФУ, ИК-1 по Брызгуновой, ТК-1 по Л.Л. Касаткину, НЛ% по С. Оде). Обсуждаемая закономерность может быть сформулирована следующим образом: чем ярче выражен акцент (АВ), под которым находится то или иное слово, тем менее вероятна сегментная компрессия этого слова.

Различные позиции под АВ, как правило, являются сильными, однако сила проминентности может быть разной. Это обсуждалось во многих работах зарубежных исследователей: К. Гуссенховена, Р. Лэдда, А. Круттена и др. Применительно к русскому языку об этом писала И.Г. Торсуева, противопоставляя обычной выделенности «супервыделенность» [Торсуева 1995].

Для классификации фразовых позиций важно разграничивать разные типы высказываний. Мнение о типологических различиях между повествованием и диалогом было высказано Л.В.Щербой [1935], а позднее Т.М. Николаевой [1989]. О.Йокояма включает противопоставление диалога монологу в оппозицию *свой–чужой* [2005]/ В противоположность повествованию, где преобладают динамические и темпоральные акценты, а также фразовые ударения (ФУ), в диалогах представлены самые разнообразные тональные акценты.

Поэтому можно считать, что идея контраста, сформулированная Д. Кристалом, наиболее ярко выражается в диалоге, в то время как нарратив тяготеет к интонационной сглаженности.

В слабых фразовых позициях наиболее вероятны (но не обязательны!) разнообразные виды редукации и компрессии звуков. Исследования последних лет дают основания наметить некоторую предварительную классификацию тех позиций, которые в совокупности именуется слабыми. Было установлено, что весомость фразовой позиции определяется ее соотносительностью с коммуникативным центром (центрами) высказывания. Следует еще раз подчеркнуть, что имеется в виду именно коммуникативный вес того или иного участка высказывания, а не место его в линейном развертывании речевой цепочки (начало, середина, конец высказывания). Самыми слабыми, т.е. допускающими максимальную фонетическую деформацию слов, оказываются предтопикальные и постфокальные позиции.

Е.Ф. Киров (Москва)

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

Русская фонетическая терминология складывалась в эпоху, когда еще не было инструментального анализа речи, – более того, когда еще не отделялись друг от друга звуки и буквы. В силу этого она отличается эклектичным и иногда даже наивным характером (достаточно вспомнить термин «дебелые» звуки), что позволяет поставить вопрос об ее усовершенствовании.

Уже первая оппозиция терминов – гласные и согласные – содержит в себе определенные логические и характерологические проблемы. Так, если термин «гласный» в определенной степени позитивно характеризует звук («звук, глас содержащий»), то термин согласные просто определяет соседство этих звуков с гласными и не содержит какую-либо позитивную характеристику (это просто звуки, расположенные рядом с гласными, что следует из грамматического значения приставки со-). Однако и с термином «гласный» не все в порядке в логическом плане, поскольку не только гласные содержат в себе «глас», т.е. голос, – сонанты в этом отношении мало уступают гласным, хотя относятся к согласным, да и звонкие согласные также в определенной степени содержат в себе «глас». Тем не менее, налицо в словообразовательной мотивации терминов «гласные» и «сонанты» логически противоречивая оппозиция двух мотивирующих основ – славянского «глас» и латинского «сонаре», которые значат одно и то же, т.е. имеют одно лексическое значение – «голос».

Если далее идти по линии терминов, описывающих гласные звуки, то мы встретимся со словами, характеризующими артикуляционное своеобразие таких звуков: переднерядные, среднерядные, заднего ряда, верхнего подъема языка, среднего подъема, нижнего подъема, огубленные, неогубленные и под. Однако далее следует пара терминов «гласные полного образования» и «редуцированные» (количественные и качественные), при этом не обозначены в строгой научной манере звуки, находящиеся между гласными полного образования и собственно редуцированными (т.е. ъ и ь) – это такие гибридные звуки, как «этое и» (или «итое э») в словах типа [с'и'эм'ја], звук типа «ытого а» или «атого ы» в словах типа [жы'арА], [ша'ырЬЛ] и под.). Родового

понятия у таких гласных нет, хотя понятно, что они образуют свой подкласс гласных звуков в русской фонетической системе литературного языка. Если же мы коснемся и диалектной фонетики, то таких звуков будет больше. Подчеркнем, что «термин количественная редуция», как и термин «качественно редуцированные» (последний термин характеризует еры) совершенно не годится для характеристики таких гибридных звуков типа «этое и» и подходит единственно для так называемой «крышки», т.е. краткого звука (а), который, кстати сказать, с позиций экспериментальной фонетики очень нередко превосходит по длительности ударные гласные звуки, особенно в режиме московского аканья в русской речи. В данном случае логика обозначения гласных звуков нарушается, понятно также, что трудно подобрать акустические характеристики для описания гласных звуков русской речи (это должны быть слышимые черты типа «вокальность», «диезность», «высокотональность», «низкотоinality» и под. [Киров 1997].

Что касается терминов русских согласных, то здесь система еще вычурнее и – самое главное – лишена единого основания при описании звуков. Так, согласные русского языка характеризуются как глухие и звонкие шумные – здесь за основу терминации взята точка зрения слушающего, и вдруг здесь же в таблице – как язычные, губные, альвеолярные, зубные – здесь же учтена точка зрения говорящего. На это противоречие первым обратил внимание В.А. Богородицкий, который писал: «Между тем в грамматических сочинениях эти две точки зрения очень часто смешиваются. Например, классифицируются звуки по органам произношения (значит, точка зрения произношения), а тут же нередко толкуется о звуках свистящих и шипящих (значит, имеется в виду сторона слышания – качество эффекта, производимого произнесенным звуком на слух» [Богородицкий 1984: 35]. В словах первого русского экспериментального фонетиста много справедливого, и в фонетической терминологии нет порядка по сей день. Мы используем термин «мягкость» по отношению к согласному, не задумываясь над внутренней формой этого слова, которое характеризует звук, строго говоря, с тактильных позиций и которое по существу применимо только к шрифту Брайля в коммуникации слепых (хотя этого нет на самом деле).

Поразительно, но даже в системе терминов таких выдающихся фонетистов, как Р. Якобсон, Г. Фант и М. Хале, создавших универсальную систему дифференциальных признаков фонем, имеются логические противоречия, т.е. даже в этой терминосистеме нет единства точки зрения при терминологической характеристике ДП фонемы. Так, если объективная характеристика дифференциальных признаков фонем производится с визуальной точки зрения по спектрограмме, то термины «диффузные» «прерывные – непрерывные», «резкие» вполне корректны (они визуально характеризуют спектр звука). Однако термины «дизные», «вокальные», «консонантные», «звонкие», «глухие», «высокотональные», продолжающие этот же ряд из двенадцати бинарных РП, явно выбиваются из системы и могут быть состоятельны только с другой точки зрения (и даже не одной).

Попытка привести в относительный порядок терминосистему фонетики русского языка, выстроив ее с трех позиций – говорящего (в артикуляционном плане), слушающего (в акустическом плане) и наблюдателя (в визуальном плане описания спектрограммы), была предпринята в нашей книге «Фонология языка».

Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ УДАРЕНИЯ (диахронический аспект)

Просодическая эволюция индоевропейских языков была связана с перестройкой количественных отношений, вследствие (а) утраты одной из трех структур $/\langle C \rangle V:/$, $/\langle C \rangle VC-\langle C \rangle/$, $/\langle C \rangle VCV-\langle C \rangle/ > / \langle C \rangle V:/ : / \langle C \rangle VC-\langle C \rangle/$ в германских языках или (б) сохранения только одной из них $/\langle C \rangle VCV-\langle C \rangle/$ в славянских, романских, албанском и греческом.

Одно из возможных направлений развития взаимоотношений между структурой и супrasegmentным оформлением слогов (слоговых комплексов) демонстрирует сравнение просодики чакавских говоров сербохорватского, где сохранилось равенство $/\langle C \rangle V:/ = / \langle C \rangle VCV-\langle C \rangle/$ (долгий слог и двусложная последовательность), ср.: *kraʌva*, *kraʌvu* (краткий) vs. *kraʌv* (долгий нисходящий), *brādaʌ*, *braʌdu*, *braʌde* (долгий нисходящий) vs. *brād* (долгий восходящий), и штокавских говоров,

где это равенство отсутствует: в словах с восходящим ударением высота и интенсивность ударного слога распространяются и на следующий слог, сам по себе неспособный нести ударение. Другое направление представляют шведско-норвежские Акц. I и II, одно- и двухвершинный соответственно, сферой действия которых является первый слог слова, где противопоставляются структуры /V:C/ и /VC:/, восходящие к древнегерманским долгим по природе и положению слогам: TÖRT : TÓRT > TOR#(OT): TORO#T ('*and-en* : '*ande-n*). В обоих случаях ударение, сохранившее выраженный мелодический компонент с полным основанием возводится к музыкальному ударению предшествующей «моросчитающей» стадии.

Сохранение фонологически значимых долгот – либо в качестве парадигматического различительного признака (чешский), либо просодемы (западногерманская корреляция усечения слога) – уничтожила взаимозависимость ударения и длительности [ср. *Т.М. Николаева*. Просодия Балкан. М., 1996. С. 29]. Результатом падения тоновых различий в этом случае явилась фонологизация силового контура и, соответственно, динамическое ударение [*В.А. Дыбо*. Славянская акцентология. М., 1981. С. 10].

В русском языке полногласие уничтожило долгие по положению слоги, /VC-C/, и вместе с ними возможность количественных противопоставлений в принципе, а также различения слоговых интонаций на слогах /CV:/ (долгих по природе). Исконная слоговая долгота сохраняется в виде фонетической длительности гласного, варьирующей в зависимости от позиционной выделенности и выступающей, таким образом, в качестве фонетического коррелята словесного ударения (Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения // Ученые записки Казанского государственного университета. 1956. 116/11), отличного от ярко выраженного динамического ударения, например, в албанском, обобщившем краткий слогоноситель двусложных структур /(C)VCV/.

С.В. Князев (Москва)

О СТАТУСЕ МЯГКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ: ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Одной из проблем описания системы СРЛЯ является фонологический статус мягких заднеязычных согласных. В качестве аргумента в пользу признания их фонемами приводятся факты синтагматического поведения этих согласных: так, после предлога *к* на месте фонемы <и>, произносится [ы] (к *Игорю*). Однако целый ряд фактов синтагматики СРЛЯ может быть интерпретирован в противоположном смысле.

1. На месте гласного после утратившегося <ј> в начале слова после предлогов, заканчивающихся на фонологически парный твердый, возможно только произношение [ы] ([ъ]), а сами эти согласные могут быть только твердые: *бе[з ы]гуара*, *о[т ы]вропейского*, но в случае с *к* очень часто произношение [к' и] *гуару*, [к' и] *вропейским*.

2. В СРЛЯ возможно произношение мягкого заднеязычного перед гласным, представляющим фонему переднего ряда, например, в слове *сотрудни[к']ами*. Е. А. Брызгунова [2003] видит причину этого явления в «непрямом диалектном влиянии». Однако подобное произношение встречается не только на стыке основы и окончания – оно столь же широко распространено и внутри основы (корня) и даже на стыке предлога и следующего слова: [к'] *апиталист*, [к'] *онференция*, [г'] *андикап*, с[к'] *андинавские*, [к'] *омментатор*, [х'] *оккеист*, [г'] *орячо*, [к'] *оператору* и т.п. При этом мягкого произношения заднеязычных не наблюдается в случаях типа *колёса*, *кульминация*, *камень*, *голяк*, *кулебяка*, *какуминальный*, *канюки*, *Кочубей*. Примечательно, что в слове *капюшон* [к'] произносится только при делабIALIZАЦИИ предударного [у], то есть, [к'ьп'ишóн], но [кь⁰п'ушóн]. Фонетический механизм данного явления состоит в том, что после твердого заднеязычного редуцированный гласный (любой нелабиализованный гласный в безударном слоге, кроме первого предударного) перед следующим гласным переднего ряда подвергается межслоговой ассимиляции по ряду¹;

¹ См. о такой возможности [Пауфошима 1980].

отсутствие веляризации (или фонологической противопоставленности по твердости/мягкости) у твердых заднеязычных вызывает возможность их коартикуляционного смягчения перед гласным переднего ряда. После веляризованных согласных в этом случае произносится [ы]-образный гласный: *n[ʏ^h]ливать*.

3. Принято считать, что в СРЛЯ контекстные изменения по твердости/мягкости, имеющие статус фонетических законов внутри слов, не действуют на границах фонетических слов [Панов 1979: 168]. Это верно для согласных, противопоставленных по ДП твердость/мягкость, но в сочетаниях типа *маленьких хищников, миг гибели, крик кита* и т.п. возможно и произношение мягкого заднеязычного в конце первого фонетического слова перед гоморганным мягким в начале следующего. Данные исследования, проведенного студенткой МГУ М.А. Беговатовой, свидетельствуют, что в указанной позиции смягчение заднеязычного происходит более, чем в половине всех случаев после гласного непереднего ряда и более, чем в 80 % всех случаев, после гласного переднего ряда. Решение о твердости или мягкости согласного в СРЛЯ принимается слушающим не столько по собственным его акустическим характеристикам, сколько (а иногда и только) по формантным переходам соседнего гласного. Однако в обсуждаемых примерах коартикуляции [и] соседнему согласному быть не может (заднеязычные сами аккомодируют соседнему гласному), поэтому перцептивное различение твердого и мягкого в этом положении невозможно, и согласный воспринимается, а в дальнейшем уже и воспроизводится как мягкий.

Тем не менее, удобство фонологического описания требует включения <к'>, <г'> и <х'> в инвентарь фонем СРЛЯ.

С.В. Кодзасов, Е.В. Щигель (Москва)

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ
(на материале записей передач
областных и районных радиостанций)**

Всего были изучены записи радиопередач из 13 различных областей России, как Европейской части, так и Сибири. Звуковой материал был исследован при помощи звукового редактора Speech Analyzer, полученные фрагменты речи были помещены в Базу данных в формате Microsoft Access. Всего в БД порядка 170 записей таблицы, каждая из которых содержит от 1 до 6 акцентов. Общее число содержащихся в БД акцентов около 500.

При выборе материала авторы использовали в основном записи непрофессиональных дикторов, имея в виду большую вероятность сохранения в их речи региональных особенностей. В основном, это интервью в студии и на улице, записи выступлений на митингах и других мероприятиях. Фрагменты речи профессиональных дикторов использовались только при проявлении у них каких-либо региональных особенностей.

Ориентиром просодического описания являлся гласный под ударением, хотя в большинстве случаев акцентная реализация осуществляется также и в прилегающих сегментах. Будем называть пространство реализации акцента акцентным блоком. В БД описывались как функциональные, так и просодические характеристики акцентного блока. К первым относятся разновидности *оппозитивной функции акцента* (нейтральная, сопоставительная, контрастивная), ко вторым — просодические характеристики: *направление тона, интервал тона* (в полутонах), *число мор* акцентированного гласного, *долгота* гласного. Поле *прочие сведения об акценте* содержит дополнительную информацию о просодии примыкающих компонентов.

В большинстве случаев описанные акцентные структуры совпадают с теми, которые обнаруживаются в литературном языке центра. Наш материал показывает широкое акцентное разнообразие оформления высказываний во всех разновидностях русского литературного языка и подтверждает, что ак-

центная система русского языка в целом гораздо богаче, чем это обычно считается.

Отметим здесь те акцентные техники, которые широко представлены в региональном материале, при том, что в литературном языке они часто не привлекают достаточного внимания.

Прежде всего, это большое разнообразие тональных конфигураций. В частности, обратим внимание на то, что основное изменение высоты тона может происходить на предупредном согласном или же на заударной части слова, а не на вокалическом ядре слога.

Материал показывает также широкое использование нетональных акцентов, таких как громкостный и долготный. Естественно, что возможны самые разнообразные комбинации акцентных характеристик: тон может по-разному соотноситься с громкостью и долготой.

Кроме акцентных характеристик просодии активно используются также и все неакцентные просодические характеристики. К ним относятся различные регистры тона и маркированные фонационные характеристики (фальцет, скрипучий голос, напряженный голос, придыхание).

Что касается назализации (она может охватывать как одно слово, так и фрагмент фразы) – то это особенность региональной просодии некоторых областей (в частности, Ростовской). Это явление нуждающееся в дальнейшем исследовании, так же как и просодическое использование таких тембральных характеристик речи как общее упереднение и узаднение артикуляции.

Упомянутые несегментные характеристики в свою очередь могут являться частью сложного просодического блока, образованного многими акцентными и тембральными признаками.

Отмечены также следы диалектной интонации в речи местных жителей-участников радиопередач: особое оформление конца фразы у дикторов из Кировской области и Воткинска.

Однако, в целом, изученные материалы обнаруживают унификацию произносительной нормы на всей территории России, причем эта унификация касается как сегментной, так и просодической фонетики.

Р. Кондыбаева (Казахстан)

**ПРИРОДА СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В КАЗАХСКОМ
ЯЗЫКЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНО С РУССКИМ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В литературе казахский язык, как и другие агглютинативные языки, описывается как язык, имеющий ударение на последнем слоге. Исследования этой проблемы имеют более чем вековую историю. Однако проблема словесного ударения в казахском языке (и в других тюркских языках) привлекает внимание тем, что она не изучена настолько глубоко, чтобы однозначно ответить на вопрос, каковы природа, место и фонологическая роль словесного ударения. Существуют разные точки зрения. Известно, что некоторые фонетисты полностью отрицают наличие словесного ударения в казахском языке. Они полагают, что основную его функцию выполняет сингармонизм, который эти ученые считают функционально тождественным словесному ударению.

Однако результаты наших первых экспериментальных исследований указывают на то, что казахский язык имеет словесное ударение. Но все же ответить на вопрос о его природе нелегко. Рассмотрим его в сопоставлении с хорошо описанным ударением в русском языке.

Первый вопрос касается локализации словесного ударения: в русском языке ударение считается подвижным, а казахское ударение постоянно. В большинстве случаев оно падает на последний слог, так как многие аффиксы притягивают ударение. Но при этом в казахском языке много аффиксов, которые не притягивают ударение. Подобные исключения существуют и в турецком языке, где основным ударным слогом также является конечный.

Второй вопрос о природе словесного ударения. В русском языке ударение считается динамическим. Казахское ударение также описывается как динамическое. Но нельзя назвать природу ударения русского и казахского языка одинаковой. Вопрос о том, какой акустический параметр является основным для того, чтобы считать казахское словесное ударение динамическим, следует изучать с помощью экспериментально-фонетических методов. Некоторые фонетисты утверждают,

что «установление экспериментальным путем каких-либо различий в физической характеристике гласных слова еще не свидетельствует о наличии словесного ударения. Электронная аппаратура может показать тот или иной гласный в составе дву- и многосложных слов сильнее (или более высок по тону, или длительнее), чем другой, но она никак не может продемонстрировать ударность данного гласного или неударность другого». Однако наш подход строится не только на измерениях звуковых материалов, но также включает в себя проверку результатов в экспериментах по восприятию речи с носителями языка.

Третий вопрос касается функции словесного ударения. Известно, что в русском языке оно выполняет словоопознавательную функцию, тогда как казахское ударение такой функции не имеет. Отметим, что в некоторых случаях, как например *balasy'z* 'бездетный' – *bala'syz* 'вы ребенок', с помощью выделения того или иного слога выражаются значения слов. Но можно ли назвать это ударением и по какому акустическому признаку различаются эти слова? Эти вопросы также нуждаются в анализе с помощью экспериментально-фонетического подхода.

Четвертый вопрос о длительности и качестве гласных, которые наряду с интенсивностью и тоном являются основными акустическими коррелятами русского словесного ударения. Наш первый эксперимент показал, что и в казахском слове длительность наряду с качеством гласных является одним из основных коррелятов ударения. Например, в двусложных словах, имеющих ударение на последнем слоге, гласный первого слога, в особенности узкий, в значительной степени редуцируется, например *b(i)li'm* 'знание'. Однако по мнению некоторых зарубежных исследователей, по сравнению с длительностью и тоном, интенсивность и качество гласных являются менее важными показателями словесного ударения.

В своем докладе я буду рассматривать вышеназванные проблемы, и покажу, как можно решить их с помощью экспериментально-фонетического подхода.

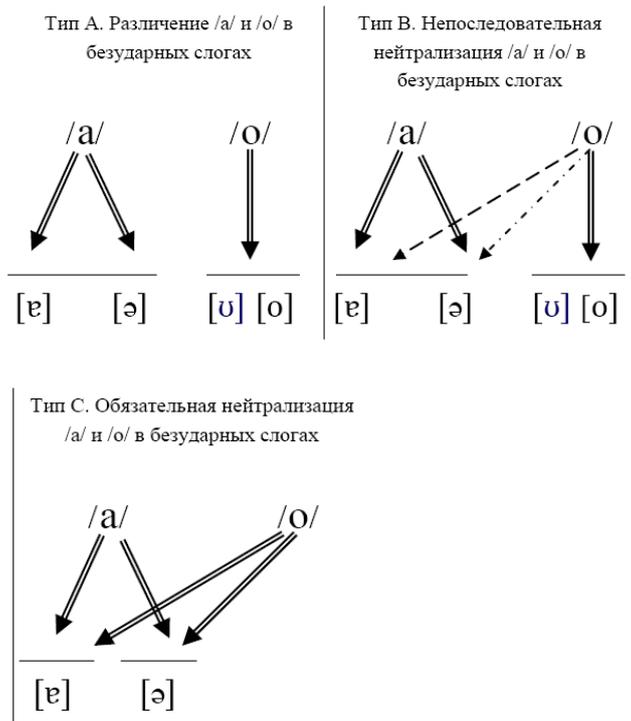
А. Красовицкий (Великобритания)

РАЗВИТИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ В СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ¹

Отличительной чертой севернорусского наречия до недавнего времени считалось отсутствие нейтрализации гласных фонем в безударных слогах. Исследования последних лет [например Vaahtera 2009] свидетельствуют о сокращении инвентаря гласных в безударных слогах и развитии нейтрализации фонологических контрастов, основанных на признаках подъема и лабиализации. Одно из проявлений этого процесса – разрушение оканья, иначе говоря, развитие нейтрализации гласных нижнего и среднего подъема /a/ и /o/ после твердых согласных. Поскольку этот процесс протекает чрезвычайно быстро, во многих говорах архаические идиолекты с полным различием этих фонем сосуществуют с инновативными индивидуальными системами, где обязательной является их нейтрализация в безударных позициях. Это дает уникальную возможность исследовать историческое изменение, используя обширные данные, записанные от нескольких поколений современных диалектных носителей. В докладе представлена одна из возможных моделей перехода от полного различия к полному неразличию фонем /a/ и /o/ в безударных слогах на основе данных, записанных в деревне Сафоново Мезенского района Архангельской области.

В зависимости от типа аллофонических чередований на месте фонем /a/ и /o/ индивидуальные фонологические системы жителей Сафоново распадаются на три группы, которые я условно назвал А, В и С:

¹ Исследование выполнено в рамках проекта *Sound change in progress: Case of a North Russian dialect* при финансовой поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта в Лингвистической лаборатории Рурского университета (Германия), руководимой профессором Кристианом Саппоком (июль – сентябрь 2009). Данные (списки слов и спонтанные тексты) были записаны автором совместно с Кристианом Саппоком в августе 2006 года.

Для всех трех типов характерна значительная редукция безударных гласных, приводящая, в частности, к появлению [ɐ] и [ə] на месте /a/. В то же время редукция /o/ представлена двумя известными из типологии моделями: в типе А (характерном для некоторых представителей старшего поколения) наблюдается подъем безударного гласного с сохранением лабиализации (как, например в болгарском или каталанском), в типе С (среднее и младшее поколение) – понижение с утратой лабиализации и обязательной нейтрализацией /a/ и /o/, подобно литературному русскому, белорусскому, некоторым диалектам словенского [Crosswhite 2001]. Тип В (характерный для многих

представителей старшего поколения) объединяет переходные системы, где конкурируют обе модели редукции.

Представленные данные показывают, что диалект Сафоновно переживает радикальную фонологическую перестройку, связанную со сменой моделей редукции. Последовательные стадии этой перестройки отражены в индивидуальных фонологических системах: от полного различия фонем /a/ и /o/ после твердых согласных до полной нейтрализации в безударных слогах.

О.Ф. Кривнова (Москва)

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПАУЗ С РАЗНОЙ ТЕКСТОВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ

Мысль о том, что длительность интонационных пауз, включая дыхательные (ДП), в определенной степени отражает иерархическую структуру текста, высказывалась уже давно [Волконский 1913; Светозарова 1982]. Однако количественных данных, конкретизирующих эту мысль, в литературных источниках явно недостаточно.

В проведенных нами измерениях нас интересовала прежде всего средняя длительность ДП с различной текстовой локализацией в прочтениях одного текста разными дикторами, а также соотношение длительностей ДП и чистых интонационных пауз (ЧИП) с аналогичной текстовой локализацией. Длительность пауз и других речевых отрезков измерялась с помощью звукового анализатора SA 1.5-2000 по результатам предварительной «ручной» сегментации речевого материала. Статистическая обработка инструментальных данных производилась средствами Excel MS-2000.

Материалом для исследования служил корпус прочтений связного текста – небольшого современного рассказа о посещении научного учреждения. Текст был прочитан «с листа» десятью дикторами, носителями русского языка с высшим образованием, но без специальной дикторской подготовки; средняя длительность озвученного текста 3–3,5 минуты. Материал записывался на компьютер (SR 22050Гц, 16-bit, Mono) в условиях тихой комнаты с использованием высокочувствительного микро-

фона, что позволило в большинстве случаев без труда определить дыхательный тип пауз в каждом прочтении текста.

Междикторская и внутридикторская вариативность физической длительности текстовых пауз в настоящей работе не была предметом специального анализа, так как общее количество темпоральных пауз с разной текстовой локализацией в прочтении каждого отдельного диктора было сравнительно невелико (30-60). Однако некоторое представление о вариативности можно получить из показателей стандартного отклонения от средних значений паузальных длительностей. Временные показатели определялись как в абсолютных единицах (мсек), так и в условных, нормированных относительно средней длительности слога в прочтении конкретного диктора. Слог как мера выраженности просодических швов в речи используется как в теоретических [Selkirk], так и в прикладных исследованиях [Скрелин], в частности, для учета возможного влияния на абсолютную длительность пауз различий в индивидуальном темпе диктора.

Анализ полученных временных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Дыхательные паузы (ДП) имеют большую длительность, чем чистые интонационные паузы (ЧИП), независимо от текстовой категории последних. Это выполняется как в среднем, так и по отдельным дикторам. Однако для пауз **одинаковой** текстовой категории это соотношение выдерживается более отчетливо. Реализация вдоха увеличивает длительность соответствующей интонационной паузы, примерно на 2-3 условных единицы (на 2-3 слога).

2. Текстовые фрагменты, завершение которых сопровождается ДП, упорядочиваются в направлении убывания длительности ДП следующим образом (в скобках дается нормированная длительность ДП в среднем по всем 10 дикторам):

Абзац(~10 слогов) > **самостоятельное предложение** внутри абзаца(~5 слогов) > **клауза** внутри предложения (~3 слога) > **компонент** внутри клаузы (~3 слога). Таким образом, предположение о зависимости длительности ДП от ее текстовой категории в целом подтверждается, хотя в этом отношении ДП между клаузами и внутри клауз, будучи самыми короткими среди ДП, по длительности могут пересекаться, причем в раз-

личной степени у разных дикторов. То же самое наблюдается и для чистых интонационных пауз.

3. Главным фактором, определяющим длительность ДП, является ее текстовая локализация. Анализ материала не выявил значимых корреляций между длительностью ДП и такими факторами, как длина предшествующей и последующей дыхательной группы. Не обнаружено и корреляции с длительностью предшествующей дыхательной паузы, которую можно было бы ожидать, исходя из принципа экономии дыхательных усилий.

Устойчивые различия в общей фонетической картине ДП разного типа и ЧИП [Кривнова 2010], а также тесная связь локализации дыхательных пауз с иерархической структурой текста [Кривнова 2007] создают возможность детектирования ранжированных границ между смысловыми отрезками текста как в естественном режиме устного дискурса, так и в задачах автоматической обработки звучащей речи, по крайней мере в режиме чтения. Реализация вдоха в темпоральной интонационной паузе является **достаточным** признаком наличия смысловой текстовой границы, а различия в общей картине ДП с разной текстовой локализацией сигнализируют степень смысловой связи между отрезками текста. Дифференцирующая функция ДП разного типа усиливается также различиями в таких параметрах, как длительность и интенсивность шума вдоха. Нужно, однако, иметь в виду, что в общем случае реализация ДП не является строго **необходимым** признаком текстовой границы.

Р.Э. Кульшарипова (Казань)

**ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ В УСЛОВИЯХ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ: ТРАДИЦИИ
КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹**

Современная языковая ситуация высветила важность изучения теоретической и прикладной фонетики в речеведческом, психолингвистическом и этнокультурологическом планах. Экспансия английского языка в русское языковое пространство позволяет иначе посмотреть на привычные механизмы функционирования фонетической системы русского языка. Обращение к наследию Казанской лингвистической школы может способствовать выработке новых подходов к ряду проблем фонетики.

В условиях активных языковых контактов проблема фонетической нормы как в плане орфофонии, так и орфоэпии весьма актуальна. Динамичность русской нормы подвергается воздействию «норм» современной русской диалектной речи (в силу активной миграции населения), а также «норм» национальных языков, составляющих одно коммуникативное пространство. В частности, такая картина сформировалась в РТ, где два языка признаны государственными; соответственно имеет место фактор адаптации к фонетическим нормам двух разносистемных языков.

И.А. Бодуэн де Куртене утверждал, что «каждый индивидуальный язык возникает под влиянием воздействия на данного индивида индивидуальных языков окружающих», поэтому даже носители русского языка в условиях межнационального общения вполне способны трансформировать синтагматические и парадигматические отношения фонетической системы русского языка. Как правило, это ощущается уже в плане фонации, моделирования устойчивыми звукотипами. На физическую природу такого изменения обращал внимание еще Н.В. Крушевский. Переключение с фонокода родного языка на фонокод русского, с одной стороны, укрепляет артикуляционную базу языка, с другой, динамично преобразовывает правила орфофонии в силу ритмического, ком-

¹ Работа поддержана грантом РФФИ-376 № 08-06-00160а.

муникативного и этнического факторов. Прикладная фонетика русского языка в таких условиях концентрируется на анализе характера интерференции, маркированной фоностилистически, которая понимается как некий территориальный вариант коммуникативной фонетики. Через призму коммуникативной фонетики становится возможным уточнение ряда базовых положений и теоретической фонетики русского языка.

Согласно концепции представителей Казанской лингвистической школы так называемая психофонетика языка занимает значимое место в программе формирования чутья языка, его «консервации» и изменения. Для жителей сельских районов в качестве исходной нормы фонации зачастую является произношение русских диалектных носителей, для них эта норма выступает как исходный стереотип, которому они следуют в рамках общего коммуникативного пространства, оказывая также определенное влияние на устойчивость тех или иных закономерностей функционирования базовых фонетических единиц и явлений. В.А. Богородицкий, применяя методики инструментального анализа, проецировал отдельные понятия фонетики русского языка на соответствующие явления в татарском, что позволяло ему успешно разрешать вопросы типологического, лингводидактического, психологического планов.

Соединение языковых (в том числе, и фонетических) представлений с внеязыковыми в концепции Казанской лингвистической школы было точкой отсчета для категоризации фонемографии, археологии слова, а сейчас это необходимо для разработки когнитивной семантики, звукосимволизма речи. Детализация основ русской фоностилистики - необходимое условие для изучения парадигмы звуковых представлений в русской речи нерусских. Частота использования определенных речевых жанров также показательна для русской фонетики, т.к. речевые жанры аккумулируют потенциальность фонетических возможностей языка. Нерусские носители в своем речевом поведении на русском языке склонны применять определенные фонетические стандарты русского языка, полагая тем самым, что тем самым они лучше вовлечены в совместное коммуникативное пространство.

Е.И. Литневская (Москва)

ГРАФИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ «ЖИВОЙ РЕЧИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследователи отмечают, что для постсоветского периода «показательно давление речевой практики на традиционные нормы в области орфографии» [Крысин 2007: 310] и что «признание не только общелитературных, но и «сублитературных» норм (т.е. норм отдельных разновидностей литературного языка) ведет исследователей к признанию активности процесса воздействия живой разговорной речи на разные формы литературного языка» [Лаптева 2007: 52]. Осмелимся предположить, что существенным фактором распространения многих инноваций-«вольностей» не только в СМИ, но и в художественной литературе связано с появлением новых жанров письменной речи, в частности чата, ICQ, смс-сообщения, электронного письма и других жанров, названных Анной А. Зализняк «спонтанной письменной речью» [Зализняк 2006].

Общеизвестно, что нормы разных языковых уровней обладают разной степенью обязательности; графика, орфография и пунктуация СРЛЯ – зона достаточно жесткого нормирования.

В современной прозе участились примеры отражения акцента и дефектов речи; при этом авторы решают проблемы обозначения произношения, не соответствующего нормам КЛЯ: «*А я шо, – развел руками Ходкевич. – Как гости уехали, англытианин побежал к хозяину в кабинет, заперлись они там тшего-то*» (Акунин Б. Внеклассное чтение); «*Вехоятно, собихался не пускать... Но я его схазу выхубил*» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

Как известно, в РР присутствуют компрессированные формы *щас, ща, ваще, тыща* и др. Принятое в чатах и смс-переписке, такое написание в последнее время широко распространилось и в художественных текстах, однако оно служит для создания речевого портрета персонажа, не владеющего литературным произношением:

Интересно использование в художественной литературе устойчивых выражений «аффттарского языка», который чаще используется как цитата из электронной переписки, но может

использоваться и для передачи устной речи героя: *«Лапа, – невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. – Автомат жжжот»* (Лукьяненко С. Последний дозор). Будучи ориентированными на реальное разговорное произношение и представляющие собой игру с графикой и орфографией, эти выражения начинают маркировать принадлежность персонажа к особой субкультуре.

Встречаются в литературе способы фиксации темпа речи:

«–Сколькотакихтварейкактыходитпоземле?»

– При-и-име-е-ерно-о-о ка-а-ажды-ы-ый де-е-еся-я-яти-и-иты-ы-ыся-я-ячны-ы-ый, – протянул я» (Лукьяненко С. Последний дозор).

Интересны попытки обозначить на письме продление ударных и безударных гласных или их качественную и количественную редукцию: *«трехы-ы-ытажнѳый»* (Фрай М. Болтливый мертвец); *«п'наехали в нашу Ма-аскву...»* (Лукьяненко С. Дневной дозор), а также твердость и мягкость согласных: *«Лучше говорить не мягко «компьютер», а твердо «компьютОр»* (Акунин Б. Внеклассное чтение).

Разработанные в жанрах сетевого и смс-общения приемы компенсации паравербальных и невербальных средств коммуникации широко распространились и в литературе. Это буквенные регистры («капс»), многократное повторение знаков, курсив, жирный шрифт, свободное совмещение кириллицы и латиницы (возможности же текста на электронном носителе еще шире).

Так, у Б. Акунина герой-иностранец цитирует Пушкина, произведения которого ему «загрузили» во сне, и это передано транслитерацией: *«Мож dyadya samyh chestnych pravil... – пролетел Гальтон, хлопая глазами»* (Акунин Б. Квест). Сама возможность такой записи опирается на представление, что читатель знает правила транслитерации, сталкиваясь с ними в современной жизни (в том числе и при смс-общении).

Наметившаяся тенденция интерференции письменных жанров РР требует дальнейшего изучения и представляет для лингвистики значительный интерес.

И.М. Логинова (Москва)

СОГЛАСНЫЙ [j] В РУССКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, ОРФОЭПИИ И ОРФОГРАФИИ

Русский согласный [j] – единственный палатальный согласный в системе фонем, **не входящий в корреляцию по глухости-звонкости и твердости-мягкости, не участвующий в процессах ассимиляции по мягкости**, не смягчающий предшествующих согласных, твердость-мягкость которых перед [j] обусловлена морфологически: твердый согласный перед [j] звучит на границе приставки и корня, предлога и корня, мягкий согласный перед [j] звучит в корне и на стыке корня с суффиксом. Таким образом, [j] изолирован от системы или противопоставлен всей системе в целом.

В практике обучения нередко игнорируется специфический статус [j]: в учебниках для школ и вузов [j], как и все сонорные, считается «непарным звонким» (хотя признак глухости-звонкости свойственен только шумным, подвергающимся ассимиляции по этому признаку) и вместе с [ч], [щ] причисляется к «непарным мягким» и даже иногда обозначается в транскрипции со знаком мягкости: *[jʲ] или *[йʲ]! Чаще всего в фонетической транскрипции не передаются разновидности [j].

Особенность [j] проявляется и в его аллофонии, не свойственной другим согласным: он реализуется в **сильной ([j]) и слабой ([й])** разновидностях, дистрибуция которых описывается неоднозначно. Аллофоны [j] могут играть роль **пограничных сигналов**, ср.: *мо́й_о́кна* [мо́йбкнэ] – *маё́вка* [млэ́бккэ]. В речи на стыке слов возможно удвоение [j], как и всех других согласных, что приводит к удлинению и усилению его произношения: *постирай_юбку, дай_ей, умой_его, вымой_яблоко, русский_язык*.

Функционирование [j] в речи свидетельствует о его **более сильном произношении в предударной части слова**, где он **не редуцируется в начале слова**. В других позициях следует различать **сочетаемость [j] с гласным или согласным**. После согласного [j]/[й] не редуцируется и выполняет смысло-различительную функцию. После гласного перед согласным произносится слабый [й], но и он не редуцируется до нуля и сохраняет свою фонологическую значимость.

Особая позиция для [j] – **интервокальная в безударном слогe**: после [j] гласные редуцируются и реализуются в современной орфоэпии в и-образном звукотипе, акустически и артикуляционно сходном со слабым [й], который в этой позиции редуцируется до нуля, особенно в заударной части слова. Перед буквой «и» [j] / [й] даже не отражается на письме, что затемняет морфологическое строение слова (*яйцо* – *яичный*, *войны* – *воины*, *воинский*, *воинственный*, *мой* – *мои*, *музей* – *музеи*, *край* – *окраина* и т.п.) и демонстрирует историческое чередование *j* // *o* в корне. В старшей произносительной норме [j] может «восстанавливаться» в ударном слогe некоторых слов: *мо*([j])*й*, *бо*([j])*й*.

В современной орфоэпии **редукция заударного [й] перед [и]** наблюдается в большом массиве лексики, где [j] обозначен на письме буквами *e* и *я* (*в музеях*, *к героям*, *хозяев*, *моет*, *умеет*, *читаемый*, *построен*, *деятельность*, *заячий* и др.). В тех же позициях перед [у] и предпаузальным [а] рефлекс сильно редуцированного [j] отражаются на продвинутых вперед гласных [ү] и [ä] (*делаю* [д'эльү], *белая* [б'эльä]), которые в учебной фонетической транскрипции целесообразнее обозначать через [йу], [йэ], чтобы не вводить новых знаков: [б'элуйу], [б'эльйэ]. Эта особенность произношения [j] обычно не фиксируется орфоэпическими словарями.

Аналогичные явления (также не отмечаемые словарями) можно наблюдать и в предударной части слова, в той же интервокальной позиции для [j]: *боеприпасы*, *военачальник*, *боянист*, *соединяйтесь*, *появляются*, *диетический*. Эти далеко не малочисленные факты русской речи показывают, что **правила алфавита**, согласно которым буквы *e*, *ё*, *ю*, *я* после гласных читаются как два звука ([j] + гласный), **не всегда осуществляются в реальном произношении**.

Обратимся к другим примерам **несоответствия орфографии и орфоэпии** при функционировании согласного [j] (в основном в заимствованной лексике). Одни из них отмечены орфографическими словарями, другие – нет:

- **буква й перед гласным в начале слова** произносится как сильный [j]: *йод*, *йога*, *йотация*, *йоруба*, *Йемен*, *Йоркшир*, *Йошкар-Ола*, *Нью-Йорк* (с нередуцированным [o] в безударном слогe);

- **буква й между гласными в середине слова:** в ударном слоге произносится как сильный [j] (*майор, район, майолика, Майами, Тайота*); в безударных – редуцируется (*майонез, районировать, Майя, с Раей, к Зое, у Раи, у Зои*);

- **буквосочетание ъо** произносится как сильный [j]: *бульон, навильон, почтальон*;

- **буквосочетание иа** в отдельных словах произносится как [ja]: *пиано, пианиссимо, фортепиано*;

- **буквосочетание ие** в финалях заимствованных слов на *-иент* и подобных произносится без [j] *клиент, пациент, аудитория, проект, дизель, диета, фиеста, феерия, фейерверк; проектировать, диетолог, диетический, феерический, пиетет*;

- **в отдельных словах [j], обозначенный на письме буквой й, не произносится:** *се(й)час, пожалуй(й)ста, ре(й)тузы, англи(й)ский, ле(й)тенант, воле(й)бол, де(й)ствительно, вы(й)ти, вы(й)ду*.

Таким образом, правилам графики и орфографии (обозначению [j/й] буквами *е, ё, ю, я* в начале слова, после гласных и после букв *ь, ъ*; буквой *й* и буквосочетанием *ьи*) не соответствуют те случаи, когда по орфоэпическим нормам современного русского языка: 1) не произносится [j], обозначенный на письме, 2) произносится сильная разновидность [j] на месте буквы *й*, 3) произносится [j] на месте букв *ьо, иа*. Эти случаи не всегда регламентируются правилами, и потому вызывают сомнения и у носителей языка, и особенно у инофонов, которые в результате фонетико-графической интерференции и неразличения звуковых последовательностей с [j-и] допускают много фонетических и грамматических ошибок в устной и письменной речи.

Г.Н. Межецкая (Череповец)

ОБ АКАНЬЕ В ЕЛЕЦКИХ ГОВОРАХ

1. Исследование основано на диалектном материале, собранном в 2007–2008 гг. в с. Рогатово Елецкого р-на Липецкой обл. Елецкие говоры относятся к южнорусским говорам – основным принципом безударного вокализма елецких говоров после твёрдых согласных является неразличение гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге.

Село Рогатово расположено на северо-востоке Елецкого района, в 7 км от г. Ельца. В 1950-е гг. говор села был обследован по «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка». В 1950 г. здесь работали экспедиции под руководством С.И. Коткова, а также сотрудники Елецкого учительского института и Орловского пединститута. В 1954 г. было произведено вторичное обследование говора.

По данным обследования, в 1950-е годы село Рогатово было достаточно крупным населённым пунктом: здесь насчитывалось около 360 дворов. Крестьянство в прошлом относилось к однодворцам. В настоящее время в с. Рогатово осталось всего 26 дворов.

2. Населённый пункт расположен на территории, которая, по материалам «Диалектологического атласа русского языка», является зоной распространения диссимильативного аканья архаического типа [ДАРЯ 1986, карта № 1].

Относительно типа аканья в говоре с. Рогатово имеются различные сведения. В научном наследии С.И. Коткова отмечено, что в первом предупредительном слоге [o] и [a] совпадают в [a]. Архивные материалы 1950 года также представляют [a] в положении перед всеми ударными. В материалах диалектологической экспедиции 1954 года, участники которой проводили переобследование говора, находим указание на диссимильацию: перед ударным [a] произносятся варианты не-[a] – ə-, y- и ы-образные звуки: z[ə]pá, c[ə] zlá, d[ə] páсхи, хв[ə]нáрь, хар[ə]иá; руж[y]вá; ск[ы]зáла.

По мнению А.К. Колесниченко, в говоре с. Рогатово диссимильативное аканье архаического типа проводится довольно последовательно [Колесниченко 1955: 40].

3. При прослушивании магнитофонных записей было установлено, что в настоящее время в говоре распространено сильное (недиссимильативное) аканье. В позиции перед всеми ударными в большинстве случаев представлен гласный нижнего подъёма [a] – широкий, продлённый гласный полного образования.

Однако спорадически перед ударным гласным нижнего подъёма отмечены иные варианты произнесения – [a], [a³], [ə], [ы]: зр[ə]зá, d[ə]мá, з[ə]рпláта, к[ə]гдá; н[a³]знáчена, сн[a³]чáла; d[a]лжнá, ск[a]зáла, ст[a]рáлась; к[ы]нчáла, ск[ы]зáть.

У некоторых информантов соотношение [а:э] в первом предударном слоге перед гласными верхнего и нижнего подъёмов достаточно устойчиво. Иногда в позиции перед ударным [а] вместо [э] в соответствии с этимологическим [о] отмечается гласный [о] – *д[о]шла́, п[о]шла́*.

В единичных примерах звуки [а], [а³], [э] артикулируются также перед гласными среднего подъёма: *б[э]льшóй, заст[э]лóm, мол[э]дѣжи, хор[а]шó; д[э] смёрти, мол[э]дѣц; мног[а³]дѣтный, назн[а³]чѣние*.

4. Проверка количественных характеристик ударных и безударных гласных дала следующие результаты: в большинстве случаев перед всеми ударными гласными длительность гласного [а] может варьироваться от 64 до 127 мс. В среднем это составляет 90% длительности ударного гласного, длительность которого в этом говоре – от 65 до 158 мс.

Нередко предударный гласный количественно превосходит ударный или равен ему. В подобных случаях создаётся впечатление о двойном ударе в слове: аудитивно безударный гласный не воспринимается менее акцентуированным, чем ударный. Вероятно, это связано с ритмической структурой говора.

Спектральные данные свидетельствуют, что в количественном отношении гласные первого предударного слога [а], [а³], [э], [ы] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов уступают звуку [а]. Длительность гласного не-[а] составляет в среднем 56 % от количества ударного.

5. Материал исследования даёт возможность заключить, что в говоре с. Рогатого репрезентируется недиссимильное аканье. Спорадическое же функционирование звуков, качественно и количественно отличающихся от гласного нижнего подъёма [а], перед ударным [а] и перед ударными гласными среднего подъёма позволяет сделать вывод, что в прошлом для говора с. Рогатого действительно было актуальным диссимильное аканье архаического типа.

С.А. Мызников (Санкт-Петербург)

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОНЕТИЧЕСКОЙ
СУБСТИТУЦИИ И АДАПТАЦИИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФОНЕМЫ [Н]**

При анализе фонетических изменений при заимствовании речь, обычно идет, о фонетической субституции, как процессе замены звуков одной фонетической системы звуками другой с точки зрения синхронного анализа. Но, поскольку наш материал представляет собой явление диахроническое – большая часть данных финно-угорского происхождения трактуется нами как тот или иной вид субстрата, то совершенно естественно говорить в исторической ретроспективе об адаптации фонетически исконных моделей после перехода на славянскую речь.

Однако выделение той или иной адаптационной модели на материале лексических диалектных данных часто затрудняется тем, что как в русских говорах, так и в прибалтийско-финских диалектах имеется значительное число вариантов, и иногда довольно затруднителен выбор этимона, на основании которого могла бы идти речь о соответствиях и замещении фонем одного языка фонемами другого, а также предпочесть тот или иной язык. Мы предлагаем говорить о субституции только при анализе ранних контактов и заимствований, когда прибалтийско-финская лексика входила в русский язык и осваивалась его носителями. На втором этапе взаимодействия, когда носители прибалтийско-финских языков и диалектов массово переходили на русскую речь, вряд ли следует говорить о субституции как явлении характерном для прибалтийско-финского по происхождению языкового материала в русской речи прибалтийских финнов. Здесь уместней говорить об адаптации исконной (прибалтийско-финской) фонетической системы к системе звуков заимствованного (русского) языка. Причем, следует отметить, что в ряде случаев такая адаптация не происходит полностью, это касается топонимических единиц.

Касаясь современного этапа русского и прибалтийско-финского языкового взаимодействия в сфере фонетики, следует отметить взаимопроницаемость фонетических систем – одни и те же процессы происходят в русских говорах и вепс-

ских диалектах. Кроме того, мы исходим из того, что фонетическая дифференциация на прибалтийско-финской почве часто может отражаться в русских фонетических адаптационных типах. Мы оперируем понятием прибалтийско-финская фонема, имея в виду более ранний характер прибалтийско-финской фонетической системы как виртуального целого, исходя из того, что некоторые моменты прибалтийско-финского и восточнославянского (русского) взаимодействия в сфере фонетики еще нуждаются в тщательном рассмотрении. Так, например, наличие звонких согласных связано с интенсивными контактами с русским языковым континуумом или независимым развитием? Поэтому при анализе возможных адаптационных моделей предлагается рассмотрение возможностей фонетической системы русских говоров при освоении неисконного материала и дифференциация порождающих прибалтийско-финских типов. Главное на наш взгляд, в выделении адаптационных фонетических моделей определение порождающих эти модели этимонов. В данной работе предлагается проследить рефлексы прибалтийско-финской [h]¹ в севернорусских говорах в начале слова.

Прибалтийско-финская фонема [h] в начале слова на территории Северо-Запада имеет на почве русских говоров восемь возможностей своей реализации:

1 → [г]: **горма** ‘иван-чай’ (вепс. *hormhūin*), **гайрус** ‘хариус’ (вепс.), **галога** ‘иней’ (вепс. *halli*), **гарва**, **гарба** ‘сеть’ (вепс. *harv*), **гемяря** ‘сумерки’, **гигна** ‘упряжь’, **гирвас** ‘олень-самец’, **гудега** ‘иней’, **гунгач** ‘филин’;

2 → [х]: **хайрус** ‘хариус’, **харма** ‘иней’ (кар. *härmä*), **харва** ‘сеть’ (кар. *harva*), **хигна** ‘упряжь’;

3 → [j]: **ярмега** (вепс. *härm*), **йорма** ‘иван-чай’, **ямяря** ‘сумарки’, **юдега** ‘иней’, **юнгач** ‘филин’;

4 → [ø]: **арба** ‘сеть’, **игна** ‘упряжь’, **ирвас** ‘олень-самец’;

5 → [ф]: **форма** ‘иван-чай’, **фонга** ‘то же, что конга’;

6 → [к]: **конга** ‘высохшая на корню сосна’ (кар., фин. *honka*);

¹ Речь идет о прибалтийско-финской фонеме [h], реализующейся в современных прибалтийско-финских языках в качестве различных аллофонов. Фонетико-историческая сторона гетерогенности ее происхождения не рассматривается.

7 → [ɣ]: **җайрус** ‘хариус’;

8 → [ш]: **рошкачи** ‘незрелые ягоды’ (кар. *rohk-*), **ашвен** ‘окунь’ (вепс. *ahven*).

1, 2. Исследователи анализировали только первые две возможности, они по-разному оценивали такие колебания на русской почве. А.К. Матвеев, анализируя данные топонимии говорит о доминировании [x] в начальной позиции в слове [Матвеев 2001: 143]. Однако, на наш взгляд, при том, что в прибалтийско-финских языках фонетическая характеристика фонемы [h] довольно различна, как, впрочем, и в отдельных диалектах, в первых двух случаях поиски причин различной адаптации лежат не на русской почве. На наш взгляд, колебания при адаптации [h] связаны, в первую очередь, с типом субстрата, у которых единицы с [ɣ] или [x] на русской почве сопоставляются с теми или иными прибалтийско-финскими источниками. Причем, колебания [ɣ] – [x] в лексике финно-угорского происхождения фиксируются по памятниками письменности, и то, что русские диалектные и исторические данные фиксируются с начальными [ɣ] и [x], что объясняется различным произношением фонемы [h] на прибалтийско-финской почве и, следовательно, не тождественной адаптацией ее в русских говорах; вариант **гáрва** – более частотный, **гáрба** – более близок к вепским образцам, **хáрва** – к карельским. Причем, подтверждением того, что в вепском ареале доминирует [ɣ] на месте прибалтийско-финского [h], говорит тот факт, что русские гидронимы с начальным [ɣ] вепского происхождения подавляюще преобладают в бассейне реки Свири – около 150 единиц, тогда как с начальным [x] их фиксируется только около двух десятков [СГБРС: 114–117, 160–161]. О таком произношении вепского звука, который послужил основой для русского диалектного [ɣ], свидетельствовал еще П. Успенский, указывавший, что звук, обозначенный им [ɣ'], «произносится средне между [ɣ] и [x]» [Успенский 1913: 4]. Слова с начальным звуком [x] восходят влиянию карельского типа. Обычно карельский [h] описывается как щелевой согласный с артикуляцией менее напряженно, чем русский [x] [см. Рягоев 1977: 30].

3. Переход прибалтийско-финского [h] в [j] на русской почве связан с особенностями гласного, который следует за адаптированным консонантом начальный [j] объясняется

следующим образом: на территории с воздействием начальное прибалтийско-финское [h] субституируется русским [г], но в случае, если вепская реконструкция будет репрезентирована диалектной формой *γярмега, то возможна утрата начального [γ] с заменой на [j]. Есть еще одна возможность объяснения формы и на финно-угорской почве, так, например, прибалтийско-финскому [h] соответствует саам. [j]: фин. *herätä* ‘просыпаться’ – саам. швед. *jeretet* ‘то же’ [SKES: 71], саам. норв. *ærmo* ‘туман с легким снегом’ [SKES: 99], фин. *härkä* ‘бык’ и саам. кильд. *ierk*, саам. терск. *jierke* ‘взрослый олень-самец шести лет и старше’ [SKES: 99], фин. *hieroa* и саам. кильд. *jiërrad*, саам. терск. *jïrrad* ‘тереть’ [SKES: 72].

4. Отсутствие какого-либо звука в начале слова [ø] на месте прибалтийско-финского [h] хотя и имеет соответствия на прибалтийско-финской почве, нами рассматривается как особенность освоения русскими говорами неисконных данных. Хотя в водском языке на месте прибалтийско-финской [h] наблюдается наличие [ø]: фин. *hiili* и водск. *ili* ‘уголь’ [SKES: 73], фин. *herne* и водск. *erne* ‘горох’ [SKES: 70], но это представляется явлением, не оказавшим влияние на форму русских диалектных слов.

5. Фонема [f] до недавнего времени отсутствовала как в русских говорах, так и в прибалтийско-финских языках, например, в финском языке заимствования из шведского, в словах, ее имеющих оформлялись либо через [p], либо [v]: швед. *faara* – фин. *vaara* ‘опасность’ [Хакулинен 1: 46], др.-швед. *fasta* – фин. *paasto* ‘пост’ [SKES: 451]; а в конце слога даже во многих позднейших заимствованиях – через [h]: швед. *offer* – фин. *uhri* ‘жертва’, швед. *loft* – фин. *luhti* ‘чердак’, русск. *кафтан* – фин. *kauhtana* [см. Хакулинен 1: 54]. В других прибалтийско-финских языках ситуация в отношении этой фонемы довольно схожая. В вепском языке большей частью в русских заимствованиях на месте сочетаний [хв] – вепс. *fastun* ‘хвастун’, *fastaida* ‘хвастать’, ливв. *fataija* ‘хватать’ [СКЯМ: 51], [кв] – вепс. *fat'er* ‘квартира’, ливв. *fatiëru* ‘то же’ [СКЯМ: 51], *fat'ta* ‘схватить’ [СВЯ: 83–84]. Причем только в одном случае в вепском языке можно обнаружить [f] на месте [h]: *fuzahhada* ‘ухнуться в полынью, болото’, при *huzahhada* ‘то же’ [СВЯ: 185]. Кроме того в ливвиковском [f] отмечается на месте [св] – *f'okla* ‘свекла’ [СКЯМ: 51]. В саамских диа-

лектах, в ряде случаев также можно отметить фонему [f] на месте [h]: саам. норв. *fuorra* ‘шлюха’, саам. швед. *fuora* ‘то же’, при фин. *huora* ‘то же’ [SKES: 89]; саам. швед. *fuomatset*, саам. норв. *fuobmašit* ‘помнить’, при фин. *huomaita* ‘замечать’ [SKES: 88]; саам. норв. *fingal* ‘место для коровы в хлеву; стойло’, при фин. *hinkalo* ‘то же’; Причем в саамских диалектах часто наблюдается такое соотношение прибалтийско-финскому [h]¹ в начале слова: саам. инар. – [h], саам. норв., саам. швед. – [f], саам. кильд. – [v]. Хотя в кильдинском диалекте саамского языка отмечается согласный [f] губно-зубной, щелевой, глухой, довольно слабый в интервокальном положении, внутри слова перед согласным, а в начале слова – только в заимствованных словах [Керт 1971: 49]. В йоканьгском диалекте саамского языка также представлена фонема [f] [Терешкин 2002: 7]. Но, поскольку, фиксация материалов с начальным [ф] на месте прибалтийско-финского [h] не связывается напрямую саамским ареалом, они отмечаются в говорах Каргополья, в Лешуконском и Красноборском р-нах Архангельской области, вполне возможно рассматривать эту фонему как развитие на русской почве. Следует отметить, что мена [ф] – [х] отмечена в русских говорах Обонежья и смежных р-нов Шахматовым, Мансиккой, Соболевским, также отмечается нами в некоторых лексемах: **рофкач** – **рохкач** ‘незрелая ягода’ (Медвежьегорский р-н).

6. Вариант 6, когда на месте прибалтийско-финского [h] в русских говорах фиксируется [к], на наш взгляд, не следует трактовать как рефлекс или результат прибалтийско-финского воздействия; в данном случае, исходя из анализа сопоставляемых материалов, можно предложить следующее: прибалтийско-финское [h] → русск. [х] → коми [к] → русск. [к]. В современном коми языке русск. [к] замещается коми [к], однако, для ряда русских заимствований характерна именно такая субституция, ср. коми *канжи* ‘хмельная брага’ [КРОЧК: 258], русск.

¹ Речь идет не о полном соответствии, а лишь о некоторых современных тенденциях, поскольку в исторической ретроспективе фонема [h] может быть различного происхождения и в отношении и прибалтийско-финских и саамских данных имеются следующие пары: фин. [h] – саам. [s], фин. [h] – саам. [h], фин. [h] – саам. [ø].

хандж́а ‘крепкое пиво’ (Пинеж., Сими́на), ‘водка’ (Тихв., КСРГК), **ханж́а** ‘брага из ячменя’ (Чудов., Онеж. [КСРГК]), **ханжу́ха** ‘самодельное вино, брага’ (Борович., Мошен. [НОС 12: 7]), **ганж́а** (в произношении [г фрикативное]) ‘отстатки от самогона’ (Дон. [СРДГ 1: 95], укр. *ганджа, ганжа, ханжа* ‘денатурированный спирт’ [ЕСУМ 1: 467]¹; *клопайтны* ‘хлопать’, *клопочитны* ‘хлопотать о ком-, чем-л.’ [КРОЧК: 277], Причем, в ряде случаев русские данные через коми язык такой особенностью консонантизма заимствуются в хантыйский язык, ср. русск. **халат** → коми *kalat*, хант. *kàlat* [Toivonen 1956: 25]. Вероятно не следует предполагать возможность видеть в материале коми языка соответствия других финно-угорских языков, хотя в ряде случаев коми [к] соответствует обско-угорскому [h]: коми *кыр* ‘самец’, манс. *xār* ‘самец’, венг. *here* ‘тругень’ [КЭСЯ: 153].

7. Вариант с г-фрикативным [γ] характеризуется узкой локализацией и всегда связан с соответствующим смежным вепским ареалом и влиянием адстратного типа. Речь идет о том, характерные произносительные особенности вепского [h] практически не подвергаются адаптации, а просто переносятся на русскую почву. М.И. Зайцева характеризует звук [h] как щелевой звонкий, ларингальный твердый в составе фонем вепского языка [Зайцева 1981: 24]. В настоящее время под влиянием русского языка звонкий фрикативный характер вепской фонемы [h] постепенно утрачивается. Таким образом, вариант с начальным [γ] – г-фрикативным, зафиксированный в Тихвинском р-не – **γáйрус**, является результатом живого адстратного влияния смежных вепских диалектов.

8. Варианты с [ш] на месте прибалтийско-финского [h] фиксируются в Обонежье. Исходя из отсутствия вариантивности [h] ↔ [š] на прибалтийско-финской почве, варианты с [ш] предлагается трактовать, как инновации на русской почве.

¹ Аникин рассматривает сибирские сходные данные как китайские заимствования, не имея, однако, данных по русским говорам европейской части России [Аникин 1997, 634].

А.В. Павлова, Н.Д.Светозарова (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВОГО УДАРЕНИЯ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ

Одной из особенностей фразеологических единиц, обеспечивающих их цельность, несомненно, является их акцентный контур. Именно место главного и других ударений нередко отличает идиомы от свободных словосочетаний, ср.: *ребенок плачет* (свободное словосочетание) – (по нему) *веревка плачет* (идиома); *хорош гусь* (не идиома) – *хорош гусь!* (идиома), *смотреть не на что* (не идиома) – *смотреть не на что!* (идиома). В работах по лексикологии и в наиболее полных и авторитетных фразеологических словарях русского языка ударение либо не ставится вообще, либо проставляется только словесное ударение в неодносложных словах. Лишь в последнее время, обычно в словарях, рассчитанных на иностранцев, стали появляться указания на место главного ударения или на интонационное выделение одного из слов идиомы.

Большинство русских идиом имеют фиксированный акцентный контур. Это необходимый элемент построения идиомы, в значительной степени отвечающий за ее восприятие именно как идиомы. Идиомы в изолированной от контекста позиции (то есть так, как они стоят в словаре) оформлены в нашем сознании фиксированным фразовым ударением, которое может объясняться «памятью» об их наиболее вероятной контекстуальной роли – например, служить возражением на реплику собеседника. Перенос главного ударения разрушает идиому и может быть средством языковой игры (как, например, в заглавии статьи из газеты «Коммерсантъ»: *Бог с ним. Олег Кашин о Патриархе Московском и Всея Руси Кирилле*). Однако наряду со стабильностью акцентных моделей имеются и случаи варьирования места главного ударения, как и порядка слов. По-видимому, значимость интонационной структуры идиомы тем больше, чем выше вероятность возникновения омонимии при ее изменении.

Акцентные модели фразеологизмов поддаются классификации; их число конечно. Так, с точки зрения соотношения типа фразового ударения (ФУ) и типа порядка слов были выделены следующие модели акцентного оформления русских идиом:

нейтральное ФУ при нейтральном порядке слов: *без царя в голове, разбиваться в лепешку*;

экспрессивное ФУ при экспрессивном порядке слов: *краше в гроб кладут, голова садовая*;

экспрессивное ФУ при нейтральном порядке слов: *калачом не заманишь, куры не клюют*;

скандирующее двойное (а иногда, даже тройное) ФУ: *где наша не пропадала, пусть козла в огород*.

При изучении акцентной структуры устойчивых выражений целесообразно различать идиомы-словосочетания и идиомы-высказывания, например, т. наз. интонационные отрицания. Первые могут либо сохранять характерный акцентный контур при вхождении во фразу, либо допускать его варьирование и изменение под влиянием фразовых условий (контраст, перечисление), в частности «отдавать» главное ударение другому элементу фразы (хотя есть идиомы, которые самой своей семантикой предназначены на роль ремы: *нож острый, свет в окошке*). Вторые имеют собственную акцентную (и шире – интонационную) структуру, принципиально отличающую их от омонимичных неидиоматических высказываний: *Вот еще новость! – Вот еще новость. Ска-ажешь тоже! – (Ты) скажешь тоже*.

Описание акцентной модели идиом необходимо включать в лексикографические статьи фразеологических словарей. При наличии вариативности ее также требуется отражать в словарях – так, как в них фиксируются варианты словесных ударений или вариативность морфологическая. Наши выводы частично подтверждают мнение Т.Е. Найдиной, автора одного из немногих исследований по акцентной структуре идиом, о существовании особого типа ударения в акцентной системе русского языка – ударения фразеологического.

С.К. Пожарицкая (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В УСТНОЙ РЕЧИ

Обращение фонетистов к исследованию разговорной речи (РР), начавшееся в 1970-е годы, выявило такое количество фактов, не соответствующих сложившимся представлениям об

устройстве русского языка, что статус РР получил такое определение: «РР не может быть включена (вернее, втиснута) в систему КЛЯ. Считая, что языковая система характеризуется специфическим набором языковых единиц и специфическими законами их функционирования, мы признаем РР особой, отличной от КЛЯ системой» [Земская: 18]. Такому определению могло способствовать представление о функциональном размежевании РР и КЛЯ, которое не соответствует современной социолингвистической ситуации. Нам представляется более обоснованной другая точка зрения: «Описание эллипсиса (и, возможно, разговорной фонетики в целом) – это факультативное дополнение к описанию грамматической системы, на которой основана кодифицированная речь» [Кодзасов: 132].

Для осмысления эллиптических явлений в общелингвистическом плане ценные сведения может дать их соотнесение с фактами диалектной речи, поскольку многие ее особенности, на первый взгляд, контрастирующие с фактами РР/КЛЯ, на самом деле являются их дальнейшим развитием (в частности, закреплением, лексикализацией) в условиях отсутствия кодификации и менее жесткого воздействия нормы.

Принято считать, что:

- 1) 1-й предударный слог – самый устойчивый в отношении редукции гласных;
- 2) 1-й заударный неконечный – самый слабый, и почти такой же – 2-й предударный;
- 3) заударные слоги важны для сообщения грамматической информации;

Предметом нашего особого интереса явились пункты 1 и 3.

- В 1-м предударном слоге эллиптируется гласный (не [y]!) в контексте глухих согласных: *ja ш 'тау* (считаю), *сцал 'нэй*, *аф 'цал'нэ*, *ачшен'ь* (очищение), *можнэ кэн'с'цоннэ* (конституционно) *пэм'ин'ат'*, *н'ик'к'их'даннэх*, *пэх'ш'ен'ь* (похищение), *праш'тал* (прочитал), *пши'му-ть* (почему-то) и т.п.

- В конечном заударном слоге между глухими согласными голос не включается: между гетероорганными смычными чаще бывает краткий глухой (шепотный) гласный, между гоморганными – полное его отсутствие: *выст^бфка*, *дышт*, *ф'принцип*, *ан'тибиот^бки*. Это регулярно происходит

в формах род. и предл.мн падежей мн.ч.: *ры̀нк^б ф (рынок), на ры̀нкх, звук^б ф, крии́с^б ф.*

• Представление о важности сохранения грамматической информации, содержащейся в финальной части слова, кажется нам преувеличенным: оно могло быть основано на наблюдении за изолированно произнесенными словами, но в слитной речи грамматическая информация дублируется синтаксическими и смысловыми связями и порядком слов и в действительности в фонетическом подтверждении нуждается только одно слово из согласуемой или управляемой группы. При этом двусложная финаль типа VJV регулярно компрессируется в один слог, часто с делабиализацией <у>. Об этом свидетельствуют факты «публичной» речи людей, которую невозможно вывести за пределы КЛЯ: *э́ть жу́д'инсн* (акцентировано) *майа ро́л'*; *блѣгдар'а Ал'икс'ей Дм'ич' Папо́ву*;... (из интервью А.Баталова); *ч'ек катор^б смот ваи^б праграму...*; *пѣсма́тр'ит' статис'т'кѣ*; *в раси́йск фѣдира́цѣи*; *давайт' пѣрийд'ом* (из интервью Е.Гайдара), *в ынгуи́эть, публика́цѣ* (им.мн), *с ваи то́чк^б зрѣнь* [ср. Бондарко 2005: 451].

«Крайнее» проявление эллипсиса – напр., в говоре Тамбовской обл.: *«Каму́н была́. И фсю камун эту рѣзарі́ли»* [Гор., Кн., Пож.: 38].

М.Б. Попов (Санкт-Петербург)

К ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ РЕДУЦИРОВАННОГО [Ъ] В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователями отмечены многочисленные случаи факкультативного переноса дополнительного ударения на первый слог в сложных словах (*в[ѣ]сокопостáвленный*, *с[а̀]баковóдство* и др.), в словах с оценочным значением (*з[ѣ]мечательно*, *п[ѣ]трясающе* и т.п.) в экспрессивной речи, а в спонтанной речи также и в других многосложных словах, причем такое ударение может оказываться и на [ѣ]: ср. *Всю*

*жизнь он посвятил п[ѣ]пуляризации дешевых изданий; Следующая станция – М[ѣ]яковская и т.п.*¹.

С фонологической точки зрения возможность постановки дополнительного ударения на [ѣ], который является аллофоном фонемы /a/², парадоксальна. Появление подударного [ѣ] позволяет поставить вопрос о возникновении нового противопоставления и соответственно условий для зарождения новой фонемы в системе русского вокализма. На первый взгляд ничего нового в фонологическом статусе [ѣ] в связи с его попаданием под ударение не происходит, поскольку [ѣ] оказывается не под основным ударением, а под дополнительным, которое само позиционно обусловлено: (1) первый слог словоформы, но (2) не непосредственно предударный. Обычно такое нефонологическое просодическое усиление относится к супraseгментному уровню. Однако специфика данного случая состоит в том, что он затрагивает как супraseгментный, так и сегментный уровень.

Дополнительное ударение балансирует на грани фонологической ударности–безударности. Соответственно [ѣ] находится на грани аллофонного и фонемного статуса. Смена модели дополнительного ударения может способствовать фонологизации [ѣ] = /a/ > /ѣ/. Сдвиги в фонологической системе отражаются в особенностях восприятия [ѣ]: опознаваемость выделенного из контекста второго предударного [ѣ] как гласного /a/ (менее 10%) принципиально меньше, чем «правильное опознание» [а] первого предударного слога и других предударных гласных (около 80%)³. Для нынешнего этапа развития процесса уже можно говорить о нарушении дополнительной дистрибуции между [á] и [ѣ] и преобразовании ее в позиционное ограничение: подударное [ѣ] возникает в сложных словах именно при переносе дополнительного ударения (ср. к[ѣ]рабле-строение < *кор[á]блестроение – корáбль, кораблі́, но ш[á]рикоподшипник – ша́рик, ша́рики), т. е. не [á] > [ѣ], а [ѣ] >

¹ Касаткина Р.Ф. Некоторые наблюдения над особенностями словесного ударения в современном русском языке. Новые энклиомены? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1996. С.406.

² Автор опирается на теорию Щербовской фонологической школы.

³ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб, 1998. С. 138–139.

[ѐ]. Это позволяет говорить о фонологизации аллофона [ъ] и появлении новой фонемы /ъ/, т.е. о парадигматическом изменении, вызванном, видимо, какими-то внутренними противоречиями системы и особенностями ее функционирования. Сама по себе фонологизация дополнительного ударения, т.е. смена модели, также, в принципе, не устраняет дополнительной дистрибуции между [ѐ] и [á], поскольку внешне [ѐ] остается позиционно обусловленным, появляясь только в первом слоге многосложного слова при наличии второго ударения.

Обычно роль индикаторов нарушения дополнительной дистрибуции выполняют заимствования или формы, возникшие по аналогии. В данном случае как проявление фонологизации /ъ/ можно интерпретировать такие формы, как, например, [штѐ] 'что'. В этом ненормативном произношении подударное [ѐ] прорывает дополнительную дистрибуцию, появляясь в односложном слове. Показательны также данные экспериментально-фонетических исследований разговорной речи. Они свидетельствуют о том, что в спонтанной речи редуцированные гласные под ударением встречаются хотя и редко, но зато в самых частотных словах. Обычно это происходит в слабых фразовых позициях, когда возможна максимальная редукция, но встречается и в случаях выделения этих слов в отдельную синтагму: [tʲk] 'так', [rʲeʂ] 'понимаешь', [gʲt] 'говорит'¹.

Толчком к фонологизации [ъ] > /ъ/ могла послужить нейтрализация – /ы/ > [ъ] < /а/, которая широко распространена в современном произношении. Если описанный процесс фонологизации аллофона не будет подавлен в зародыше, что является одним из наиболее правдоподобных сценариев, и появится фонема /ъ/, следует признать, что ее место в системе весьма проблематично.

¹ Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 123.

А.И. Рыко, С.Б. Степанова (Санкт-Петербург)

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВ ЧТО, ЧЕГО
В СПОНТАННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ
(по материалам звукового корпуса «Один речевой день»)¹**

Работы по исследованию произносительных вариантов тех или иных лексических единиц являются достаточно традиционными для экспериментальной фонетики (см., напр. монографии Р.И. Аванесова, Л.А. Вербицкой, М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной и др.). Однако можно сказать, что ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ переживает второе рождение – переходит от **инструментального анализа** «лабораторной речи» и **наблюдений** над речью разговорной (порой, весьма тонких и детализированных) к корпусным исследованиям, в основе которых лежит **инструментальный анализ** материала, записанного в буквальном смысле слова «на улице». Именно таким образом создается в настоящее время звуковой корпус «Один речевой день» (ОРД) (см. подробное описание в [Богданова и др. 2009]). Информанты-волонтеры в течение дня носят на шею диктофон и таким образом записывают всю собственную речь. Все участники эксперимента перед получением диктофона заполняют специально разработанные анкеты – социологическую и психологическую. Из социальных характеристик отмечаются вполне традиционные – пол, возраст, место рождения и наиболее длительного проживания, образование, профессия, род занятий и ряд др.

К настоящему времени корпус ОРД содержит 320 часов звучания, записанных от 40 информантов: 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 16 до 70 лет. Все они относятся к различным социальным группам и имеют разный уровень образования – от среднего специального до высшего, в том числе с ученой степенью. Кроме того, в записях присутствует речь более 600 коммуникантов, разговаривавших с информантами в течение дня. Среди последних – люди самого разного возраста (от 3 до 80 лет), разных специальностей, состоящие с инфор-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Разработка информационной среды для мониторинга устной русской речи» (09-04-12115в).

мантами либо в родственных, либо в дружеских отношениях, являющиеся их коллегами по работе или учебе. Осуществлена расшифровка 34 часов звукозаписей и их многоуровневое аннотирование в профессиональной программе ELAN (о системе аннотирования см. [Шерстинова, Рыко, Степанова 2009]).

Корпус ОРД дает богатый материал для исследований русской повседневной речи на разных лингвистических уровнях, в том числе на фонетическом.

Настоящий доклад посвящен анализу реализаций слов *что* и *чего*, исследованию зависимости их произнесения как от социальных характеристик информанта (места рождения и наиболее длительного проживания, возраста, образования), так и от фонетической позиции слова и его синтаксической роли во фразе.

Интересным кажется то, что в речи одного и того же информанта встречаются как нормативные реализации *что* [shʈo], *чего* [ch'ivo], так и считающиеся просторечными или диалектными [sho], [ch'o]. Причем эти варианты не всегда связаны с особенностями речевой коммуникации (официальный-неофициальный стиль общения). Часто появление [sho] или [ch'o] обусловлено фонетической позицией слова (реализуется перед смычным [t]) или закреплено за определенной синтаксической конструкцией. Так, у информанта И19 (женщина, 40 лет, 22 года живёт в Санкт-Петербурге, высшее экономическое образование, маркетолог, носитель нормативного произношения) в записи длительностью 74 минуты слово *что* было произнесено 142 раза. 136 (!) раз оно было реализовано как [shʈo]. 3 раза – как [sho], все – в конструкции «*что такое...*» (см. пример 1)

(1) *что такая яровая рожь?*

3 раза – как [ch'o], все – в неопределённом местоимении, которое можно интерпретировать как *что-то* или как *чего-то* (см. пример 2, 3):

(2) [ch'ota] он у меня тормозит от этой программы //

(3) я хотела / *Па потом [ch'ota] меня отвлекло и... /

Думается, подробный анализ речи носителей русского языка с нормативным, в целом, произношением позволит определить, возможно ли признание [sho] и [ch'o] допустимыми в некоторых случаях вариантами.

Д.М. Савинов (Москва)

ГДОВСКОЕ ОКАНЬЕ НА ОСТРОВЕ ПИЙРИССААР (ЭСТОНИЯ)¹

Русские говоры Северо-Запада по праву можно назвать уникальным лингвистическим ландшафтом. Факты истории (распространение в прошлом на этой территории кривичей и словен), культуры (появление в XVII в. конфессиональной дифференциации на православных и староверов), языковой интерференции с неславянским населением обусловили диалектную пестроту, свойственную говорам Северо-Запада, а также гетерогенность их носителей.

Наиболее интересен говор острова Пийриссаар (Эстония), расположенного в Чудском озере и имевшего в прошлом тесные связи как с Западным, так и с Восточным Причудьем. По данным Т.Ф. Мурниковой, еще в начале 1960-х годов на Пийриссааре аканье сосуществовало с оканьем, которое проявлялось в речи жителей острова «спорадически, от случая к случаю» [Мурникова 1962: 349].

При обследовании говора старожильческого населения острова в 2004 и 2008 годах этой диалектной черты отмечено не было. Однако в 2009 году во время очередной экспедиции на остров Пийриссаар следы неполного оканья были обнаружены у одного из информантов – Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Каменная Стража Гдовского района в 1922 г., но уже более 50 лет живет на Пийриссааре в дер. Желачек.

Т.Ю. Строганова отмечала, что для полновского типа вокализма после твердых согласных характерна параллельная модель после мягких: перед *и, ы, у* – [а]; в остальных позициях на месте *е* и *ѣ* произносится [е], на месте *'а* – [а]: *н'ел'з'á, н'ят'д'ес'át, т'ер'áфиш, сп'ек'ó, л'еп'óшк'ý, д'ер'эвн'а*, но *н'игл'ад'эла, п'в'аз'эл'и* (по вязкому месту), *св'аз'óm* (связаем) [Строганова 1962: 107]. Строго говоря, полного параллелизма

¹ Работа выполнена в рамках совместного российского-эстонского проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-04-95402а/Э) и Эстонского фонда науки (договор № V-4).

развития аканья и яканья в говорах с полновским типом оканья нет, поскольку позиции различения и совпадения предударных гласных после твердых и мягких согласных не идентичны.

А.П. Евгеньева, исследовавшая говоры Гдовского района, отмечала, что изменение системы предударного вокализма окающих гдовских говоров начинается с распространения гласного [a] вне зависимости от ударного гласного после мягких согласных, и лишь затем – после твердых [Евгеньева 1946: 239–240]. Идиолект А.П. Фокиной подтверждает это наблюдение.

После твердых согласных в речи А.П. Фокиной отмечается множество примеров, свидетельствующих о постепенном переходе к неразличению гласных в первом предударном слоге. Как известно, сохранению оканья способствует повышение подъема гласного [o], его переход в [y], что в диалектологической литературе иногда называют «уканьем» [Евгеньева 1949: 210–212; Царева 1962: 60]. Однако подобные примеры в речи А. Фокиной единичны.

Т.Ю. Строганова, исследовавшая полновское оканье, сделала предположение, что этот тип вокализма образовался благодаря развитию в говорах качественной диссимиляции. В говоре д. Лядинки Изборского р-на Псковской обл. она отметила систему полновского оканья, при которой различение /o/ и /a/ в позиции перед ударным [a] реализуется противопоставлением [o] и [э] соответственно. В положении перед ударными гласными среднего подъема также наблюдается сохранение различения [o] и [a]. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что ударный [o] в момент образования полновского типа был «пониженно среднего подъема», соответственно предударный [o] в этой позиции мог сохраниться только в том случае, если был более высокого подъема, чем «обычное o». Однако новая диссимилятивная тенденция сделала невозможным сохранение [o] «более высокого подъема» перед ударными гласными верхнего подъема и обусловила его замену более низким звуком [a]. Т.Ю. Строганова делает вывод, что тип, отмеченный в д. Лядинки, можно назвать наиболее архаической формой полновской модели [Строганова 1962: 108–110].

В материале, записанном на острове Пийриссаар, наблюдается совершенно иная картина, что дает основание пересмотреть алгоритм формирования и дальнейшую эволюцию

полновского типа вокализма. В частности, вызывает сомнение, что ударный [o] в момент образования полновского типа был средне-нижнего подъема. Так, в речи А.П. Фокиной фонема /o/ под ударением обычно реализуется звуком [o], в этой позиции довольно часто произносится также гласный [o̞], который возможен как на месте *ω*, так и на месте *o*: *выс[ó]кая, б[ó]льше, друз[ó]го, дом[ó]в, на Гд[ó]в, в кард[ó]не, мо[jó], хорош[ó], гр[о]б, з[ó]да, пятис[ó]тки, городск[ó]й* (м.р.), *друз[ó]й д[ó]м, как[ó]й з[ó]сть*. Таким образом, фонему /o/ репрезентуют гласные верхне-среднего и среднего подъема, и нет никаких оснований предполагать, что ранее в этой позиции произносился исключительно гласный средне-нижнего подъема [э], как предполагала Т.Ю. Строганова.

Гласный [э] в речи А. Фокиной возможен перед всеми гласными неверхнего подъема, однако есть позиционные отличия его употребления: перед гласными среднего подъема [э] и [э^o] отмечаются только на месте этимологического *o*, что свидетельствует, с одной стороны, о сохранении противопоставления [o] и [a], а с другой – о постепенном смещении звукотипа, реализующего в первом предударном слоге фонему /o/, в зону среднего ряда.

Иная ситуация отмечается перед ударным [a]: здесь гласный [э] отмечается как в соответствии с /o/, так и в соответствии с /a/, что, видимо, указывает не только на развивающуюся тенденцию, но и, действительно, на диссимилятивную основу полновского типа. Сохранение качества гласного в первом предударном слоге перед гласным неверхнего подъема зависит и от просодических условий. Перед гласными верхнего подъема произносится исключительно звук [a], который, напротив, равен ударным гласным или превосходит их по длительности и интенсивности.

Причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных гдовскому и полновскому, не может быть диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Качественная диссимиляция – это лишь результат, внешнее проявление действия других фонетических процессов [Касаткин 2009]. Как известно, гдовские говоры имеют севернорусскую основу, что в частности, проявляется в частичном сохранении этимологических гласных в первом

предударном слоге. Однако в этих говорах сформировано просодическое ядро слова, то есть ярко выражен контраст между гласным первого предударного слога и другими безударными гласными, что свойственно южнорусским, а также некоторым среднерусским говорам.

Очевидно, что развитие новых отношений между ударным гласным и гласным первого предударного слога – прямое следствие изменения ритмической структуры слова, формирования новой динамической модели. Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим гласным слова привело к изменению всей вокалической системы, которая отходит от старой зависимости, связанной с этимологией гласного, и начинает поиск новых оснований для своего существования. В новых условиях оптимальным вариантом становятся компенсаторные отношения между гласными в просодическом ядре. Перед ударными гласными верхнего подъема, самыми узкими и краткими, предударные гласные становятся наиболее длительными и интенсивными, а перед широким гласным нижнего подъема *a*, напротив, редуцируются.

Таким образом, новые данные, собранные на острове Пийриссаар, существенно уточняют историю появления и развития неразличения предударных гласных в старообрядческих говорах Эстонии, а также свидетельствуют в пользу большей древности количественной диссимилиации. Очевидно, что оканье, отмечающееся на Пийриссааре, связывает этот ареал с Гдовской диалектной группой.

Н.Д. Светозарова (Санкт-Петербург)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ

В работах по русской фонетике последних лет все более отчетливо намечается интерес к маргинальным явлениям, некоторые из которых А.А. Реформатский в свое время объединил термином «неканоничная» фонетика. Высокочастотная лексика, новейшие заимствования, междометия, термины, идиомы образуют в русской фонетике особые подсистемы, в которых отмечаются явления, не характерные для лексики

нейтральной и расширяющие фонетические возможности языка. К ним, возможно, следует отнести и подсистему личного имени, в которой существуют яркие особенности на морфологическом, словообразовательном и фонетическом уровнях. К многообразию русских личных имен (имена, отчества, фамилии, полные, краткие, народные, уменьшительные, ласкательные, уничижительные, их сочетания с местоимениями *ты* и *вы*, порядок следования в сложном именовании) добавляется еще и своеобразие их фонетического оформления. Некоторые аспекты этого своеобразия уже получили освещение в специальной литературе, другие нуждаются в изучении.

А. В подсистеме русских **личных кратких имен** (*Петя*, *Маша*) можно отметить следующие особенности.

1) **Длина и слоговая структура.** В подавляющем большинстве случаев краткие имена двусложны и стремятся к простейшей структуре СГ-СГ за счет выпадения согласных.

2) **Ритмическая структура.** Для кратких имен, как и для слов *мама*, *папа*, *дядя*, *тётя*, характерна хореическая модель, удобная для вокативного использования.

3) В **консонансной** структуре наблюдается повышенная частота мягких, т.е. маркированных согласных (включая «отвердевшее» /ш/).

4) В **вокалической** структуре очевидно преобладание гласных основного треугольника а-и-у, с заменой /у/ на /о/.

5) В **деривации** широко представлено подвижное ударение, сопровождающееся типичными для русского языка чередованиями гласных (*Борис – Боря*, *Артеми́й – Тёма*).

Б. Так называемый «**новый звательный**» падеж односложен, но его единственный гласный имеет две моры, благодаря чему возникает сложный мелодический контур: *Та-ань*, а *Та-ань!*

В. При образовании **отчеств** наблюдается большая, чем в других подсистемах, редукция и компрессия, в том числе и в сильных фразовых позициях: *Пал Палыч*, *Михал Михалыч*, *Сан Саныч*, в связи с этим появляются новые консонансные сочетания и слоговые согласные (*Михална*, *Пална*)

Д. Интересные особенности обнаруживает **акцентный контур сложного имени**. Сложное (двух или трехсоставное) личное имя имеет цельный интонационный контур. Нейтраль-

ной является модель с более сильным ударением на последнем компоненте (либо на фамилии, либо на отчестве: *Иван Петрович, Петя Иванов*). В отличие от иных словосочетаний сдвиг на начальный компонент происходит под влиянием не только контраста, но и иных факторов. Это, в частности:

1) **коммуникативный тип высказывания**: начальное ударение характерно, например, для просьбы, мольбы, обращения, вопроса-требования;

2) **эмоции**: сдвигают ударение на имя такие эмоции как упрек, укор, угроза;

3) психологическая **дистанция** между говорящим и слушающим: сдвиг ударения на первое имя характерен для неофициального, доверительного, интимного тона и информирует слушающего о близком знакомстве говорящего с называемым лицом;

4) **синтаксис, актуальное членение**: сдвиг на имя вызывают конструкция перечисления с повторяющимся союзом «и», усилительные частицы, особое выделение темы, отрицание.

Все сказанное говорит о расширении возможностей фонетического оформления личных наименований, объясняемом их высокой частотностью в устной речи, своеобразной клишированностью и употреблением в разнообразных интонационных контурах.

Е.С. Скачедубова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОЙ ФОНЕМЫ В ПРИСТАВКЕ *вы-*

Известно, что развитие вокализма русского литературного языка направлено в сторону системного упрощения, что приводит к усилению нейтрализационных процессов, в частности безударный [ы] начал вовлекаться в «водоворот нейтрализации» (М.В. Панов). В работах по фонетике современного русского литературного языка в последние десятилетия отмечаются факты редукции гласного [ы] не только в заударных слогах, но и 2-м и 3-м предударных.

В настоящей работе исследуются закономерности распределения гласных звуков в приставке *вы-* во втором предударном

слоге в словах с одним корнем. Наблюдения над литературным языком показывают, что при преобладании варианта [ы] в современном произношении возможен и [э]: *в[ы]ходить* и *в[э]ходить*. Для выявления факторов, влияющих на произношение гласного в приставке *вы*, был проведен эксперимент, в ходе которого 30 информантов, москвичей во втором-третьем поколении, носителей нормативного произношения, читали стихотворные и прозаические отрывки из художественных произведений, содержащие 41 слово с приставкой *вы-* во втором предупредительном слоге. Отрывки были подобраны таким образом, чтобы одно и то же слово стояло то в сильной фразовой позиции (далее СФ), то в слабой (далее СлФ). Тексты были записаны на диктофон. В общей сложности получено 2040 дикторских ответов. Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую – 60 лет и старше, среднюю – 30-59 лет и младшую – 16-29 лет. Исследование полученного материала проводилось как методом слухового анализа – аудитивно, так и инструментально с помощью компьютерной программы Praat. В ходе эксперимента рассмотрены следующие факторы, могущие влиять на произношение приставки:

1. Качество гласного в следующем за приставкой слоге

а) Гласный верхнего подъема

Перед следующим слогом с [у] возрастает вероятность проявления регрессивной межслоговой ассимиляции и качество гласного в приставке обуславливается не его фонемной принадлежностью, а качеством гласного в следующем слоге. Особенно усиливает этот процесс следующий за приставкой губной согласный: *в[у]пускник*. При следующем заднеязычном процент произнесений с [у] меньше: *в[у]крутасы*, а перед зубным практически сводится к нулю: в словоформах *выдувание*, *вынуждаете*, *выступаете*, *вынуждение* произнесений с [у] отмечено не было. Необходимо отметить, что наряду с [у], в приставке может встречаться и [э], причем перед губными согласными в гораздо меньшем количестве случаев, чем перед зубными.

Перед следующим слогом с [ы] вероятность появления в приставке редуцированного [э] невелика у всех возрастных групп.

б) Гласный неверхнего подъема

Если в первом предударном слоге находится гласный неверхнего подъема, то гласный приставки уподобляется ему и вероятность редукции сильно возрастает: в[э]вод^эить.

2. Качество ударного гласного

Как показал анализ материала, этот фактор практически не влияет на реализацию гласного в приставке *вы*. Проценты произнесений с редуцированным в словах с ударным гласным верхнего подъема и в словах с ударным гласным нижнего подъема практически идентичны: в[э]нос^эить и в[э]над^эать.

3. Качество согласных, следующих за приставкой

Поскольку после мягких согласных в литературном языке произносится гласный верхнего подъема, то качество гласного в приставке определяется именно этим фактором, описанным выше. Звук [э] перед мягким согласным может встретиться только у представителей младшего или среднего возраста, причем преимущественно в слабой фразовой позиции: в[э]мет^эать (10% мл.); в[э]числ^эение (10% ср.).

Перед фонемой /j/, реализованной нулем звука, гласный в приставке соседствует с [и], поэтому у всех возрастных категорий во всех позициях представлен только звуком [ы]: в[ы]ед^ыать, в[ы]езж^ыать, в[ы]явл^ыение, в[ы]ясн^ыение, в[ы]езж^ыаете.

Наличие в ударном или особенно в первом предударном слоге звука [р] резко увеличивает процент произнесений с редуцированным: в[э]рыв^эать, в[э]рожд^эение, в[э]раж^эение, в[э]пров^эаживать. Даже перед мягкими согласными, перед которыми обычно в приставке произносится [ы], в случае наличия [р'] возможен редуцированный [э]: в[э]трезвл^эение. Возможно, это объясняется коартикуляцией гласного и согласного звуков.

Если сразу после приставки произносится [в], то гласный в ней может стать огубленным: в[э̞]вод^{э̞}ить, в[э̞]вор^{э̞}ачивать.

4. Количество заударных слогов

Зависимость от количества заударных слогов достоверно установить не удалось. В некоторых случаях при наличии заударных слогов процент произнесений приставки *вы* с [ы] несколько повышается, а в некоторых, наоборот, понижается,

причем могут произноситься как [э], так и [у]. Но чаще всего цифры остаются в пределах одного диапазона.

5. Фразовая позиция

Как правило, за редким исключением, слабая фразовая позиция способствует появлению в приставке редуцированного гласного. Процент произнесений с [ы] в подавляющем большинстве случаев в СлФ ниже на 10-50%.

6. Возрастные различия

В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов зафиксирован более высокий процент гласных с качественной редуцией, чем в старшей; процент редуцированных в средней возрастной группе колеблется между старшей и младшей.

Суммируя наблюдения, можно назвать факторы, влияющие на звуковое оформление приставки *вы* во втором предупредном слоге: качество гласного в следующем за приставкой слоге; качество согласных, следующих за приставкой; возрастные различия и фразовая позиция.

А.А. Соколянский (Магадан)

НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ВОКАЛИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИНТАГМО-ФОНОЛОГИИ

Предложенное М.В. Пановым разграничение синтагмо- и парадигмо-фонологии не было поддержано большинством фонологов. Одна из причин этого заключается в том, что синтагмо-фонология, отвечающая за различение, оказалась без теории нейтрализации, а парадигмо-фонология, ведающая отождествлением, оказалась с «довеском» в виде нейтрализации, которая только констатировала факты, но никак их не объясняла. Теория нейтрализации должна стать полноценной частью синтагмо-фонологии.

Синтагмо-фонема – это единство, обеспеченное тождеством признаковой структуры. Она соотносится с фонемой в Пражской фонологической школе (ПФШ), но встроена в систему идей, принятых в Московской фонологической школе (МФШ).

Наиболее спорным в трактовке различных школ представляется русский безударный вокализм, который знает такие нейтрализации, как $o \times a \rightarrow a$ (аканье) и $o \times a \times e \times u \rightarrow u$ (иканье). Свойства ударных гласных, как принято считать, не дают оснований для объяснения данных нейтрализаций. Именно поэтому Н.С. Трубецкой с оговорками отнес данные явления к разделу морфонологии, а М.В. Панов именно в фактах подобного рода видел ограниченность теории нейтрализации ПФШ. Данные нейтрализации получают объяснения как вполне закономерные, если исходить из того, что русский вокализм построен на двух градуальных оппозициях: 1) оппозиции по степени подъема (/a/ – нижний подъем, /э/, /о/ – средний подъем, /у/, /и/ – верхний подъем) и 2) оппозиции по степени лабиализации (/a/, /э/, /и/ – нелабиализованные, /о/ – слабо лабиализованный, /у/ – сильно лабиализованный).

Основная задача синтагмо-фонологии – объяснять видоизменения фонетических единиц в разных позициях. В позиции нейтрализации функционируют архифонемы – это единицы, имеющие более короткую функциональную характеристику по сравнению с единицами в сильных позициях. Для появления архифонемы необходимы: 1) нейтрализация; 2) сокращение признаковой характеристики как следствие нейтрализации.

В безударной позиции после твердых согласных и в позиции начала слова происходит нейтрализация синтагмо-фонем /a/ и /о/: трехчленная градуальная оппозиция по степени лабиализации трансформируется в бинарную (/a – о – у/ > /a – у/). Нейтрализованным оказывается срединный член градуальной оппозиции /о/, который в оппозициях такого рода является самым слабым. Устранение признака слабой лабиализации у /о/ приводит к его нейтрализации с /a/. Можно ли считать единицу, выступающую в позиции неразличения, архифонемой /A/? С одной стороны, налицо факт нейтрализации, с другой – характеристика /A/ формально не стала короче, так как /A/ по-прежнему остается двухпризнаковой единицей.

Можно предположить, что сужение возможностей для характеристики фонологических единиц может также рассматриваться как сокращение функциональной характеристики, что, собственно, и является поводом для появления архифонемы. Уход из системы синтагмо-фонемы /о/ приводит к то-

му, что противопоставление по лабиализации из градуально-го (трехчленного) трансформируется в бинарное. Следовательно, архифонему /A/ можно рассматривать как единицу с функционально более короткой характеристикой по сравнению с синтагмо-фонемой /a/ в позиции под ударением.

В рамках предлагаемого подхода получает фонологическое объяснение и иканье. В позиции после мягких согласных происходят два процесса: 1) устранение срединного члена оппозиции по степени лабиализации, то есть /o/; 2) полное устранение оппозиции по подъему в пользу немаркированной для данной позиции /и/. В результате нейтрализации получаем вокализм, построенный на основе противопоставления только по признаку лабиализации.

Синтагмо-фонемы и архифонемы не противоречат друг другу. Синтагмо-фонема получает свою характеристику в той позиции, в которой она функционирует, но смысл этой характеристики выявляется тогда, когда сопоставляются единицы разных позиций и с помощью исходной характеристики описываются соотношения единиц в разных позициях. В этом случае и появляется необходимость в архифонеме, через которую выявляется связь между разными позициями. Поэтому безударная гласная в слове *в[а³]дá* может быть описана и как синтагмо-фонема /a/ (выявлены свойства единицы в определенной позиции), и как архифонема /A/ (указывается не только на свойства единицы в определенной позиции, но и на связь этой единицы с единицами в других позициях). Архифонема – это один из способов реализации синтагмо-фонемы.

В.В. Тимофеев (Москва)

О ХАРАКТЕРЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ ГЛАСНЫХ В РУССКИХ ПРИСТАВКАХ

Исследователи не раз обращали внимание на особую реализацию гласных фонем в приставках, которые могут вести себя не как «составные части слова, спаянные с другими его частями языковой традицией, а как отдельные слова» [Кален-

чук, Касаткина 1999: 1–2]. Так, безударные гласные в приставках могут не редуцироваться, и/или выделяться просодически¹. В докладе представлена попытка выявить закономерности изменения произносительной нормы гласных в приставках.

Наблюдать поведение гласных фонем в приставках в диахронии позволил анализ речи информантов разных поколений (в ходе эксперимента дикторы-москвичи были разделены на 3 возрастные группы: 17–25 лет, 26–50 лет и 51 год и старше). Дикторам были предложены для прочтения специально составленные фразы, содержащие слова с исследуемыми приставками в сильных и слабых фразовых позициях.

Эксперимент показал, что речь представителей старшего поколения богата случаями ПВ изучаемых приставок. Информанты средней группы реже выделяют приставки просодически, в речи же младшего поколения вновь увеличивается число произнесений приставок с ПВ. Таким образом, графически представить динамику ПВ гласных в приставках можно в виде волны: приставку *пред-*, например, с ПВ произнесли 15% ст., 3% ср., 12% мл.

Также в ходе эксперимента было зафиксировано, что для речи старшего поколения характерен большой процент случаев произнесения безударных гласных полного образования в приставках, который снижается в речи информантов среднего поколения и вновь растет в речи дикторов младшей группы. Так, произношение приставки *до-* с нередуцированным гласным зафиксировано в 36% ст., 19% ср., 37% мл., а приставки *без-* – в 21,5% ст., 7% ср., 19% мл.

Особенности произношения приставок часто связываются исследователями с тенденциями к аналитизму и агглютинативности. Морфемный шов между приставкой и корнем заметен носителям языка, причем чем менее плотный стык между приставкой и корнем, тем выше вероятность того, что приставка ведет себя, как отдельное слово. Так, никто из дикторов не выделил просодически приставку в слове *предупредить*, а слово *предугадать* произнесли с ПВ на приставке 5%

¹ Под просодическим выделением (далее – ПВ) в данном докладе объединяются как имеющее семантическую природу акцентное выделение, так и чисто техническое побочное ударение.

ст., 10% ср., 0% мл. Однако если бы произносительная норма гласных в приставках отражала развитие в языке черт аналитизма, логичнее было бы предположить, что на протяжении определенного времени количество случаев ПВ приставок должно непрерывно расти. Но, как уже было показано, динамика ПВ приставок от старшего поколения к младшему представляет собой череду пиков и спадов. Таким образом, полученные данные не позволяют однозначно говорить о влиянии грамматической тенденции к аналитизму на реализацию в приставках гласных фонем.

Если некоторое время назад исследователями отмечалось отсутствие связи между наличием ПВ на приставке и качеством гласного в этой приставке [см. Каленчук, Касаткина 1999], данные проведенного эксперимента говорят об изживании редуцированного гласного в позиции под ПВ: этот процесс развивается в одном направлении (в отличие от волнообразного изменения числа случаев произнесения приставок с нередуцированным гласным или под ПВ). В приставке *до-*, например, редуцированный под ПВ [э̞] произнесли 1,3% ст., 0,6% ср., 0,6% мл., а в приставке *без-* – 0,5% ст., 0% ср., 0% мл.

Сокращение числа реализаций гласной фонемы в позиции приставки под ПВ может быть рассмотрено как одно из проявлений закона, согласно которому «во всех позициях число гласных уменьшается» [Панов, 1990: 203]. Этот же факт показывает уменьшение кода, и, следовательно, антинomia «код-текст» продолжает развиваться в пользу текста, что было отмечено еще М.В. Пановым [Фонетика современного русского литературного языка, 1968].

И.И. Фужерон (Франция)

ПАУЗА – ГДЕ И ПОЧЕМУ

Членение высказывания, в первую очередь предполагает «актуальное членение» – на тему и рему. Наблюдения за устной речью во всех ее проявлениях – спонтанной, подготовленной, чтением вслух – позволяют говорить о «физическом» членении на более мелкие отрезки внутри каждого из двух членов фразы. Это членение осуществляется при помощи

пауз, или их интонационного заменителя. В каких же местах высказывания возможна пауза?

Анализ проводился на основе результатов работы 10 информантов над 6 текстами, в которых были упразднены все знаки препинания кроме точек, и которые предлагалось прочитать *pro se*, отмечая места остановок (пауз). Спустя несколько месяцев была проведена повторная запись чтения этих текстов теми же информантами.

Анализ результатов работы информантов позволил выявить два общих случая появления пауз, которые, на первый взгляд, противоречат друг другу: с одной стороны, законченность информации, заключенная в отрезке (синтагме), вызывает появление последующей паузы, с другой, пауза возникает после семантического или грамматического показателя незавершенности, недостаточности информации.

Рассмотрим некоторые частные случаи.

● Пауза при союзе И

Как показали результаты, в большинстве случаев перед союзом *и*, соединяющем два члена, паузы нет. Она появляется очень редко и у ограниченного числа информантов в следующих случаях:

- в текстах научного содержания,
- при выделении первого из соединяемых членов,
- в финальной позиции, где появление паузы может объясняться конечным замедлением (*ritardante*).

При перечислении, которое предполагает некоторую однородность членов, каждый член сопровождается мелодическим подъемом или паузой. Она реализуется и перед союзом *и*, закрывающим серию. Если же принцип однородности не соблюдается, при реализации наблюдается разброс в расстановке пауз. При закрытии перечислительной серии нередко отмечается замедление.

При соединении союзом *и* двух предикатов констатируется слабая тенденция к реализации паузы после первого члена. Нераспространенные, одиночные предикаты в наших текстах встречаются редко. Распространение предиката до или после союза *и* стимулирует появление паузы. Полнота информации, заключенной в члене перед союзом *и* является одним из факторов реализации паузы. Чем больше распространен предикат

перед *и*, тем полнее приносимая информация, и тем сильнее выражается тенденция к реализации паузы перед союзом.

Выводы, сделанные на основе обработки результатов чтения *про себя* подтвердились результатами чтения *вслух*.

● **Отчленение темы паузой.**

Обработка результатов чтения *про себя* позволяет заключить, что одиночное подлежащее в начальной позиции в эмоционально нейтральном тексте почти никогда не сопровождается паузой. Однако при *чтении вслух* в большинстве случаев в ударном слоге подлежащего наблюдается сильный мелодический подъем. Можно говорить о некотором «бессознательном» вычленении темы. Распространение подлежащего эпитетом или несогласованным определением вызывает тенденцию к появлению паузы. Подлежащее в позиции второй темы (при иерархии тем) как правило связано с появлением последующей паузы после группы подлежащего.

Изменение синтаксического порядка слов приводит нередко к постановке в позицию темы существительного в косвенном падеже. Такая тема в большинстве реализаций сопровождается последующей паузой.

Наиболее последовательно пауза появляется после темы, выраженной обстоятельством детерминантом. И здесь также можно установить связь между распространением темы и появлением паузы или мелодического подъема.

Предметом анализа были также отношения паузы к структурным синтаксическим единицам: пауза почти всегда отмечает их конец, а для того, чтобы пауза была перед ними ей должен предшествовать специальный показатель.

Большой разброс в расстановке пауз наблюдается в тех случаях, когда синтагматические связи позволяют отнести слово как в ту, так и в другую синтагму. При чтении вслух в таких местах отмечались даже случаи сбоя.

А. Циммерлинг (Москва)

ТОНАЛЬНЫЙ АЛФАВИТ И ИНТОНАЦИОННАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается связь между фразовыми акцентами и механизмами, меняющими место и/или акцентуацию элементов предложения – Линейно-Акцентными преобразованиями. В русском языке имеется ограниченное число контурных просодий, конституирующих основные речевые акты. ИК трактуется нами как двусторонние единицы (тонемы), соотносённые с коммуникативным содержанием. Набор ИК есть тональный «алфавит»: он закрыт и включает только обязательные просодии. Наряду с этим имеется интонационная грамматика – правила комбинаторики (синтагматически располагающие ИК внутри фразы и ограничивающие возможные комбинации – так, после ремы с интонацией ИК-1/ИК-2 не бывает другой релевантной тонемы), и правила, предсказывающие появление ИК на основе трансформационных отношений между парами предложений с общей лексико-синтаксической структурой. Правила обеих типов связаны: запрет на интонационную маркировку темы после ИК-1/ИК-2 обусловлен тем, что все порядки, где рема предшествует теме, производные, а не базовые.

Для построения грамматики нужен более ограниченный алфавит, чем у Е.А.Брызгуновой. Синтаксически релевантны 4 тонемы: ИК-1, ИК-2, ИК-3 и ИК-6. Прочие принадлежат «акцентному словарю», а не «грамматике»: они соотносены со специальными типам речевых актов и не задействованы в преобразованиях порядка слов. Релевантные тонемы специфичны тем, что у каждой ровно две разных коммуникативных функции, в зависимости от того, в высказывании какого типа они представлены: ИК-1 и ИК-2 в повествовательном предложении маркируют ремю, а в вопросах — несобственно вопросительный компонент, ИК-3 в повествовательном предложении — маркер ремы, а в вопросах — маркер вопросительного компонента, ИК-6 маркирует как акцентно ослабленную ремю, так и дислоцированный компонент рем. Ничего подобного в употреблении «словарных» ИК-4, ИК-5 и ИК-7 нет. Промежуточных форм между ИК-1 и ИК-4, ИК-2 и ИК-3 нет, они выражают разное коммуникативное содержание.

Два релевантных нисходящих акцента, ИК-1 и ИК-2, соотносятся как нейтральный vs усиленный варианты акцента ремы/несобственно вопросительного компонента, противопоставление их поддерживается регулярными Линейно-Акцентными преобразованиями. ИК-2 характеризуется повышением интенсивности на ударном слоге, но важно и наличие опережающего движения тона (раннего тайминга) при ИК-1 сравнительно с ИК-2. Два релевантных восходящих акцента, ИК-3 и ИК-6, отличаются не только наличием/отсутствием спада на заударных и разной амплитудой подъема на ударном слоге, но и разным таймингом — поздним для ИК-6 и ранним для ИК-3.

ИК	Символ	Автосегментная транскрипция	Коммуникативные Функции	Аллофоны
ИК-3	↗	LN*L- (восходящий акцент с ранним таймингом)	1) Тема. 2) Вопросительный компонент вопроса	ИК-3 Q ИК-3 Contr
ИК-6	↗	L*NN- (восходящий акцент с поздним таймингом)	1) 2-я, Акцентно подавленная тема 2) Левый компонент дислоцированной ремы	
ИК-1	↘	NL*L- (нисходящий акцент с ранним таймингом)	1) Рема 2) Невопросительный компонент вопроса	ИК 1 Contr
ИК-2	↘	N*LL- (нисходящий акцент с поздним таймингом)	1) Рема 2) Невопросительный компонент вопроса	

Вторая колонка содержит акцентную маркировку, которая нами записывается не справа, а слева от акцентоносителя. Для исчисления Линейно-Акцентных преобразований нужна еще одна маркировка, которой не соответствует фонологически значимой контурной просодии. Данная маркировка записывается в виде индекса '0' слева от коммуникативной составляющей, которая понижается в коммуникативной иерархии в ходе линейно-акцентных преобразований и атонируется: ↗ Дед посадил ↘репку ⇒ ↗Посадил₀дед ↘репку.

ИК	Символ	Автосегментная транскрипция	Коммуникативные Функции	Аллофоны
-	₀ X	- (ровный тон / отсутствие акцента)	Снятый фонологический акцент	-

Мы предлагаем не просодическую транскрипцию как таковую, а набор маркировок для синтаксически значимых преобразований, влияющих на акцентуацию составляющих, и исключаем избыточную для процессора информацию: сведения о уровне входящего тона, амплитуде и глубине падения на заударных, наличии гортанной смычки или преаспирации и т.д.

А.Д. Шмелев (Москва)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ОРФОЭПИЯ: НОРМА И УЗУС

Церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Эти правила удобно представить следующим образом. На первом этапе осуществляется запись текста средствами современной русской (гражданской) графики — для такой записи существует строгий алгоритм. При этом получаемая русская запись менее информативна, чем исходный церковнославянский текст, так что механически восстановить его по записи невозможно. Это связано с рядом необратимых преобразований. Во-первых, в некоторых случаях двум или даже трем разным церковнославянским буквам алгоритм ставит в соответствие одну и ту же русскую. Во-вторых, осуществляемая алгоритмом замена является контекстной (напр., после шипящих *ы* заменяется на *и*). Кроме того, имеет место раскрытие титл и еще ряд менее существенных, но также формально необратимых преобразований исходного текста.

После того как замена осуществлена, полученная русская запись (обратим внимание на то, что она оказывается акцентуированной) читается в соответствии с нормативными русскими правилами чтения, за исключением специально огова-

риваемых случаев (иными словами, кодифицируются орфоэпические нормы, отличные от русских норм). Среди особых церковнославянских правил чтения практически всегда отмечается отсутствие качественной редукции гласных в безударных слогах и оглушения звонких шумных согласных на конце слова. Напротив того, правила чтения групп согласных обычно не упоминаются; лишь изредка говорится, что в группах согласных нет ассимиляции по глухости звонкости или что все согласные должны читаться (т. е. нет так называемых «непроизносимых» согласных). Наконец, иногда даются особые правила, касающиеся чтения отдельных букв, напр. буквы *z*: указывается, что она никогда не читается как [v]; в специальных случаях предписывается читать ее как [ʎ]. Практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собою компромисс между указанными орфоэпическими рекомендациями и навыками чтения русского текста.

Особенности региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов могут быть представлены посредством модификации первого этапа — представления церковнославянского текста средствами современной графики. Так, вариант чтения, который был распространен на Западной Украине и до сих пор используется в Польской Православной Церкви (возможно, наряду с другими вариантами чтения), предполагает, что букве *ѣ* ставится в соответствие не *e*, а *i*. Для описания чтения в русских приходах за границей в качестве первого этапа иногда удобно использовать алгоритм практической транскрипции церковнославянского текста средствами языка окружения.

Отдельную задачу составляет описание нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Эта проблема практически не ставилась в лингвистическом ключе. Здесь необходима обработка представительного корпуса материалов.

М.А. Штудинер (Москва)

ПРОСТОРЕЧНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ В ЭФИРЕ

Многие журналисты, работающие сегодня у микрофона, не прошли специальной подготовки для работы в электронных СМИ. Поэтому они либо совершенно не обращают внимания на фонетические особенности своей речи в эфире, либо считают их роль несущественной для достижения успеха в звучащей журналистике. Это приводит к тому, что в эфир проникает все больше и больше просторечных произносительных вариантов. Конечно, это плохо. Но для фонетистов в этом есть и положительная сторона. Дело в том, что кодификация литературной произносительной нормы может тормозить действие некоторых тенденций в фонетической системе. В просторечии же звуковые изменения, характерные для того или иного периода развития языка, происходят легче, свободнее, быстрее. Традиционной дикторской культуре речи всегда было свойственно строгое следование кодификации орфоэпической нормы. Поэтому не выходящее за рамки кодификации произношение теле- и радиодикторов не годилось для изучения живых фонетических явлений. Каждый фонетист знает, как трудно провести массовое фонетическое обследование. Ни одна из используемых для этого методик не может считаться совершенной. Сейчас сложилась уникальная ситуация: речь, звучащая в эфире, может служить объектом для изучения фонетических процессов, происходящих в современном русском языке.

Формы творительного падежа множественного числа имен существительных с основами на заднеязычные согласные [к], [г] и [х], например *виновниками*, *подругами*, *монархами*, часто произносятся журналистами как *винóвни[к'и]ми*, *подру́[г'и]ми*, *мона́р[х'и]ми* вместо орфоэпически правильных вариантов *винóвни[кь]ми*, *подру́[гъ]ми*, *мона́р[хъ]ми*: «Началась интенсивная перестрелка между *сотру́дни[к'и]ми* МВД и вооруженной группировкой»; «...скандал между местными *защитни[к'и]ми* животных»; «...встретилась с *подру́[г'и]ми*»; «Он проехал по всем странам и континентам, был принят *мона́р[х'и]ми*...» и т.п. В связи с высокой частотностью в эфире этих просторечных произносительных вариантов «Правила произношения» в «Словаре ударений русского

языка» (М., 2000) были дополнены следующим пунктом: «В форме творительного падежа множественного числа существительных с основами на заднеязычные согласные **к, г, х**: *сотрудник, художник, подруга, монарх* – безударное окончание *-ами* произносится как [ъм'и] с предшествующими твердыми согласными [к], [г], [х]: *сотрудни*[към'и], *художни*[към'и], *подру*[гъм'и], *монар*[хъм'и]. Произношение в этих случаях мягких [к], [г], [х] и окончания [им'и] – *сотрудни*[к'им'и], *художни*[к'им'и], *подру*[г'им'и], *монар*[х'им'и] – является просторечным».

Е.А. Брызгунова это фонетическое явление рассматривает как реализацию действующей в современном русском языке тенденции к расширению иканья и указывает, что произношение [и] в окончаниях форм творительного падежа множественного числа существительных связано со смягчением **заднеязычных** согласных.

Любая фонетическая тенденция действует в языке постепенно, охватывая в первую очередь слабые звенья звуковой системы. В нашем сообщении предпринята попытка объяснить, почему гласный [ь] в позиции после [к], [г], [х] оказался именно таким звеном.

Д.И. Эдельман (Москва)

К РАЗВИТИЮ ШИПЯЩЕЙ АРТИКУЛЯЦИИ В ЯЗЫКАХ ГРУППЫ САТЭМ

Известно, что шипящие согласные развились в индоевропейских языках группы сатэм в результате разных процессов. В докладе рассматриваются некоторые результаты действия правила RUKI – перехода и.-е. *s после *r, *u, *k, *i и палатальных в ш-образные звуки в славянских, балтийских и арийских языках. Интересны ареальный и хронологический аспекты этого явления.

В славянских языках, начиная с праславянского, наблюдается позиционное чередование данных шипящих с х, ср. и.-е. *snuso- > прасл. *snuxa — русс. *сноха*, и.-е. *moiso- > *moix – *мех*, и.-е. *saus-, sus- > *soix- – *сухой*, но и русс. *сношенька*,

мешок, сушь. Об артикуляционной базе и относительной хронологии этого чередования имеется большая литература.

В балтийских языках картина более разнообразна: в литовском правило RUKI действовало при положении *s после *r и *k, но после *i, *u его следы менее четки и часто затушены влиянием на фонологический уровень со стороны морфологии, словообразования, парадигматического уподобления, ассимиляции. В латышском и древнепрусском во всех этих случаях вместо шипящей выступает s, как и при отражении и.-е. палатальной, что может свидетельствовать о вторичной ассимиляции шипящих (ср. «мазурение» в мазовских и малопольских говорах польского языка).

На другом конце сатэмного ареала — в арийских языках (то есть иранских, индийских, нуристанских и дардских) переход и.-е. *s в шипящие после рефлексов и.-е. *r, *u, *k, *i и палатальных тоже выявляет определенные исключения. Одно из значимых для нас — отражение в прануристанском и.-е. *s после *u в виде s, в то время как в индийских, иранских и дардских языках и.-е. *s здесь закономерно переходит в шипящие. Поскольку ряд других историко-фонетических, морфологических и лексических признаков свидетельствует о том, что нуристанская группа вычленилась из общеарийского состояния очень рано — до того, как в остальных языках развились общие инновации, — можно предположить, что неполнота действия правила RUKI могла быть присущей и раннему праарийскому состоянию.

В ряде трудов переход *s в шипящие в этой позиции рассматривался как палатализация, что для арийских языков не совсем так. При общей фонетической тенденции к появлению у *s шипящего компонента артикуляции, его характер зависел от предшествующего звука: после *r, *k и в большинстве диалектов после *u происходил сдвиг в велярную зону, а после *i и рефлекса палатального — в палатальную. Первоначально это были позиционные варианты, находившиеся в отношениях дополнительной дистрибуции друг с другом и с [s], затем произошло фонологическое размежевание свистящих и шипящих, причем в прануристанском, где *s после *u реализовалась, возможно, лабиализованным свистящим, ее рефлекс закрепился за фонемой s.

Реализация новой шипящей фонемы была различной по регионам: в древних нуристанских, дардских, индийских и юго-восточных иранских диалектах она была представлена веляризованными звукотипами, в западноиранских — преимущественно палатализованными, что отразилось в ее дальнейших рефлексах.

Итак:

1. Ареал: Подтверждается гипотеза об ареальной зависимости процесса перехода *s в шипящие в диалектах индоевропейского континуума: начало ему было положено в некоем едином центре, по отношению к которому протобалтийские диалекты находились на периферии, а переход шипящего в x в славянских языках был одним из первых собственно праславянских фонетических изменений [Чекман 1981, 36–37]. Теперь можно добавить, что на другой — восточной периферии индоевропейского континуума находились древнейшие праарийские (и далее прануристанские) диалекты.

2. Хронология: В славянских и в той части арийских языков, где индоевропейские палатальные согласные перешли в сибиллянты, действие правила RUKI прошло и прекратилось прежде, чем завершилась ассибиляция палатальных, поскольку в противном случае правило RUKI охватило бы и их. В арийских языках это правило полностью реализовалось уже после отделения нуристанской ветви.

Е.В. Ягунова (Санкт-Петербург)

ФОНЕТИКА И СМЫСЛ ПРИ ВОСПРИЯТИИ БЕССМЫСЛЕННОГО ТЕКСТА

Коммуницируемый смысл содержится в тексте. Именно звучащий текст в контексте восприятия в ситуации речевой коммуникации является основным объектом данного исследования. Но что такое текст? И каким образом в нем может быть выражен смысл?

На материале русского языка, пожалуй, наиболее известным примером художественного асемантического текста¹ являются «Лингвистические сказочки» Л. Петрушевской. В качестве основного материала исследования нами был выбран роман «Бурлак» (часть II) – эмоционально насыщенный сюжетный текст с большим количеством диалогов – общим объемом 54 словоупотребления (40 фонетических слов, 132 слога). Текст был прочитан опытным диктором.

Испытуемым предлагалось прослушать магнитофонную запись текста удобными порциями, останавливая прослушивание с помощью клавиши «пауза» и записывая каждый следующий услышанный фрагмент с новой строки, начинающейся с символа «звездочка». Текст можно было слушать один раз, не возвращаясь назад. В словах требовалось проставить ударение. В эксперименте приняло участие 30 носителей русского языка (главным образом, студентов гуманитарных специальностей), не являющихся опытными аудиторами и прежде не читавших этот текст.

В данном докладе рассматриваются результаты исследования процедур восприятия и понимания данного текста. В эксперименте словесная разборчивость составляет 44%, что является довольно высоким показателем, учитывая асемантичность текста и отсутствие опыта у испытуемых (ср. Ягунова 2008).

На этом материале хорошо исследовать влияние презумпции осмысленности (по В.Б. Касевичу), позволяющей сделать бессмысленный текст осмысленным.

Данное исследование смысловой и коммуникативной структурированности текста базируется на описании синтаксических и просодических признаков, характеризующих структурные составляющие текста, и на результатах распознавания его слов. Среди просодических признаков рассматриваются паузация, движение основного тона и энергетическая огибающая (прежде всего, максимум на огибающей).

Наиболее подробно анализировались классы слов с высокой разборчивостью (большим числом испытуемых, распознавших слово): от 40% до 70% – в дальнейшем опорные слова. Напр., если рассматривать в качестве основной едини-

¹ Обзор идей и принципов создания асемантических текстов см. в [Успенский 2007; Поцелуев 2006].

цы фонетическое слово, то доля слов, распознанных в 50% случаев, составляет 0,35, для лексико-грамматических слов величиной не менее слога эта доля возрастает до 0,44.

Для слов, распознающихся не менее чем в 40% случаев, анализируется матрица замен для согласных как наиболее информационно нагруженных фонем. Построенные таким образом матрицы замен позволяют проследить основные закономерности перцептивной сохранности и перцептивных замен, сохраняющие или искажающие опорные слова. Причина особого внимания к опорным словам заключается в том, что именно они несут основную смысловую нагрузку при восприятии и понимании текста.

Описание роли опорных слов – при восприятии текста и его структурных составляющих – включает в себя изучение синтаксической позиции, позиции в коммуникативном членении; а также соотнесение с ключевыми словами (выделяемыми в отдельном подэксперименте).

В данном исследовании анализируется фонетическая и смысловая ткань текста в, казалось бы, несовместимых условиях – асемантической и художественного замысла¹.

Т.Е. Янко (Москва)

ПРИНЦИПЫ ВЫБОРА СЛОВОФОРМ-НОСИТЕЛЕЙ АКЦЕНТНЫХ ПИКОВ В ЗВУЧАЩИХ ТЕКСТАХ

Частотные пики, несущие такие значения, как иллюкативная сила, незавершенность текста и другие, накладываются на сегментный материал не случайно, а в связи с соответствующими словоформами-носителями. В докладе дается обзор различных принципов выбора таких словоформ.

¹ Для того чтобы проанализировать фактор художественного замысла, проводится сопоставление результатов с искусственным асемантическим художественным текстом, превращенным из исходного в асемантический путем замены согласных на их парадигматические аналоги (в письменном варианте текста), напр., – *Опять притащился! Пора бы знать своё место, здесь тебе не банк! Отяк снипафился! Кова лы жрать хмоё рефто, гвех пеге ле дарт!* [см. подробнее Ягунова 2008].

Базовый принцип выбора акцентоносителя в коммуникативном компоненте, таком как тема или рема, основан на языковых, преимущественно синтаксических, иерархиях. Этот выбор задается актантной структурой предиката, активацией, исключая имя референта, названного в предтексте, из множества выбора, набором сирконстантов, идиоматичностью заполнения валентностей и др. факторами. Так, второе дополнение имеет приоритет перед первым дополнением и подлежащим; подлежащее имеет приоритет перед финитным глаголом. Примеры – *В чем дело?* – **Дети** плохо едят с акцентоносителем ответной реплики словоформой *дети* и – *В чем дело?* – *Дети* **кашу** плохо едят с акцентоносителем *кашу* иллюстрируют приоритет актантов над глаголом и дополнения над подлежащим. В компонентах, претендующих на роль акцентоносителя и имеющих структуру именных, глагольных, некусных групп, сложных компонентах, не сводимых к одной доминирующей составляющей в дереве составляющих, действуют дополнительные внутренние правила. Базовый принцип наиболее полно изучен в лингвистике, поэтому особый интерес представляют периферийные принципы, отклоняющиеся от основной схемы. Известные нам периферийные принципы, действующие на разных уровнях построения предложения и текста, состоят в следующем.

Линейный принцип разработан языком для некоторых типов речевых актов, прежде всего для обращений, представляющих собой более чем однословные именные группы. При адресации в условиях пространственной или психологической близости говорящего от слушающего акцентный пик иконически сдвигается «влево»: **Марья** Ивановна, как же это вас так угораздило? с акцентом на *Марья* и редукцией на *Ивановна*. Ср. акцентоноситель *Ивановна* при базовом принципе в *Меня зовут Марья Ивановна* и при линейном, но в условиях, наоборот, пространственной или психологической дистанции: *Марья Ивановна-а, ау!*; *Марья Ивановна, вы что это себе позволяете?!*

Иллокутивный принцип предполагает, что в некоторых маркированных типах речевых актов (недоумениях, воспоминаниях, мечтах) выбор может происходить по индивиду-

альным правилам: *Куда-а* мои очки запропастились, *пря*m не знаю с акцентом на *куда* (ср. базовый акцентоноситель *очки* в *Куда-то* мои *очки* запропастились); *Вот бы сейчас бутербро-одик* с колбаской (*Мама дала мне с собой будербродик с колбаской*); *А я там с Ва-асей* Ивановым встречалась (*Я там встречалась с Васей Ивановым*).

Текстовый принцип может вносить в предложение отдельный от акцентоносителя ремы дополнительный акцентоноситель, говорящий о том, что текст еще не кончился. Так, в предложении разговорной речи *Я тогда пиджак снял...* с «рематическим» падением тона на *пиджак* подъем на конечном глаголе указывает на незавершенность текста.

Культурно обусловленные (несобственно языковые) принципы в чтении поэтических, фольклорных и литургических произведений вносят в предложение акцентоносители, отличные от базовых. Так, в литургическом чтении *...и ангельскую* *песнь* *вопием Ти, Сильне...* акцент на словоформе *ангельскую* говорит о начале строки. Здесь же (факультативно) может иметься акцент на *песнь*, «унаследованный» от базового принципа. В строке *...акоже* *и мы вставляем должником нашим...* акцент на *акоже* говорит о начале строки, а «базовый» акцентоноситель *должником* остается не выделенным. В строке *...но избави* *нас от лукаваго* акцент на *лукаваго* говорит о конце текста (а акцент на *избави* – о начале строки).

Доклад сопровождается звучащими записями с демонстрацией тонограмм, а также анализом соответствий рассмотренных принципов в текстах на других языках, кроме русского и церковнославянского.

Работа выполнена по теме «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», госконтракт 02.740.11.0370.

C.L. Drage (Великобритания)

**КАК РУССКИЕ ВОСПРИНИМАЮТ
ЗВУКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ?
СВИДЕТЕЛЬСТВО АНГЛИЙСКИХ СЛОВ,
ПРИНЯТЫХ В РУССКИЙ СЛЕНГ.**

Можно полагать, что, поскольку написание английского слова, принятого в русский сленг, отклоняется от транслитерации, оно отражает, как русские слышат английские звуки.

Начнем с английских монофтонгов.

1. Английский гласный [ʌ] является кратким, неогубленным гласным средне-заднего ряда средне-нижнего подъема, например:

Англ. *pub, yippi, sucks, trouble, bubble-gum, young, come on.*

Рус. *паб, яппи, сакс, трабл, бабл-гам, янг, камон/комон* (второй вариант через транслитерацию)¹.

В русском сленге английский гласный [ʌ] заменяется русским [a], то есть звуком среднего ряда нижнего подъема². Значит, по сравнению с английским звуком артикуляция русского звука продвинута вперед и вниз.³

Это общее правило, но есть исключения.

Англ. *bluff*: рус. *блеф*. Здесь английский гласный [ʌ] заменяется русским неогубленным гласным [ɛ] переднего ряда среднего подъема. Значит, артикуляция гласного [ʌ] продвинута вперед и вверх. Встречается альтернатива, блёф, в которой артикуляция гласного [ʌ] продвинута назад и вверх. Надо заметить, что проф. Аванесов предостерегает против такого произношения.

Англ. *uterase* (computer terminology): рус. *энурез*. По общему правилу первый гласный соответствующего слова в русском сленге должен быть [a], но он оказывается гласным [ɛ], как будто оригинальный английский гласный был [æ] (см. 2).

¹ Источник примеров, приведенных в этом докладе – С.И. Левикова. Большой словарь молодежного сленга. М., 2003

² Артикуляционная классификация русских гласных взята у: Л.Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006, с. 32–35.

³ Для сопоставления русских и английских гласных см. Г.П. Торсуев. Обучение английскому произношению. М., 1956, с. 108–109.

Оба этих исключения, *bluff* и *unerase*, вызваны путаницей между английскими гласными [ʌ] и [æ].

Англ. *cut*: рус. *кутать*, видимо благодаря транслитерации. Здесь фонетические соображения не в счет.

Англ. *busy*: рус. *Бизи/бася*. Первая альтернатива, *бизи*, воспроизводит английские звуки более или менее точно. Во второй альтернативе, *бася*, первый гласный английского слова *busy* произносится неправильно, будто он был [ʌ], как в английских словах *pub*, *yuppi*, *sucks*.

Кроме рус. *браза/бразер*, регулярных рефлексов англ. *brother* в русском сленге, имеется *брайзер* с дифтонгом [aɪ].

2. Англ. монофтонг [æ], неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема, заменяется русским гласным [ɛ] переднего ряда среднего подъема. Значит, гласный [æ], оставаясь в переднем ряду, поднимается до среднего подъема.

Англ. *bad*, *band*, *back*, *brand*, *black*, *action*.

Рус. *бэд*, *бэнд*, *бэк*, *брэнд*, *блэк/блек*, *экиен*.

Стоит заметить, что начальный гласный русского сленгового слова *эмейзинг* указывает на то, что его создатель неправильно произносил [æ]mazing вместо правильного [ə]mazing.

Это общее правило, но имеются исключения, например, англ. *gapper*: рус. *реппер*; англ. *traffic*: рус. *трафик*; англ. *back up* (computer terminology): *быканать*; англ. *stab*: рус. *стёб*.

По общему правилу гласный [æ] в русском сленговом эквиваленте английского слова остается в переднем ряду, но его артикуляция движется выше, создавая звук [ɛ]; значит, отверстие рта суживается. В русском сленговом слове *реппер* это движение вверх усиливается еще из-за мягкости следующего двойного согласного. В остальных трех словах, с другой стороны, наблюдается движение артикуляции назад и, что касается последних двух слов, одновременно вверх. В слове *трафик* английский гласный [æ] продвинут назад из переднего ряда нижнего подъема в средний ряд нижнего подъема; в глаголе *быканать* первый гласный *back up* движется из переднего ряда нижнего подъема в средний ряд верхне-среднего подъема; и в слове *стёб* английский гласный [æ] движется из переднего ряда нижнего подъема в задний ряд среднего подъема.

Точно как в сленговом слове *брайзер* гласный [ʌ] английского оригинала заменяется дифтонгом [aɪ], английский мо-

нофтонг [æ] может представиться в русском сленговом слове дифтонгом, на этот раз дифтонгом [eɪ]:

Англ. *acid, badge, brand new*.

Рус. *эйсид, бейджик, брэйн*.

Появление здесь дифтонга, чей конечный элемент – [ɪ], свидетельствует о движении гласного, который все остается в переднем ряду, от среднего подъема до верхне-среднего подъема.

3. Английский гласный переднего ряда среднего подъема [ɛ] остается неизменным в соответствующем русском сленговом слове:

Англ. *energizer, breast, dead*.

Рус. *энерджайзер, брэст, дэд*.

4. Безударный английский гласный переднего ряда верхне-среднего подъема [ɪ] тоже не изменяется:

Англ. *message*.

Рус. *мессидж/месседж* (второй вариант через гиперкоррекцию).

Но ударный английский гласный [ɪ] поднимается в русском сленговом эквиваленте из верхне-среднего подъема в верхний подъем:

Англ. *gift*.

Рус. *гифт*.

Выводы. Между вокализмом английского и вокализмом русского мало общего. Примеры из русского сленга, основанного на английском языке, указывают на то, что русские предпочитают:

(1) заменить английский средне-задний средне-нижний гласный [ʌ] более открытым и более передним русским гласным [a];

(2) заменить английский гласный [æ] переднего ряда нижнего подъема русским гласным [ɛ] переднего ряда среднего подъема;

(3) оставить в основном неизменным английский гласный [ɛ] переднего ряда среднего подъема;

(4) заменить ударный английский гласный [ɪ] переднего ряда верхне-среднего подъема русским гласным [ɪ] переднего ряда верхнего подъема.

Общий вывод. Русские оставляют в существе неизменными закрытые английские гласные, но они сильно изменяют открытые английские гласные, заменяя их более передними и более узкими гласными. Английский гласный [ʌ] – исключение: он заменяется русским звуком более передним, но более открытым.

Е.А. Брызгунова (Москва)

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИНТОНАЦИИ

1. Интонация – это звуковое средство языка. В речевых ситуациях, т.е. в совокупности обстоятельств, инициирующих речь, интонация вычленяет и очерчивает предложение и совместно с синтаксисом и лексикой предложения выражает его смысловое и эмоционально-стилистическое содержание. С артикуляционно-акустической точки зрения интонация – это поток колеблющихся, постоянно меняющихся структур, состоящих из основного тона, интенсивности, длительности и интонационного тембра. Речевой отрезок может иметь разную длительность, но уже в пространстве 20 миллисекунд возможны 2-3-4 вершины изменений основного тона или интенсивности на слоге, который не является интонационным центром. При этом интонация имеет достаточно строгую систему, способную реагировать на эмоциональное состояние говорящего, различать оттенки интонационной синонимии и др.

2. Фонологический метод в интонации имеет много специализаций, обусловленных структурой звучащей речи и, является одним из основных доказательств интонационной системы русского языка. Доказательствами служат также слуховой и инструментальный анализ, изучение восприятия интонации в зависимости от лексики предложения, компонентный анализ слова и предложения, соотношение нейтрального и эмоционально окрашенного в предложении (диалогическая, монологическая речь) и др.

3. Интонация – это обобщенное понятие, которое в анализе конкретизируется как четыре интонационных средства:

- тип интонационной конструкции;
- место центра ИК;
- синтагматическое членение предложения;
- пауза внутри ИК.

Каждое из интонационных средств имеет свою систему оппозиций, которое по-разному обусловлено особенностями грамматического строя языка и связями слов в его лексическом составе.

4. Предложения и высказывания, которые могут стать членами интонационных оппозиций, имеют ряд ограничительных условий.

1) Звуковой состав предложений должен быть одинаковым. Звуки, произнесенные с повышением или понижением тона, являются фактом интонации.

2) Семантика предложений, выраженных лексико-грамматическим составом предложения, является одинаковой.

3) Различия, выраженные интонацией, несовместимы в одном контексте, например: *Он верну¹лся* (сообщение) – *Он вернул²ся?* (вопрос) *Он бы¹л в Париже.* – *Он был в Пари³же?* Общая семантика лексико-грамматического состава предложения, характерна для русского языка, средствами интонации различаются коммуникативный тип предложения и рема.

4) Однако при одинаковом звуковом составе в предложении может быть полифункциональное слово (полнозначное или служебное, разновидности служебных слов). С помощью интонации конкретизируется грамматический статус полифункционального слова и значение предложения, сравним: *На³до же было ему приехать!* (надо – частица, предложение выражает досаду, ненужность действия) и: *На³до же было ему /прие¹хать.* (надо – модальное слово со значением обязательности, предложение выражает необходимость действия, которое не совершилось). В этот вид интонационных оппозиций входят частицы, местоименные слова, в первую очередь: *какой, там* и др. Сравним: *Ну³, опоздаем?* *Что² тогда?* (опасение) – *Ну, опозда⁴ем?* *И что⁴?* (несущественность).

5) Члены интонационной оппозиции с одинаковым звуковым составом могут содержать потенциальные возможности семантико-синтаксической связи слова (это одушевленные существительные одного и того же рода). Средствами интонации эти связи конкретизируются; сравним: *Архитектор почув²ствовал: /заказчик одобряет его замысел.* (здесь: архитектор почувствовал, замысел архитектора) и: *Архите³ктор, почувствовал заказчик, /одобря²ет его замысел.* (здесь: почувствовал заказчик, замысел заказчика). Приведенные выше виды интонационных оппозиций наиболее представительны показывают функции интонации. Есть еще оппозиции, дающие основание для выделения разных видов интонационной синонимии.

5. Различительные возможности интонации имеют границы, обозначенные артикуляционно-акустическими компонентами речи, синтаксиса и лексики. Различительные воз-

возможности интонации начинаются в надглоточной и носовой полости при сомкнутой ротовой полости. Когда сомкнуты зубы и губы. На этом этапе уже осуществлен процесс голосообразования, т.е. функционирует основной тон, интенсивность, длительность, воздушная струя имеет выход через носовую полость, варьируется мышечная напряженность стенок резонирующих полостей, и место сосредоточенности (фокусы) мышечной напряженности. Это достаточно большой арсенал артикуляционно-акустических компонентов, благодаря которым возникают звукообразования неопределенного тембра, отдаленно напоминающие оттенки звуков [y] [a] [ы] [х] [м]. Назовем их вокалическими и консонантными междометиями, которые в письменной речи соотносимы с так называемыми междометными высказываниями (термин Н.И. Формановской): *ага*, *угу* и др. Наиболее отчетливой артикуляцией обладает смычка голосовых связок, имеющая некоторые особенности структуры: она может заменяться высокочастотным колебанием голосовых связок (взвизг), может иметь более продленную площадь. Междометные звукообразования состоят, из одного, чаще – сочетания из двух или трех компонентов: вокалический, вокалический + консонантный, вокалический + консонантный + вокалический. Как показывает слуховой анализ, одно и то же звукообразование, может выражать, более одного значения, по-разному характеризую отношение говорящего к высказываемому (т.е. субъективная модальность). Полифункциональность какого-либо одного средства – это общая черта интонационной системы.

6. Конечная точка различительных возможностей интонации обозначена в тех предложениях, где есть синтаксис, лексика, интонация, но еще остается невыраженным какой-либо компонент семантической или коммуникативной структуры, например, в пределах одного и того же предложения невыраженным может быть вопрос и обоснование, положительная или негативная оценка. В таких случаях используется предшествующий или последующий контекст. Но это уже вопрос о синтаксическом анализе в русском языке.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.В. Антонова</i> (Москва). Твердость/мягкость заднеязычного согласного в конце основы прилагательных в форме Им. п. ед. ч. м. р. в русском литературном языке.....	3
<i>Е.М. Алтайская</i> (Москва). О некоторых изменениях в акцентировании сочетаний служебных и знаменательных слов в современном русском литературном языке.....	5
<i>А.Д. Андреева</i> (Москва). Особенности вокализма клитических части.....	8
<i>Е.Л. Арзиани</i> (Москва). Факторы, оказывающие влияние на реализацию фонемы /j/.....	10
<i>Е.Л. Бархударова</i> (Москва). К проблеме описания типологии иностранного акцента в русской речи.....	12
<i>Д.Д. Беляев</i> (Тула). Схемы нейтрализации гласных фонем современного русского языка.....	14
<i>Н.В. Богданова</i> (Санкт-Петербург). Редуцированные формы – порча языка или факт его эволюции?.....	17
<i>Е.М. Большева</i> (Москва). Классификация фонетических анекдотов.....	20
<i>А.В. Венцов</i> (Санкт-Петербург). Физиология речеобразования и просодическое аннотирование корпусов.....	22
<i>А.В. Венцов, Е.И. Риехакайнен</i> (Санкт-Петербург). Стяжения звуков на стыке словоформ в русской спонтанной речи.....	24
<i>А.В. Венцов, Н.А. Слепокурова</i> (Санкт-Петербург). Об опыте создания фонетически аннотированного корпуса русской спонтанной речи.....	27
<i>Л.А. Вербицкая</i> (Санкт-Петербург). Основные тенденции развития произносительной нормы русского языка.....	29
<i>И.А. Вещикова</i> (Москва). Орфоэпическое научное знание и особенности его реализации в практических руководствах и справочниках.....	31
<i>Н.А. Волкова</i> (Череповец). Аффрикаты в курских говорах.....	33
<i>С.А. Воробьева, Е.В. Маркасова, С.Б. Степанова</i> (Санкт-Петербург). Восприятие интенционального состояния говорящего: перцептивный анализ и акустические характеристики слова <i>конечно</i>	35
<i>Ж.В. Ганиев</i> (Москва). О проведении орфоэпического эксперимента.....	38

<i>С. Гжибовский</i> (Польша). Некоторые явления русской фонетики в польском «зеркале».....	40
<i>Т.М. Григорьева</i> (Красноярск). «Много шума из ничего»: размышления о лингвистической компетентности носителей русского языка.....	42
<i>И.Г. Добродомов, Л.А. Щербакова</i> (Москва). Два облика одного пограничного сигнала в русской фонологии.....	44
<i>К.И. Долотин</i> (Москва). Анализ инвариантных спектральных характеристик квазисегментной структуры речевого сигнала (на материале русского и китайского языков).....	49
<i>С.В. Дьяченко</i> (Москва). Система гласных первого предупредительного слога после отвердевших согласных в южнорусских говорах с архаическим типом вокализма (на примере говора с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.).....	51
<i>Е.Ф. Журавлёва, Т.Б. Журавлёва</i> (Греция). Принципы и основы написания практической части учебного пособия по фонетике русского языка для греческой аудитории.....	53
<i>М.Р. Ильина</i> (Москва). Особенности постановки ударения в профессиональной лексике.....	55
<i>И.И. Исаев</i> (Москва). Формантная картина гласных в альбоме русских диалектных систем.....	57
<i>М.Л. Каленчук</i> (Москва). Фонетика и грамматика.....	59
<i>Л.Э. Калнынь</i> (Москва). О влиянии уровня артикуляционного контраста в пределах звуковой последовательности на фонетические изменения в славянских диалектах.....	61
<i>Т.В. Карасёва</i> (Воронеж). Фонетика говора села Старая Тойда Аннинского р-на Воронежской обл.....	64
<i>Л.А. Карев</i> (Франция). О выборе фонетической нормы для русской оперной и камерной вокальной музыки XIX в.....	66
<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Орфоэпема как основная единица орфоэпии.....	67
<i>Р.Ф. Касаткина</i> (Москва). О силе проминентности.....	70
<i>Е.Ф. Киров</i> (Москва). Терминология русской фонетики.....	72
<i>Ю.А. Клейнер</i> (Санкт-Петербург). Фонетические корреляты ударения (диахронический аспект).....	74
<i>С.В. Князев</i> (Москва). О статусе мягких заднеязычных: фонетика и фонология.....	76

<i>С.В. Кодзасов, Е.В. Щигель</i> (Москва). Просодические особенности региональных разновидностей литературной русской речи (на материале записей передач областных и районных радиостанций).....	78
<i>Р. Кондыбаева</i> (Казахстан). Природа словесного ударения в казахском языке сопоставительно с русским: к постановке проблемы.....	80
<i>А. Красовицкий</i> (Великобритания). Развитие нейтрализации гласных в севернорусском говоре.....	82
<i>О.Ф. Кривнова</i> (Москва). Длительность дыхательных пауз с разной текстовой локализацией.....	84
<i>Р.Э. Кульшарипова</i> (Казань). Проблемы русской фонетики в условиях межнационального общения: традиции Казанской лингвистической школы.....	87
<i>Е.И. Литневская</i> (Москва). Графические способы обозначения фонетических признаков «живой речи» в художественной литературе.....	89
<i>И.М. Логинова</i> (Москва). Согласный [j] в русской фонологической системе, орфоэпии и орфографии.....	91
<i>Г.Н. Межецкая</i> (Череповец). Об аканье в елецких говорах.....	93
<i>С.А. Мызников</i> (Санкт-Петербург). О некоторых аспектах фонетической субституции и адаптации прибалтийско-финской фонемы [n].....	96
<i>А.В. Павлова, Н.Д. Светозарова</i> (Санкт-Петербург). Особенности фразового ударения в русской идиоматике.....	102
<i>С.К. Пожарицкая</i> (Москва). О некоторых эллиптических явлениях в устной речи.....	103
<i>М.Б. Попов</i> (Санкт-Петербург). К фонологической трактовке редуцированного [ъ] в современном русском языке.....	105
<i>А.И. Рыко, С.Б. Степанова</i> (Санкт-Петербург). Фонетическая реализация слов <i>что, чего</i> в спонтанной русской речи (по материалам звукового корпуса «Один речевой день»).....	108
<i>Д.М. Савинов</i> (Москва). Гдовское оканье на острове Пийриссаар (Эстония).....	110
<i>Н.Д. Светозарова</i> (Санкт-Петербург). Фонетические особенности русских антропонимов.....	113
<i>Е.С. Скачедубова</i> (Москва). Особенности реализации гласной фонемы в приставке <i>вы-</i>	115

<i>А.А. Соколянский</i> (Магадан). Нейтрализации русского вокализма через призму синтагмо-фонологии.....	118
<i>В.В. Тимофеев</i> (Москва). О характере изменения произносительной нормы гласных в русских приставках.....	119
<i>И.И. Фужерон</i> (Франция). Пауза — где и почему.....	122
<i>А. Циммерлинг</i> (Москва). Тональный алфавит и интонационная грамматика русского языка.....	125
<i>А.Д. Шмелев</i> (Москва). Церковнославянская орфоэпия: норма и узус..	127
<i>М.А. Штудинер</i> (Москва). Просторечное произношение в эфире..	129
<i>Д.И. Эдельман</i> (Москва). К развитию шипящей артикуляции в языках группы сатэм.....	130
<i>Е.В. Ягунова</i> (Санкт-Петербург). Фонетика и смысл при восприятии бессмысленного текста.....	132
<i>Т. Е. Янко</i> (Москва). Принципы выбора словоформ-носителей акцентов пиков в звучащих текстах.....	134
<i>C.L. Drage</i> (Великобритания). Как русские воспринимают звуки английской речи? Свидетельство английских слов, принятых в русский сленг.....	137
<i>Е.А. Брызгунова</i> (Москва). Фонологический метод в интонации..	140

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка, 18/2

Оригинал-макет подготовлен Д.М. Савиновым

Подписано в печать 09.09.2010. Формат 84х108/32.
Бумага „Performer“. Печать цифровая. Печ. л. 8.
Тираж 120 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, Московская обл., Люберцы, Октябрьский пр-т, 403
Тел. 554-21-86